

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. АУЭРБАХА.

РОДИЛСЯ и выросъ при крѣпостномъ еще правѣ; получилъ образованіе сначала дома въ деревнѣ, потомъ въ московской 3-й гимназій и Московскомъ университетѣ; пережилъ уже взрослымъ человѣкомъ 19-е февраля 1861 года; находился въ самый разгаръ польскаго мятежа 1863 года въ Вильнѣ, во время намѣстничествъ тамъ В. И. Назимова, графа М. Н. Муравьева и К. Т. Кауфмана; присутствовалъ въ Румыніи и Болгаріи въ качествѣ частнаго человѣка во время послѣдней войны съ Турціей въ 1877—1878 годахъ, входилъ тамъ въ сношенія съ главнокомандующимъ тыломъ дѣйствующей арміи А. Р. Дренгельномъ и съ командовавшимъ временно руссукскимъ отрядомъ П. С. Ванновскимъ (потомъ военнымъ министромъ); мнѣ пришлось быть очевидцемъ многого и пережить многое, что можетъ представить интересъ не только для моего сына, которому посвящаю мои воспоминанія, но и вообще для всѣхъ интересующихся событіями, происходившими въ Россіи во второй половинѣ XIX столѣтія. Вотъ мотивы, по которымъ я рѣшился писать мои воспоминанія, хотя они, быть можетъ, и не будутъ обладать особыми литературными достоинствами.

I.

Мои родители. — 3-я московская гимназія въ пятидесятыхъ годахъ. — Директоры гимназій: П. В. Зиновьевъ, князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ и В. П. Гривцовъ; старшій надзиратель А. И. Верданъ; учителя. — Попечитель В. И. Назимовъ. — Военныя упражненія. — Кончина императора Николая I и восшествіе на престолъ Александра II.

Родился я 20-го января 1839 года въ городѣ Кашинѣ (Тверской губерніи), гдѣ отецъ мой, Андрей Андреевичъ Ауэрбахъ, служилъ городскимъ и уѣзднымъ докторомъ. Женатъ онъ былъ на дочери богатаго саратовскаго помѣщика, Оедора Петровича фонъ-Бергхольцъ, Анастасіи Оедоровнѣ.

Въ 1845 году, послѣ кончины дѣда моего, Андрея Яковлевича Ауэрбаха, родители мои переѣхали изъ Кашина въ доставшееся имъ отъ дѣда имѣніе — село Кузнецово (Корчевскаго уѣзда той же Тверской губерніи), гдѣ была извѣстная Ауэрбаховская фаянсовая фабрика.

Къ характеристикѣ того времени долженъ сказать, что дѣдъ былъ человекъ добрый, не деспотъ и не завзятый крѣпостникъ; тѣмъ не менѣе у него были нѣкоторыя странности временъ крѣпостничества, изъ которыхъ одна весьма оригинальная, почему и упомяну о ней. Онъ былъ какъ будто помѣшанъ на подборѣ производителей, какъ въ домашнихъ животныхъ, такъ и въ своихъ крѣпостныхъ людяхъ; пожелаетъ, на примѣръ, какойнибудь Ванюха, лѣтъ 18-ти, жениться на какойнибудь Катюшѣ, — они оба должны явиться къ дѣду и лично просить разрѣшенія на вступленіе въ бракъ. Осмотритъ ихъ дѣдъ со всѣхъ сторонъ, и если только они, по его понятіямъ, подходятъ другъ къ другу по физическому ихъ строенію, то свадьба разрѣшается немедленно, и онъ протезируетъ такой парочкѣ, помогая ей и приданнымъ, и скотомъ, и хлѣбомъ; если почему либо ему, бывало, покажется, что Ванюха чересчуръ малъ ростомъ для Катюши, или Катюша мало утробиста, — тогда онъ свадьбы ни за что не разрѣшалъ, и никакія мольбы и упрасиванія на него не дѣйствовали. Въ этомъ онъ былъ непреклоненъ.

Мать, воспитывая насъ, дѣтей, обращала особенное вниманіе на наше физическое развитіе, на основательное изученіе нами иностранныхъ языковъ и на занятія музыкой. Въ маѣ 1851 года, отецъ повезъ меня въ Москву, гдѣ я, несмотря на мои двѣнадцать только лѣтъ, легко выдержалъ экзаменъ прямо въ 4-й классъ московской 3-й гимназій, благодаря основательной и хорошей подготовкѣ дома. Мы ѣздили тогда въ Москву по только что открытому между Тверью и Москвой участку Николаевской желѣзной дороги, представлявшей тогда диковинную новинку.

Лѣто 1851 года пролетѣло для меня очень быстро, и не успѣлъ я оглянуться, какъ въ началѣ августа отецъ опять повезъ меня въ Москву, гдѣ устроилъ на жительство въ славившемся тогда пансіонѣ француза Адольфа Стори, въ которомъ было два отдѣленія. Въ одномъ были ученики, обучавшіеся въ заведеніи всѣмъ предметамъ у лучшихъ учителей; въ другомъ помѣщали къ нему на хлѣба, съ обязательной практикой на иностранныхъ языкахъ, учениковъ гимназій и другихъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ и я.

Поступилъ я въ 3-ю гимназію при директорѣ П. В. Зиновьевѣ; это былъ человѣкъ, съ виду свѣтски воспитанный, всегда корректно одѣтый, съ тихой, сдержанной рѣчью, но буквально неистовый, когда разгорячится. Къ нему, какъ нельзя болѣе, подходила поговорка: «мягко стелетъ, да жестко спатъ». Онъ былъ до того строгъ, требователенъ и взыскателенъ въ мелочахъ, что ученики и большинство преподавателей ненавидѣли его. Не знаю, долго ли онъ вообще былъ директоромъ 3-й гимназіи, но при мнѣ онъ былъ очень недолго. Ему пришлось выйти, и его перевели куда-то въ провинцію, когда съ нимъ приключилась непріятная исторія: разъ какъ-то опъ приходитъ въ четвертый классъ во время урока нѣмецкаго языка и замѣчаетъ на одной изъ партъ гимназиста Линцера въ разстегнутомъ скюртукѣ; директоръ подзываетъ его къ себѣ, дѣлаетъ выговоръ и приказываетъ ему стать на колѣни; Линцеръ не становится; тогда директоръ хватаетъ его за волосы и силой хочетъ поставить на колѣни; но Линцеръ ловко вырывается, оставивъ клокъ волосъ въ рукахъ директора, и со всего размаха даетъ директору пощечину. Сопровождавшіе всегда директора по классамъ надзиратели Верданъ и Пушкинъ схватываютъ несчастнаго Линцера и волокутъ его, по приказанію директора, въ карцеръ. Произошло это на второмъ урокѣ, а во время большой рекреаціи, въ двѣнадцатомъ часу, всѣ гимназисты были собраны въ актовъ залъ, гдѣ, въ присутствіи ихъ и нѣличныхъ преподавателей, Линцеръ, мальчикъ 15-ти уже лѣтъ, былъ высѣченъ, и публично было объявлено объ исключеніи его изъ гимназіи. Однако истязаніе ученика и полученная пощечина даже въ тѣ суровыя времена не прошли директору даромъ, и его куда-то убрали. Впрочемъ, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ опять сумѣлъ заслужить расположеніе высшаго начальства и, сколько мнѣ помнится, чуть ли не былъ въ послѣдствіи попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа...

Послѣ П. В. Зиновьева директоромъ къ намъ былъ назначенъ А. П. Ширинскій-Шихматовъ (въ послѣдствіи товарищъ министра народнаго просвѣщенія). Какъ теперь, вижу передъ собой этого добродушнаго, полнолицаго, всегда краснощекаго, не особенно умнаго, но милаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, который въ самое короткое время снискалъ всеобщую любовь и самое искрен-

нее, сердечное расположеніе къ себѣ. Князь любилъ музыку и литературу и, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ мѣсяцъ устраивалъ у себя нѣчто въ родѣ литературно-музыкальных вечеровъ, на которые приглашались всегда гимназисты, преимущественно изъ учившихся музыкѣ, хорошо владѣвшихъ французскимъ языкомъ и особенно отличавшихся хорошимъ чтеніемъ по-русски. Мой товарищъ, князь Юрій Трубецкой, и я бывали почти всегда приглашаемы на эти вечера и пользовались особеннымъ расположеніемъ директора.

Кончилъ я курсъ гимназіи уже при директорѣ В. П. Гривцовѣ, не задолго передъ этимъ только назначенномъ на мѣсто князя Ширинскаго, получившаго совершенно неожиданно высшее назначеніе. В. П. Гривцовъ пользовался тоже любовью и уваженіемъ, какъ человѣкъ справедливый, хотя и требовательный.

Во время моего пребыванія въ гимназіи попечителемъ Московскаго учебнаго округа былъ В. И. Назимовъ, потомъ виленскій генераль-губернаторъ и намѣстникъ Сѣверо-Западнаго края, при которомъ началось знаменитое польское возстаніе 1863 года. Николаевскій генераль, безъ особо блестящаго и основательнаго образованія, не любившій ученость и ученыхъ, Владимиръ Ивановичъ представлялъ собою довольно курьезнаго попечителя учебнаго округа. Не удивительно, что про него ходила масса самыхъ невѣроятныхъ анекдотовъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: пріѣзжаетъ будто бы Назимовъ въ университетскій ботаническій садъ; тамъ ему не понравилось въ оранжереѣ, что растенія стоятъ не по росту, и, получивъ на предложенный имъ вопросъ: «почему это?»—отвѣтъ ботаника-профессора Фишера-фонъ-Вальдгейма, что растенія поставлены по системѣ Линнея, онъ будто бы закричалъ: «какія тамъ линейки! глупости! поставитъ по ранжиру!»...

Во время севастопольской войны, по распоряженію В. И. Назимова, въ университетѣ и въ старшихъ классахъ гимназій, начиная съ пятаго, начали обучать маршировкѣ, ружейнымъ приемамъ и тактикѣ. Для этого были приглашены инструкторы-офицеры, съ унтеръ-офицеромъ и барабанщикомъ при каждомъ, которые обучали насъ этимъ военнымъ наукамъ. По окончаніи классныхъ занятій, ежедневно, несмотря ни на какую погоду, насъ, старшихъ, выгоняли на дворъ гимназіи и, по крайней мѣрѣ, часъ, а то и болѣе, муштровали по-военному тихимъ шагомъ въ три приема и т. д.

Я, вообще способный ко всему, въ особенности zu allen brotlosen Künsten, очень скоро изъ рядовыхъ попалъ въ ротные командиры и даже былъ произведенъ въ баталіоннаго. Такъ какъ насъ было немного, то роты и баталіоны изображались длинными шестами, которые по концамъ держались только фланговыми; по-

этому не удивительно, что всѣ эволюціи и построенія производились нами довольно стройно и отчетливо.

Я имѣлъ несчастную привычку носить длинные волосы à l'artiste, на что директоръ, добрыйшій князь Ширинскій-Шихматовъ, смотрѣлъ сквозь пальцы, а попечитель В. И. Назимовъ этого терпѣть не могъ. Живо помню я и сейчасъ трагикомическое происшествіе со мной, когда В. И. Назимовъ, увѣдомленный, что нашъ баталіонъ 3-й гимназіи уже порядочно подученъ въ военной выправкѣ и наукѣ, производилъ намъ смотръ и ученіе. По окончаніи классовъ, только что баталіонъ былъ выстроенъ на дворѣ, какъ въѣхала коляска попечителя, и онъ, еще не вылѣзая изъ коляски, довольный фронтомъ, поздоровался съ нами. Мы дружно прокричали ему: «здравія желаемъ, ваше превосходительство!»... Но, какъ только Владимиръ Ивановичъ вышелъ изъ коляски, его лицо начало хмуриться, и онъ прямо направился ко мнѣ, одиноко стоявшему впереди своего баталіона съ лѣваго фланга.

Подойдя вплотную и рукой трепля мои длинные волосы, онъ прокричалъ:

— Это что?

— Волосы, ваше превосходительство,—не задумываясь отвѣчалъ я.

— Знаю, что волосы, болванъ! Остричь его сейчасъ на барабанъ!

Подлетѣли унтеръ-офицеръ и барабанщикъ, откуда-то и ножницы вдругъ взялись, посадили меня, раба Божія, на барабанъ и въ моментъ обдѣлали подъ гребенку.

Злость меня взяла. Самолюбіе мое было жестоко уязвлено публичной стрижкой передъ подчиненными мнѣ ротами съ шестами, я былъ глубоко оскорбленъ посягательствомъ на мою внѣшнюю артистическую красоту. Остриженный я всталъ передъ своимъ баталіономъ ужъ самъ не свой.

Началось ученіе. Все шло, повидимому, прекрасно. Горячка Назимова прошла, и мы даже уже нѣсколько разъ удостоивались похвалы его превосходительства, на что каждый разъ во всю глотку орали: «рады стараться, ваше превосходительство!»—какъ вдругъ все опять полетѣло прахомъ. По командѣ Назимова итти команднымъ колоннами въ атаку, я долженъ былъ передать эту команду своимъ ротамъ; тутъ я что-то напуталъ, скомандовалъ не такъ, и вмѣсто атаки сомкнутой колонной у меня получилось что-то невообразимое,—половина моихъ ротъ пошла впередъ, какъ и слѣдовало, а другая пошла почему-то назадъ.

В. И. Назимовъ моментально вспыхнулъ, прокричалъ: «посадить этого остриженного олуха въ карцеръ до завтрашняго утра!»—сѣлъ въ коляску и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не попрощавшись.

Для характеристики московской 3-й гимназiи въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ долженъ еще сказать о старшемъ надзирателѣ, Альбертѣ Ивановичѣ Верданѣ, и о нѣкоторыхъ весьма типичныхъ и оригинальныхъ учителяхъ нашихъ.

Судя по имени и фамилии, А. И. Верданъ былъ родомъ французъ, но порядочно обрусѣвшій. Онъ всегда умѣлъ ладить съ начальствомъ, почему служилъ въ гимназiи безчисленное множество лѣтъ, и никто не зналъ и не могъ опредѣленно сказать, когда онъ поступилъ на службу. Я кончилъ курсъ въ маѣ 1866 года, а въ концѣ семидесятихъ годовъ, слишкомъ двадцать лѣтъ спустя, онъ состоялъ все тѣмъ же старшимъ надзирателемъ, и я навѣщалъ его все въ той же казенной квартирѣ. На немъ оправдывалась тоже русская поговорка: «каковъ попъ, таковъ и приходъ»; при директорѣ П. В. Зиновьевѣ онъ былъ тоже звѣремъ, и всѣ его терпѣть не могли; при князѣ Ширинскомъ-Шахматовѣ онъ былъ добрейшей души человѣкъ, и его всѣ любили. Онъ сильно хромалъ на одну ногу, которая была много короче другой, и на которой онъ носилъ сапогъ съ подошвою чуть ли не въ $\frac{1}{4}$ аршина толщиной, но никогда никто изъ гимназистовъ не высмѣивалъ его за это, тогда какъ не имѣвшему кисти правой руки учителю нѣмецкаго языка младшихъ классовъ, В. И. Манке, гимназисты проходу не давали, и ему часто приходилось буквально отбиваться своей костяшкой отъ глупыхъ и злыхъ шалуновъ.

Преподаватели у насъ тогда рѣзко раздѣлялись на двѣ категорiи—въ первыхъ трехъ классахъ былъ одинъ персоналъ учителей, а, начиная съ четвертаго, во всѣхъ старшихъ классахъ составъ учителей былъ совсѣмъ другой, при чемъ этотъ послѣднiй былъ гораздо лучше перваго, за самыми малыми исключенiями. Такъ, въ младшихъ классахъ былъ прекрасный учитель французскаго языка Емельяновъ, прозывавшiйся *monsieur Emeloen*, нашъ же французъ, *monsieur Gait*, не выдерживалъ никакой критики. Этотъ самый Гэ, французъ, оставшiйся въ Москвѣ послѣ 1812 года, за сорокъ лѣтъ пребыванiя въ Россiи все-таки не выучился говорить по-русски, ругалъ все русское, кромѣ водки, которой отдавалъ предпочтенiе передъ французскими винами, и поэтому всегда почти являлся въ классъ пьяный, въ грязномъ, всегда засыпанномъ нюхательнымъ табакомъ, платьѣ и бѣлѣ. По приходѣ въ классъ онъ немедленно доставалъ изъ задняго кармана своего форменнаго фрака отвратительный, грязный носовой платокъ, которымъ имѣлъ обыкновенiе помахивать въ теченiе всего класса, не выпуская его изъ руки, а въ другой держалъ большую табакерку, изъ которой и набивалъ свой красносизый носъ табакомъ каждыя 5—10 минутъ.

Тремъ свободно говорившимъ по-французски ученикамъ—Козлову, Трубецкому и мнѣ, онъ обыкновенно поручалъ наблюденiе за остальными.

— Prince Troubetzkoi, faites le moniteur!

Обязанность moniteur'a состояла въ томъ, чтобы поправлять ошибки во время устныхъ переводовъ съ французскаго на русскій языкъ и наоборотъ, въ чемъ только и заключалась вся система преподаванія г. Гэ. Ясно, что рѣшительно никто, за исключеніемъ насъ тронхъ, изучившихъ французскій языкъ дома, ровно ничего не зналъ.

Весьма часто происходили въ классѣ невозможные курьезы. Вызываетъ, напримѣръ, Гэ ученика Морозова; я какъ разъ въ этотъ день назначенъ былъ состоять moniteur'омъ. Гэ показываетъ пальцемъ на какую-то строчку въ хрестоматіи:

— Monsieur Morosoff, traduisez.

Морозовъ ровно ничего не знаетъ, даже прочесть можетъ съ трудомъ и всегда, вмѣсто «Antoine célébra la gloire d'Achil», у него выходило: «Антонъ серебро на бульварѣ тащилъ», или вмѣсто «Je n'irai jamais contre vous» — «жретъ панъ рѣпу, конь траву».

Въ этотъ разъ первая же фраза начиналась такъ: «Il était gai, comte» и т. д. Морозовъ разобралъ это gai и безъ запинки, какъ будто переводить, громко говоритъ и водить при этомъ пальцемъ по строчкѣ: «это Гэ, онъ свинья, Гэ пьяница, Гэ болванъ»...

— Monsieur Auerbak, qu'est ce qu'il a toujours un g? Est ce juste?

— Oui, monsieur, c'est juste, — отвѣчаю я.

— Mais ce g me choque un peu. Enfin! Mettez lui un 4.

Я подхожу къ журналу и ставлю Морозову четверку.

И это было въ шестомъ классѣ.

Такъ-то шло у насъ преподаваніе французскаго языка; впрочемъ въ этомъ и сейчасъ среднеучебныя заведенія недалеко ушли впередъ.

У насъ былъ очень хорошій и дѣльный учитель русской словесности, Иванъ Ермолаевичъ Сосницкій, котораго мы всѣ очень любили, и старались никогда не пропускать его уроковъ. Онъ былъ добродушнѣйшій человекъ неимоверной толщины, вѣсившій по меньшей мѣрѣ десять пудовъ, любившій свой предметъ, любившій учениковъ и умѣвшій всегда заинтересовать ихъ. Его уроки были преимущественно бесѣдами съ нами о прочитанномъ, о достоинствахъ и недостаткахъ такого-то сочиненія; замѣчанія его были всегда мѣтки, занимательны и остроумны. Благодаря его добродушію, мы позволяли себѣ иногда, даже и непристойно, школьничать съ нимъ, но онъ никогда не сердился, никогда не жаловался на насъ начальству, а расправлялся съ нами самъ, по-своему, всегда оригинально. Разъ какъ-то Юша Трубецкой изъ-подъ парты началъ стрѣлять въ него горохомъ изъ деревянной пушки съ пружиной и залѣпилъ ему цѣлый зарядъ гороху прямо въ его толстое брюхо.

— Князь Юрій, поди-ка сюда,—засмѣялся Иванъ Ермолаевичъ.—Покажи-ка игрушечку-то.

Трубецкой подходитъ къ каюдрѣ и подаетъ ему совсѣмъ новенькую пушку.

— Ладно, а заряды гдѣ же?

Трубецкой идетъ къ партѣ, достаетъ изъ нея и подаетъ бумажный мѣшокъ съ отличнымъ, крупнымъ горохомъ.

— Вотъ и прекрасно,—говоритъ Сосницкій.—Изъ этого гороху у меня дома сдѣлаютъ отличную похлебку, да еще съ ветчиной,—отъ Бѣлова велю взять, а игрушечка занятая, хорошенькая, какъ разъ пригодится моему Колькѣ на именины. Такъ и скажу ему: «получай, Колька, эту пушку присылаетъ тебѣ въ подарокъ самъ князь Юрій Трубецкой»,—и пушка исчезаетъ въ глубокомъ боковомъ карманѣ Ивана Ермолаевича, а свертокъ съ горохомъ въ заднемъ карманѣ фрака.

Послѣ этого, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаемъ бесѣдовать о Пушкинѣ, Лермонтовѣ или Гоголѣ..

Вообще надо отмѣтить, что между учителями и учениками того времени было гораздо больше единенія, между большинствомъ существовали симпатичныя патріархальныя отношенія, отчего, мнѣ кажется, элементарное образованіе среднеучебныхъ заведеній шло тогда много успѣшнѣе настоящаго времени.

18-го февраля 1854 года, въ самый разгаръ севастопольской войны, совершенно неожиданно почилъ императоръ Николай Павловичъ, и 19-го февраля вступилъ на престолъ государь Александръ II, который уже наслѣдникомъ былъ извѣстенъ за самаго добраго и гуманнаго человѣка.

Въ этотъ день насъ водили къ присягѣ въ маленькую церковь «Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы», что противъ 3-й гимназіи на углу Лубянки и Кузнецкаго моста. Мнѣ никогда потомъ не доводилось даже слышать, чтобы гимназистовъ приводили къ присягѣ—только мы въ тѣ времена были удостоены этой чести.

Въ августѣ 1856 года я, уже студентомъ университета, имѣлъ счастье присутствовать въ Москвѣ на торжественномъ вѣздѣ государя императора Александра Николаевича въ первопрестольную столицу и на нѣкоторыхъ коронаціонныхъ празднествахъ, о которыхъ рассказывать не стану, такъ какъ они уже описывались такъ много разъ и такъ подробно, что врядъ ли мнѣ удалось бы сообщить что нибудь новое.

II.

Инспекторы студентов Шпейеръ, Ильинскій, Живаго. — Студенческая исторія съ полиціей въ 1857 году. — Семейство лейбъ-медика А. Е. Берса. — Знакомство съ графомъ Л. Н. Толстымъ.

Инспекторъ студентовъ Шпейеръ былъ очень популяренъ между студентами, потому что онъ дѣйствительно любилъ студентовъ и всегда старался отстаивать ихъ интересы; одного только онъ положительно не выносилъ и никогда не прощалъ — это пьянства. Пьяный студентъ, попавшійся ему на глаза или взятый въ такомъ видѣ въ публичномъ мѣстѣ, всегда выслушивалъ отъ него массу брани и ругани, которую онъ выкрикивалъ какимъ-то особенно тоненькимъ голоскомъ, не принимая во вниманіе и даже не выслушивая никакихъ оправданій, и непремѣнно засаживалъ провинившагося въ карцеръ.

Благодаря подобному нраву и привычкѣ Шпейера, съ нимъ приключилась слѣдующая забавная исторія. Студентъ Извъковъ, порядочно выпивши, сидѣлъ въ Маломъ театрѣ, въ первомъ ряду креселъ, рядомъ съ мѣстомъ оберъ-полицеймейстера, и неистово вызывалъ обожаемую студентами артистку А. И. Колосову. Оберъ-полицеймейстеру надобло безобразное кричаніе студента, и онъ приказалъ вывести его изъ театра.

Въ тѣ времена общая полиція не имѣла права забирать студентовъ, а должна была со всякимъ подобнымъ требованіемъ въ случаѣ нарушенія студентомъ общественной тишины и спокойствія или при учиненіи имъ вообще безпорядковъ въ публичномъ мѣстѣ обращаться къ содѣйствію университетской полиціи, т.-е. къ дежурному субъинспектору, которому полагалось также именное кресло въ партерѣ; да и вообще въ публичныхъ мѣстахъ долженъ былъ находиться дежурный субъинспекторъ. Когда же случалось, что дежурный субъинспекторъ почему либо отсутствовалъ, то полиція имѣла только право вывести дебошира-студента и представить его въ университетъ.

Такъ случилось и въ этотъ разъ: дежурнаго субъинспектора въ театрѣ не оказалось, и частный приставъ, подойдя къ Извъкову, вѣжливо заявилъ ему объ этомъ и попросилъ его выйти изъ театра, согласно приказанію оберъ-полицеймейстера. Дѣлать нечего, пришлось повиноваться, и Извъковъ, слегка пошатываясь, сталъ выходить вслѣдъ за частнымъ приставомъ, который, предполагая его очень пьянымъ, передалъ у подъѣзда квартальному и приказалъ отвезти Извъкова на извозчикѣ въ университетъ.

Дѣло было около 9-ти часовъ вечера. Видитъ Извъковъ, дѣло его плохо — не миновать ему карцера на всю ночь и здоровой распечки инспектора утромъ.

Бдутъ. Проѣзжая охотнымъ рядомъ, при пересѣченіи Тверской улицы, гдѣ на углу была недорогая въ то время, огромная гостиница «Парижъ» (и нынѣ существующая), въ которой, благодаря дешевизнѣ и близости къ университету, всегда жило много студентовъ, у Извѣкова моментально родилась мысль, какъ бы отдѣлаться отъ неизбежнаго карцера; онъ и говоритъ квартальному:

— Позвольте мнѣ зайти въ «Парижъ» къ товарищамъ попросить ихъ сообщить матери и сестрѣ, чтобы меня сегодня домой не ждали, такъ какъ мнѣ придется засѣсть въ карцеръ, когда вы доставите меня въ университетъ.

Квартальный, заподозрѣвъ его въ желаніи скрыться, но не желая все-таки отказать ему въ столь основательной просьбѣ, говорить:

— Я ничего противъ этого не имѣю, только я буду ужъ сопровождать васъ въ номеръ товарищей вашихъ, а то вѣдь мнѣ придется отвѣчать передъ моимъ начальствомъ, если я упущу васъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—соглашается Извѣковъ.

Приказали извозчику остановиться у подѣзда гостиницы. Входятъ. На счастье Извѣкова въ первомъ же номерѣ, занятомъ студентами, застали компанію изъ пяти человѣкъ, играющихъ въ карты, къ которымъ Извѣковъ и обратился:

— Господа, дайте знать матери и сестрѣ, что меня вотъ г. квартальный, по приказанію оберъ-полицеймейстера, везетъ изъ театра въ университетъ, гдѣ, конечно, мнѣ придется просидѣть въ карцерѣ до утра.

Затѣмъ Извѣковъ обратился къ остановившемуся въ дверяхъ квартальному:

— Надѣюсь, вы также позволите мнѣ закусить здѣсь немного? А то вѣдь въ карцерѣ мнѣ ничего не дадутъ, а вамъ рѣшительно все равно—привезти меня въ университетъ получасомъ раньше или позже.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣчалъ квартальный.—Только я уже подожду васъ здѣсь, не уходя изъ комнаты.

Распорядились поскорѣ подать водки и закусокъ, а въ головѣ у Извѣкова все работаетъ мысль: «какъ бы ему отдѣлаться отъ квартальнаго и карцера?»

— Вы исполняете приказаніе вашего начальства, — говоритъ квартальному Извѣковъ, — поэтому я на васъ нисколько не въ претензіи, такъ и вы докажете, что вы въ принципѣ не врагъ мнѣ, и пожалуйста къ столу поужинать вмѣстѣ съ нами.

— Съ удовольствіемъ,—не могъ устоять квартальный вкусно поѣсть и выпить за чужой счетъ.

Студенты и давай угощать его самымъ радушнымъ образомъ.

Въ результатъ—совсѣмъ отрезвившійся Извѣковъ и до положенія ризъ напившійся квартальный.

Во время попойки, находя, что въ комнатѣ очень жарко, всѣ студенты сняли сюртуки; предложили то же сдѣлать и квартальному. Въ концѣ концовъ напялили на квартальнаго студенческой сюртукъ, нахлобучили ему на голову студенческую же фуражку, Извѣковъ надѣлъ мундиръ квартальнаго, пришедшійся ему какъ разъ впору, и, помѣнявшись ролями, они вышли на подъѣздъ, усѣлись обнявшись на гитарѣ (тогдашнія извозчичьи дрожки) и поѣхали на Моховую, гдѣ Извѣковъ приказалъ извозчику въѣхать во дворъ Стараго университета и остановиться у круглой арки, ведущей въ карцеръ и въ квартиры сторожей. Разыгрывая роль квартальнаго, Извѣковъ вызываетъ сторожа, спихиваетъ своего спутника съ гитары и, передавъ его сторожу со словами: «пьяный студентъ», уѣзжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а сторожъ, взявъ подъ руку пьянаго квартальнаго и принявъ его за студента, поволокъ его въ карцеръ, гдѣ, по обыкновенію, и заперъ до утра.

Утромъ, проснувшись съ головной болью, квартальный никакъ не могъ сообразить, гдѣ онъ. Не могъ вспомнить, что съ нимъ приключилось. Онъ сознавалъ только, что вчера гдѣ-то съ кѣмъ-то мертвецки напился.

Въ девять часовъ утра щелкнулъ замокъ, вошелъ сторожъ и объявилъ:

— Пожалуйте къ инспектору.

— Къ какому инспектору?—недоумѣваетъ квартальный.

— Ну, притворяйся! — фамиллярно говоритъ ему сторожъ. — Иди, иди скорѣй, авось помилуешь.

Тутъ только, наконецъ, квартальный замѣтилъ, что на немъ студенческой сюртукъ. Онъ сталъ смутно припоминать происшедшее съ нимъ наканунѣ и сообразилъ, что его ведутъ къ инспектору студентовъ, которому онъ сейчасъ чистосердечно признается во всемъ, но сдѣлать это оказалось не такъ-то легко, ибо и тогда уже въ Московскомъ университетѣ было болѣе трехъ тысячъ студентовъ, которыхъ инспекторъ, конечно, не могъ знать всѣхъ лично.

Приводятъ квартальнаго въ кабинетъ къ Шпейеру, который встрѣчаетъ его сразу крикомъ на высокихъ нотахъ:

— А! опять нарѣзался! опять пьяный наскандалил! гдѣ? кайся!

— Да я, ваше превосходительство, совсѣмъ не студентъ...

— Что! Не проспался еще?! Тащи его опять въ карцеръ!—продолжалъ кричать Шпейеръ, отдавая приказаніе сторожу.

Такимъ образомъ, все больше и больше возвышая крикливый голосъ, ругательски ругая бѣднаго пьяницу, Шпейеръ такъ и не далъ квартальному сказать ни единого слова и несчастнаго, ошеломленнаго, отвели опять въ карцеръ, гдѣ и заперли на сутки.

Буквально то же самое повторилось и на слѣдующее утро. Какъ только квартальный заикнулся, что онъ вовсе не студентъ, Шпейеръ началъ опять неистово кричать на него, что онъ все еще не проспался, и велѣлъ запереть его въ карцеръ еще на сутки.

На третій день утромъ, довольно рано, Шпейеръ во время кофе просматривалъ, по своему обыкновенію, дневникъ приключеній въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» и прочелъ, что такого-то числа ночью, неизвѣстно куда, исчезъ такой-то квартальный надзиратель, а потому... и т. д.

«Ужъ не онъ ли это сидитъ у меня въ карцерѣ? Все твердитъ, что онъ не студентъ?» — сообразилъ Шпейеръ и приказалъ немедленно же привести къ себѣ того студента, что уже третьи сутки сидитъ въ карцерѣ.

Когда привели квартальнаго, и Шпейеръ уже спокойно выслушалъ его, онъ только улыбнулся и сказалъ:

— Сами виноваты. Ступайте теперь съ Богомъ, исполняйте ваши обязанности исправнѣ. Выпутывайтесь у вашего начальства, какъ знаете; только ни меня, ни моихъ молодцовъ не припутывайте, потому что впередъ говорю вамъ, что и допытываться не буду, кто изъ студентовъ удралъ съ вами такую ловкую штуку.

Тѣмъ эта исторія и кончилась.

Послѣ Шпейера инспекторомъ студентовъ былъ отставной морякъ Ильинскій, который, если и не былъ строгъ, то все-таки не пользовался особенной популярностью между студентами, благодаря вообще своей недалекости и весьма частой безтактности. А послѣ исторія съ полиціей, бывшей въ сентябрѣ 1857 года, онъ положительно уронилъ себя во мнѣніи всѣхъ, вскорѣ былъ перемѣщенъ на другую какую-то должность и скрылся съ университетскаго горизонта.

Студенческая исторія съ полиціей въ 1857 году была настолько своеобразна и изъ ряда выходящая, что расскажу ее подробно.

Дѣло было такъ.

Студенты, человѣкъ двѣнадцать, собрались 11-го сентября у студента-медика Ганусевича, праздновавшаго день своего рожденія или именинъ. Поболтали, поиграли въ карты, попѣли и, конечно, прилично подвыпили. Послѣ ужина хотѣли сварить жженку, но у Ганусевича не оказалось всѣхъ нужныхъ для сего припасовъ и снадобій, а былъ уже второй часъ ночи. Тогда студентъ Михайловскій вызвался сходить въ знакомый ему погребокъ на Трубѣ, гдѣ онъ общался и ночью раздобыть нужные ромъ и шампанское. Ганусевичъ жилъ въ Маломъ Сергіевскомъ переулкѣ, очень близко отъ Трубы и этого погребка. Всѣ возликовали. Вотъ

Михайловскій, пакинувъ плащъ, отправился. Ночь была темная, моросилъ мелкій осенній дождь, и было холодно. Михайловскій благополучно добрался до погребка, проникъ въ него съ задняго хода и, получивъ отъ знакомаго ему хозяина желаемое, съ кулькомъ подъ мышкой пошелъ обратно. Взбираясь на крутую гору Мало-Сергіевского переулка очень быстрой походкой, онъ повстрѣчался съ полицейскимъ надзирателемъ, но не замѣтилъ, что этотъ послѣдній повернулъ и сталъ слѣдить за нимъ. Погостъ оказался, что этотъ квартальный подкарауливалъ какого-то жулика и принялъ Михайловскаго съ кулькомъ за него съ краденными вещами, за темнотой ночи и непогодой не разглядѣвъ въ немъ студента, какъ онъ объяснялъ потомъ начальству.

Едва успѣлъ Михайловскій войти въ квартиру Ганусевича, сбросить съ себя мокрый плащъ, какъ онъ былъ окруженъ ликующими товарищами; на столѣ уже красовалась кастрюля, и на ней, на уложенныхъ крестъ на крестъ шпагахъ, большой кусокъ сахара, но тутъ раздался стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?—спросилъ Ганусевичъ.

— Отоприте,—отвѣчалъ голосъ за дверью.—Полиція разыскиваетъ жулика, который вотъ сейчасъ скрылся за этой дверью.

— Да вы съ ума сошли! — прокричалъ Ганусевичъ. — Здѣсь живу я, студентъ Ганусевичъ, и никакихъ жуликовъ укрывать не могу. Да вы-то кто же будете?

— Квартальный надзиратель Морозовъ; я только что самъ лично выслѣдилъ жулика и видѣлъ, что онъ скрылся у васъ.

— Что, братъ, Михайловскій, въ жулики попалъ?!—засмѣялись студенты хоромъ, а Ганусевичъ продолжалъ переговоры черезъ запертую дверь.

— Ко мнѣ сейчасъ пришелъ не жуликъ, а мой товарищъ студентъ, который принесъ намъ вина. Да наконецъ вы не имѣете никакого права требовать впуска вашего въ студенческую квартиру безъ представителя отъ университета, приведите съ собой дежурнаго субъинспектора, тогда я вамъ дверь отворю, а иначе ни за что на свѣтѣ.

Такъ какъ квартальный былъ одинъ, то, конечно, было бы лучше впустить его и дать ему тотчасъ же убѣдиться въ своей ошибкѣ, но такъ какъ студенты уже немного подгуляли и притомъ вообще полицію не долюбивали, то они всѣ стали поддерживать хозяина и рѣшили полицію безъ субъинспектора ни въ какомъ случаѣ не впускать, видя въ этомъ нарушеніе своихъ студенческихъ правъ.

Квартальный ушелъ, а студенты принялись варить жженку.

Когда она почти вся была уже выпита, когда нѣсколько разъ уже были пропѣты и «Gaudeamus igitur» и модная тогда студенческая пѣсня «Наша жизнь коротка», раздался опять стукъ въ дверь и требованіе именемъ закона открыть ея.

Это было уже около 4-хъ часовъ ночи.

Студенты, убѣдившись, что опять явилась полиція безъ субъинспектора, конечно, двери не открыли. Тогда полиція учинила цѣлый приступъ на квартиру Ганусевича: къ двумъ окнамъ съ улицы были подставлены лѣстницы, и въ окнахъ показались головы пожарныхъ и городскихъ, а двери начали выламывать. Студенты вооружились пустыми шампанками и ловко отбивали нападеніе чрезъ окна: какъ только покажется въ окнѣ голова, по ней сейчасъ же слѣдовалъ ударъ шампанкой, и голова летѣла внизъ; появлялась другая—съ ней то же самое. Убѣдившись въ невозможности проникнуть въ квартиру чрезъ окна, все стараніе полиціи было приложено къ выламыванію двери, что ей, конечно, и удалось наконецъ. Какъ только дверь слетѣла съ петель, студенты моментально потушили свѣчи и стали отбиваться бутылками; полиція же имѣла неосторожность обнажить тесаки, а квартальный Морозовъ даже и свою шпаженку, которой впотьмахъ кололъ направо и налево. Однимъ словомъ полиція произвела форменное вооруженное нападеніе на студентовъ.

Потомъ по слѣдствію оказалось, что квартальный Морозовъ, не впущенный студентами въ первый разъ, полетѣлъ на извозчикѣ въ свою Срѣтенскую часть, гдѣ и доложилъ только что вернувшемуся изъ гостей частному приставу, толстяку Цвеленеву, что онъ выслѣдилъ жулика, который скрылся въ извѣстномъ ему домѣ, но онъ въ квартиру не былъ впущенъ, такъ какъ жильцы называли себя студентами, и просилъ указаній пристава, какъ ему поступить.

Цвеленевъ, возвратившійся домой съ частнаго музыкальнаго вечера (онъ игралъ на віолончели), порядочно выпивши, не нашелъ ничего лучшаго, какъ сказать Морозову:

— Бей ихъ!— и тутъ же повалился на диванъ въ своемъ кабинетѣ и захрапѣлъ богатырскимъ сномъ.

Квартальный Морозовъ, воображая, что его обманули, и что въ этой квартирѣ живутъ вовсе не студенты, принялся буквально исполнять приказаніе частнаго: взялъ съ собой челоуѣкъ двадцать городскихъ и пожарныхъ и учинилъ съ ними форменное сраженіе, въ которомъ, благодаря во время потушеннымъ свѣчамъ, пользуясь темнотою, большинству студентовъ удалось пробиться, но самъ Ганусевичъ и двое товарищей, жившіе вмѣстѣ и не желавшіе бросить на произволъ свою квартиру, были сильно избиты и порублены тесаками, захвачены полиціей и унесены въ Срѣтенскую часть.

12-го сентября, въ 7 часовъ утра, когда у насъ, математиковъ и медиковъ перваго и втораго курсовъ, начинались общія лекціи по сравнительной анатоміи, Михайловскій уже дожидался въ анатомическомъ театрѣ Стараго университета; когда мы узнали обо

всемъ этомъ происшествіи и о томъ, что Ганусевичъ съ товарищами находятся въ полиціи, такъ сказать, въ плѣну, мы, нѣсколько сотъ человѣкъ, направились сейчасъ же въ часть, чтобы выручить товарищей. Всѣ встрѣчавшіеся по пути студенты, шедшіе въ университетъ, присоединялись къ намъ. И вотъ въ количествѣ до тысячи человѣкъ мы подошли къ Срѣтенской части, буквально разнесли тамъ всѣхъ и все, выручили трехъ избитыхъ, израненныхъ товарищей изъ каталажки и торжественно унесли ихъ на рукахъ въ клинику, которая тогда помѣщалась на Рождественкѣ.

Благодаря отсутствію тогда телефоновъ и городскихъ телеграфовъ, по которымъ теперь моментально были бы вызваны войска, мы успѣли все совершить безпрепятственно.

Въ университетѣ, конечно, лекцій никакихъ; одна сходка за другой; профессора приняли нашу сторону и воодушевляли насъ.

Въ клиникѣ профессорами былъ составленъ протоколъ о томъ, что трое студентовъ (всѣ поименованы) доставлены въ десятомъ часу утра изъ Срѣтенской части, сильно избиты и поранены холоднымъ оружіемъ—тесаками, и одинъ изъ нихъ, Ганусевичъ, даже очень опасно. По первому дознанію, произведенному самой полиціей, констатированъ фактъ обнаженія и употребленія въ дѣло холоднаго оружія.

При такомъ положеніи московскій оберъ-полицеймейстеръ Тимашевъ-Берингъ, видя, что дѣло не ладно, ноѣхалъ къ инспектору студентовъ Ильинскому и упрасивалъ его замять это дѣло какъ нибудь, не раздувать его и даже предложилъ готовность уплатить пострадавшимъ студентамъ, особенно Ганусевичу, приличное вознагражденіе.

Инспекторъ Ильинскій сдѣлалъ тутъ первую безтактность: онъ умылъ руки и направилъ Тимашева-Беринга для переговоровъ по этому поводу къ субъинспектору Соханскому, который, увь, согласился поѣхать къ Ганусевичу и предложить ему 3.000 рублей, а двумъ другимъ, менѣе пострадавшимъ, по 1.000 рублей каждому, рассчитывая, что они, какъ люди очень небогатые, съ удовольствіемъ согласятся на подобную мировую сдѣлку.

На слѣдующій день Соханскій отправился въ клинику къ студентамъ для переговоровъ. Онъ, казалось, очень ловко и хитро велъ переговоры съ Ганусевичемъ, который только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ пришелъ въ себя, какъ слѣдуетъ. Ганусевичъ внимательно выслушалъ его, полѣзъ рукой подъ подушку, досталъ оттуда послѣдніе 5 рублей, имѣвшіеся еще у него, и, подавая эти 5 рублей Соханскому, далъ ему пощечину и сказалъ:

— Вотъ все, что я могу заплатить вамъ за данную пощечину. Повѣрьте, это гораздо больше тѣхъ трехъ тысячъ рублей, которыя вы осмѣлились предложить мнѣ отъ имени полиціи за нанесенное не только мнѣ, но и всему студенчеству, оскорбленіе... и тутъ же впалъ опять въ обморокъ.

Моментально объ этомъ стало извѣстно въ университетѣ, гдѣ тотчасъ же собралась сходка въ большой физической аудиторіи въ зданіи Новаго университета. Это было около 10 часовъ утра.

Рѣшили потребовать на сходку инспектора и заставить его немедленно уволить со службы Соханскаго. Инспекторъ Ильинскій не замедлилъ явиться, но имѣлъ неосторожность войти въ аудиторію въ сопровожденіи субъинспектора Соханскаго, бывшаго въ этотъ день дежурнымъ.

— Вонъ! вонъ!—раздались угрожающіе крики тысячи голосовъ... и Ильинскій позорно бѣжалъ изъ аудиторіи вмѣстѣ съ Соханскимъ, которому, однако, нѣсколько смѣльчаковъ успѣли дать нѣсколько разъ по шеѣ.

Когда они удалились, студенты стали кричать:

— Ректора! ректора! ректора!...

Дѣлать нечего, послали за ректоромъ, престарѣлымъ, дряхлымъ уже Альфонскимъ, который появился въ аудиторіи въ двѣнадцатомъ часу; собравъ всѣ свои силы, онъ рискнулъ закричать тоненькимъ старческимъ голоскомъ:

— Вы что это? буянить вздумали?! Да я васъ упеку...

— Вонъ! вонъ! вонъ! — заревѣли студенты, не давъ ему докончить своихъ угрозъ.

— Попечителя! попечителя! — еще неистовѣ кричали студенты, и сконфуженный ректоръ Альфонскій заковылялъ изъ аудиторіи, пославъ, однако, тотчасъ же за попечителемъ, котораго посланный встрѣтилъ дорогой, такъ какъ, предувѣдомленный уже инспекторомъ, онъ ѣхалъ въ университетъ.

По удаленіи Альфонскаго, взшелъ на кафедру студентъ-юристъ 3-го курса, Рыбниковъ. Наступило молчаніе, и Рыбниковъ обратился къ товарищамъ со слѣдующей рѣчью: «Господа! мы такъ ничего не добьемся. Ковалевскій (попечитель) человекъ умный, справедливый и добрый. Я убѣжденъ, что онъ готовъ будетъ выслушать насъ и заступиться за насъ. Только надо, чтобы онъ дѣйствительно понялъ насъ и имѣлъ возможность выслушать насъ и узнать правду, а при такомъ общемъ нашемъ галдѣніи понять, конечно, ничего нельзя, и мы только раздражимъ его. Поэтому предлагаю сейчасъ же выбрать двоихъ изъ насъ, которымъ и поручить вести разговоръ съ попечителемъ»...

Дружные аплодисменты всей аудиторіи покрыли эту краткую вразумительную рѣчь Рыбникова, котораго сейчасъ же выбрали для переговоровъ съ Ковалевскимъ, а также математика Михайловскаго, бывшаго однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ погромѣ съ полиціей у Ганусевича.

Едва успѣли мы покончить съ этимъ выборомъ, какъ въ аудиторіи появился попечитель Ковалевскій. Онъ имѣлъ неосторожность тоже начать съ угрозъ:

— Вы, господа, начинаете буяннить! А не хотите ли десятаго въ солдаты?!..

— Вонъ! вонъ! — не стерпѣли нѣкоторые возбужденныя головы, забывъ только что условленное.

Но, къ счастью, Ковалевскій сейчасъ же спохватился и сказалъ очень громко, чтобы покрыть начавшійся шумъ:

— Я васъ слушаю, господа. Что вамъ угодно?

— Такъ-то лучше, — раздалось изъ толпы, а студенты Рыбниковъ и Михайловскій выступили впередъ къ попечителю.

— Мы желали бы, ваше превосходительство, познакомиться васъ подробно со всѣмъ настоящимъ дѣломъ, волнующимъ теперь не только студентовъ, но и всю Москву, — началъ Рыбниковъ. — Мы желаемъ, чтобы вы узнали истину и тогда уже дѣйствовали, какъ укажутъ вамъ ваше сердце и разумъ. Въ вашу же справедливость и доброту мы всѣ искренно вѣримъ.

— Хорошо, господа, я готовъ выслушать васъ. Говорите! — отвѣчалъ уже совершенно мягко Ковалевскій.

— Михайловскій, — обратился Рыбниковъ къ товарищу, — ты былъ у Ганусевича въ ночь съ 11-го на 12-е сентября, изъ-за тебя весь сыръ-боръ загорѣлся, такъ рассказывай безъ утайки все, какъ было, въ чемъ ты былъ дѣйствующимъ лицомъ и свидѣтелемъ.

Михайловскій рассказалъ все самымъ подробнымъ образомъ, начиная съ того момента, какъ онъ ходилъ въ погребокъ за виномъ, какъ разыгралась формальная баталія, и какъ онъ первый сообщилъ объ этомъ въ 7 часовъ утра на математическій и медицинскій факультеты; потомъ — о разгромѣ нами Срѣтенской части для выручки изъ каталажки израненнаго Ганусевича съ двумя товарищами, фамилій конхъ не припомню сейчасъ.

Ковалевскій все время стоялъ и слушалъ очень внимательно.

Потомъ уже Рыбниковъ съ большимъ волненіемъ передалъ, какъ сегодня утромъ субъинспекторъ Соханскій оскорбилъ Ганусевича предложеніемъ отъ имени полиціи денегъ въ вознагражденіе за оскорбленіе, нанесенное полиціей не только ему, но и всѣмъ студентамъ; какъ Ганусевичъ далъ за это Соханскому пощечину, бросивъ ему за нее послѣдніе 5 рублей; какъ мы собрались здѣсь, въ этой аудиторіи, на сходку съ цѣлію потребовать отъ инспектора немедленнаго удаленія со службы Соханскаго; какъ этотъ послѣдній имѣлъ нахальство прійти вмѣстѣ съ инспекторомъ на сходку, что, конечно, всѣхъ страшно возмутило, почему ихъ съ позоромъ изгнали со сходки, — не утаилъ Рыбниковъ даже и того, что Соханскому при этомъ случаѣ наклали въ шею; какъ ректоръ Альфонскій, ничего не желая выслушивать, началъ только грозиться, и т. д. все до малѣйшихъ подробностей.

— Теперь, ваше превосходительство, вы знаете правду, и мы общаемъ вамъ безропотно и безъ всякаго скандала подчиниться вашему справедливому приговору.

— Bravo! bravo! — раздалось со всѣхъ скамей.

— Господа! — обратился Ковалевскій къ студентамъ. — Мнѣ обо всемъ доложили не совсѣмъ такъ, не говоря уже про то, что генераль-губернаторъ Закревскій и оберъ-полицеймейстеръ Тимашевъ-Берингъ, конечно, говорятъ обо всемъ этомъ, стараясь выгородить и оправдать дѣйствія полиціи. Но я теперь, увѣренный, что отъ васъ узналъ сущую правду, понялъ все, даю вамъ слово стоять за васъ горой и, если борьба съ генераль-губернаторомъ окажется мнѣ не подъ силу, и мнѣ не удастся совершенно отстоять васъ, то я самъ подамъ въ отставку...

Послѣ такихъ словъ попечителя произошло нѣчто поразительное: раздались неистовые аплодисменты, крики «браво» и «ура!»; всѣ бросились къ Ковалевскому и начали качать его; потомъ понесли его на рукахъ по большой лѣстницѣ на подъѣздъ, выпрягли изъ кареты его лошадей и на себѣ повезли его домой. Вотъ какъ легко въ сущности дѣйствовать благотворно на толпу молодежи, которая такъ легко увлекается и при справедливости, малѣйшей ласкѣ и хорошему съ собой обращеніи приходитъ въ восторгъ...

Между тѣмъ въ тотъ же вечеръ студенты узнали, что генераль-губернаторъ Закревскій старался совсѣмъ иначе объяснить демонстрацію студентовъ Ковалевскому и вообще волненіе студентовъ, что онъ подалъ государю, который тогда былъ въ Варшавѣ, телеграмму, которой сообщалъ, что студенты бунтуютъ и поддерживаются къ бунту всѣми профессорами и даже самимъ попечителемъ.

Негодование противъ администраціи было вызвано этимъ всеобщимъ. Вся Москва тогда сочувствовала студентамъ, которые въ дѣйствительности совершенно основательно вступились только за попорченную полиціей честь своей корпораціи, ни малѣйше и ничѣмъ не придавая всей исторіи политической окраски, чѣмъ въ сущности были такъ много грѣшны студенческія волненія и безпорядки послѣднихъ временъ, въ особенности 1899 года, объявившія почти всѣ высшія учебныя заведенія.

Дня два съ огромнымъ нетерпѣніемъ ожидали узнать: «что-то отвѣтитъ государь на телеграмму Закревскаго?!»... Наконецъ по всей Москвѣ только и рѣчи было, что про отвѣтъ государя: «Не вѣрю, самъ буду». Всѣ объяснили отвѣтъ государя въ пользу студентовъ; всѣ говорили, что иначе и быть не можетъ, такъ какъ Александръ II, бывши наслѣдникомъ, слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, который уже по этому ему дорогъ, и которому онъ всегда проявлялъ свое особенное расположеніе.

Прошло еще дней пять. Наконецъ узнали: государь пріѣхалъ и остановился въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ. За все это время лекціи въ университетѣ прекратились какъ-то сами собой; всѣ профессора и студенты каждый день, однако, приходили въ университетъ; ежедневно собирались огромныя сходки — въ хорошую по-

году въ садикѣ Старого университета, въ дурную въ большой физической аудиторіи Новаго университета; на сходкѣ говорились рѣчи, какъ студентами, такъ и нѣкоторыми профессорами, и во рѣчахъ обсуждался только одинъ вопросъ: «Какъ лучше и практичнѣе отстоять честь студентовъ, такъ нагло и безправно поправленную полиціей?»

Порядокъ былъ всюду образцовый; даже и раздраженная полиція ни разу не могла придратъся къ студентамъ—ни на улицахъ, ни въ садахъ, ни въ театрахъ.

Со страхомъ узнали мы на другой день пріѣзда государя въ Москву, что онъ не принялъ попечителя Ковалевскаго въ отдѣльной аудіенціи.

— Ну,—думали мы,—дѣло наше плохо!

Къ нѣкоторому утѣшенію нашему распространились слухи, что государь и генералъ-губернатору Закревскому тоже не далъ отдѣльной аудіенціи; разнеслась молва, что государь послѣ длинной, быстрой скачки на лошадяхъ отъ Варшавы до Москвы (тогда еще не было желѣзной дороги) чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо и потому никого не принимаетъ.

Еще два дня самаго томительнаго ожиданія.... наконецъ на третій день во всѣхъ коридорахъ Старого и Новаго университетовъ появились развѣшанныя объявленія отъ ректора: «всѣмъ профессорамъ и студентамъ собраться на завтра къ 10-ти часамъ утра въ актовомъ залѣ».

Что-то будетъ? Никто не имѣлъ никакихъ свѣдѣній.

Собрались. Давка была порядочная, и очень многіе студенты не попали въ залъ. Ровно въ 10-ть часовъ пріѣхалъ попечитель.

По всей его фигурѣ, по походкѣ и особенно по сіявшему лицу всѣ сразу поняли, что онъ привезъ хорошія вѣсти. Когда онъ прошелъ прямо на кафедру, воцарилась полнѣйшая тишина, и всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, что-то онъ скажетъ.

— Господа!—началъ говорить попечитель,—считаю себя счастливымъ, имѣя возможность объявить всѣмъ вамъ совершенное распоряженіе и благоволеніе къ вамъ нашего обожаемаго монарха. Мнѣ только грустно, что я лично не могъ содѣйствовать этому такъ, какъ я этого желалъ. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что государь въ отдѣльности не принялъ по пріѣздѣ ни генералъ-губернатора, ни меня; отъ кого и какимъ образомъ государь узналъ правду, я еще не знаю, но фактъ тотъ, что онъ ее узналъ, и вчера я былъ потребованъ къ его императорскому величеству. Государь принялъ меня милостиво и сказалъ: «очень радъ, что случайно, помимо заинтересованныхъ сторонъ, т.-е. тебя и Закревскаго, я узналъ правду. Я уже приказалъ разжаловать въ солдаты безъ выслуги лѣтъ частнаго пристава Цвеленева и квартальнаго надзирателя Морозова и сдѣлать выговоръ оберъ-полицеймейстеру Берингу.

Твои же студенты вели себя молодцами, и тебѣ поручаю теперь передать имъ мое спасибо, также и профессорамъ, поддержавшимъ молодежь въ трудную минуту».

Слова попечителя были покрыты громомъ рукоплескашій и восторженнымъ, долго не смолкавшимъ «ура».

Надо еще добавить и отдать справедливость тогдашнему студенчеству, что, когда узнали о бѣдственномъ положеніи многочисленной семьи разжалованнаго квартальнаго Морозова, они открыли между собой подписку въ пользу этой бѣдной, ни въ чемъ не повинной семьи. Подписка эта достигла довольно крупной суммы, которая и была вручена женѣ Морозова. Характерно также и хорошо обрисовываетъ тогдашній товарищескій духъ студентовъ, что въ этой подпискѣ принялъ участіе и сынъ частнаго пристава Цвеленева, студентъ университета.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда государя изъ Москвы въ Петербургъ, мы узнали наконецъ, отъ кого и какъ онъ узналъ правду про всю нашу исторію съ полиціей. Государь, дѣйствительно чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ послѣ утомительнаго путешествія на почтовыхъ лошадяхъ, послалъ за московскимъ лейбъ-медикомъ А. Е. Берсомъ. Преподавъ государю медицинскій совѣтъ, Берсъ уже выходилъ изъ кабинета, когда государь воротилъ его.

— Знаешь ли ты что нибудь про разыгравшуюся здѣсь исторію между полиціей и студентами?—спросилъ государь.

— Знаю всю сущую правду, ваше императорское величество,—отвѣтилъ Берсъ.

— Такъ садись и рассказывай, какъ было дѣло.

И вотъ отъ милѣйшаго и добрѣйшаго Андрея Евстаѣевича государь узналъ истину, со всѣми мельчайшими подробностями.

Субинспекторъ Соханскій былъ, конечно, удаленъ изъ университета, да скоро куда-то убрали и инспектора Ильинскаго, котораго замѣнилъ отставной морякъ Живаго. Какъ человѣкъ очень недалекій, крутого нрава, а главное несправедливый, онъ не пользовался любовью студентовъ; рассказывали даже, что за какое-то глупѣйшее и въ высшей степени несправедливое распоряженіе человѣкъ пятнадцать студентовъ въ маскахъ подкараулили его какъ-то ночью въ Петровскомъ паркѣ, куда онъ ѣздилъ къ своей любовницѣ почти каждый день, остановили лошадей, вытащили изъ экипажа и будто бы попросту высѣкли... Насколько это было такъ, навѣрное не знаю, но что въ университетскихъ коридорахъ студентами были развѣшаны объявленія, гласившія, что если инспекторъ Живаго позволитъ себѣ опять подобныя дѣйствія, то съ нимъ каждый разъ будетъ поступлено такъ же, какъ такого-то числа мая,—это фактъ. Конечно, эти объявленія были сорваны въ тотъ же день по приказанію начальства, которое, однако, никакихъ дознаній и разыскиванія виновныхъ не производило.

Въ домѣ превосходнаго человѣка, лейбъ-медика А. Е. Берса, я бывалъ часто и былъ принятъ въ его семействѣ, какъ свой человѣкъ. Андрей Евстаѣевичъ былъ одного выпуска съ моимъ отцомъ, былъ страстный охотникъ съ лягавой собакой и пріѣзжалъ иногда къ намъ въ Тверскую губернію на охоту, которая у насъ ему бывала особенно пріятна и по дружбѣ съ отцомъ, и потому еще, что мы съ отцомъ всегда берегли для него ближайшіе къ дому выводки тетеревей и куропатокъ.

Семья А. Е. Берса состояла тогда изъ его жены, милой и любезной дамы, дочерей, уже взрослыхъ барышень—Елизаветы Андреевны и Софьи Андреевны, подростка Татьяны Андреевны, да сына Александра.

Вторая дочь А. Е. Берса, Софья Андреевна, увлеклась восходящей тогда звѣздой и севастопольскимъ героемъ, графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, бывшимъ по окончаніи курса въ университетѣ въ дѣйствующей арміи и только что возвратившимся изъ Севастополя и вышедшимъ въ отставку. За графа Л. Н. Толстого и вышла потомъ замужъ Софья Андреевна.

Некрасивый собой, отличавшійся и тогда уже своимъ необыкновеннымъ умомъ, удивительно пріятными глазами всегда съ добрымъ ласковымъ выраженіемъ и ласкающимъ взглядомъ, графъ Левъ Николаевичъ былъ всегда крайне интереснымъ собесѣдникомъ. Я до сихъ поръ съ восторгомъ воспоминаю тогдашнее мое первое знакомство съ извѣстнымъ и знаменитымъ теперь на весь міръ нашимъ геніальнымъ, несравненнымъ романистомъ-беллетристомъ.

III.

Мое знакомство съ артистами Малаго театра.—Поѣздка съ отцомъ въ Кіевъ на Межигорскую фаянсовую фабрику.—По пути Шостенскій казенный пороховой заводъ.—Мой выходъ изъ университета.—Стремленіе ѣхать въ Лейпцигскую консерваторію.—Пребываніе мое въ Тульской губерніи у тетки Юліи Федоровны Ауэрбахъ (А. Д. З.).

Огромное большинство студентовъ, въ томъ числѣ и я, увлекалось тогда Московскимъ Малымъ театромъ, бывшимъ дѣйствительно образцовымъ, въ которомъ подвизались въ полномъ расцвѣтѣ своихъ талантовъ такіе столпы нашего родного искусства, какъ М. С. Щепкинъ, И. В. Самаринъ, П. М. Садовскій, С. В. Шумскій, супруги С. В. и К. Н. Васильевы, Н. М. Медвѣдева, А. И. Колосова, С. П. Акимова и многіе другіе. Даже у малоталантливаго К. П. Колосова (мужа Александры Ивановны) встрѣчались роли, въ которыхъ онъ бывалъ неподражаемъ и незамѣнимъ, напримѣръ, Молчалина въ «Горѣ отъ ума».

И, какъ человѣкъ, крайне увлекающійся вообще, а искусствами въ особенности, не преминулъ перезнакомиться чуть ли со всѣми премьерами Малаго театра и довольно часто посѣщалъ ихъ журъ-фиксы.

Какъ интересны и какъ совершенно разны бывали, напримѣръ, субботники у М. С. Щепкина и у Пр. М. Садовскаго... У перваго собирались обыкновенно литераторы, поэты, лучшіе артисты свои и пріѣзжіе и московская интеллигенція изъ дворянства; у втораго— типы, которые онъ изучалъ и потомъ воспроизводилъ на сценѣ (у него я встрѣчалъ и Русакова изъ комедіи «Не въ свои сани не садись», и Любима Творцова изъ комедіи «Бѣдность не порокъ», и героя «Снявши голову, по волосамъ не плачутъ» и т. д.), да свои товарищи, артисты попроче, какъ В. И. Живокини, К. П. Коло-совъ, С. и В. Васильевы, Д. Т. Ленскій и другіе.

Садовскій имѣлъ страсть, какъ только подвыпьетъ днемъ, не-премѣнно отправляться въ Кремль, въ которомъ историческіе памятники вдохновляли его къ сочиненію нѣкоторыхъ народныхъ разсказовъ; такъ, глядя на французскія пушки вокругъ арсенала, онъ сочинилъ презабавный разсказъ о нашествіи «Наполеондры» на Москву въ 1812 году.

Я очень обязанъ своимъ незабвеннымъ родителямъ за то, что они создали и воспитали меня здоровымъ человѣкомъ, что они дали мнѣ музыкальное образованіе и основательное знаніе иностранныхъ языковъ, которые мнѣ такъ пригодились въ жизни, но мнѣ все-таки кажется, что они сдѣлали ошибку, не пустивъ меня изъ гимназіи прямо въ одну изъ заграничныхъ консерваторій (тогда русскихъ консерваторій еще не было), чѣмъ лишили меня возможности итти столь желаемой мною, спеціальной музыкально-артистической дорогой; также не слѣдовало бы давать сразу полную свободу при переходѣ изъ гимназіи въ университетъ.

До самаго окончанія курса въ гимназіи я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о практической жизни: все у меня всегда было готово— квартира, столъ, бѣлье, одежда, прислуга, даже удовольствія и развлеченія въ изобиліи; ни о чемъ не приходилось думать и заботиться.

Когда я поступилъ въ университетъ, меня экипировали съ головы до ногъ, и отецъ сказалъ мнѣ: «ты теперь большой человѣкъ, поэтому живи, т.-е. нанимай квартиру, прислугу, одѣвайся, ѣшь, пей и т. д. ужъ самъ, какъ знаешь; на это я буду давать тебѣ по сту рублей въ мѣсяцъ; кромѣ того, мы будемъ платить въ университетъ и снабжать тебя бѣльемъ— больше мы съ матерью давать тебѣ не можемъ». Ну, не дико ли въ самомъ дѣлѣ? Покуда жилъ дома и потомъ носилъ красный (гимназическій) воротникъ,—я все былъ мальчикомъ только; вдругъ, въ одинъ день, какъ только надѣлъ синій (студенческій) воротникъ, я сразу сталъ взрослымъ человѣкомъ?!...

При отъѣздѣ моемъ въ августѣ въ университетъ отецъ вручилъ мнѣ авансомъ за два мѣсяца двѣсти рублей и, кромѣ того, пятьдесятъ рублей для взноса за слушаніе лекцій.

Въ тѣ времена это были большія деньги, и весьма немногіе студенты получали отъ родителей столько денегъ на свое содержаніе. Да и жизнь тогда въ Москвѣ была куда дешевле теперешней, и я, конечно, могъ считаться весьма богатымъ студентомъ.

При всей моей непрактичности и при полномъ неумѣніи распоряжаться деньгами, мнѣ все-таки удалось найти себѣ квартиру изъ двухъ комнатъ въ меблированныхъ комнатахъ г-жи Крихендеръ съ обѣдомъ, ужиномъ, съ двумя самоварами ежедневно и съ прислугой всего за сорокъ рублей въ мѣсяцъ; да еще гдѣ?—въ Газетномъ переулкѣ, близехонько отъ университета.

На чай, сахаръ, табакъ и мои прихоти у меня оставалось еще шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Но, увы, по моей широкой натурѣ и непрактичности этого оказалось мало, и къ концу сентября, когда отецъ по дѣламъ пріѣхалъ въ Москву, я долженъ былъ покаяться ему, что мнѣ 1-го октября уже нечѣмъ платить хозяйкѣ за квартиру и столъ.

Отецъ пожурилъ меня слегка, подтвердилъ, что онъ болѣе назначеннаго мнѣ выдавать не можетъ, но тутъ же вручилъ мнѣ опять авансомъ двѣсти рублей, вмѣсто того, чтобы сразу сказать: «выкручивайся, какъ знаешь».

Приученный еще дома, потомъ въ гимназіи хорошо заниматься, обладая отличными способностями къ ученію, я и въ университетѣ началъ заниматься, какъ слѣдуетъ, особенно тѣми науками, которыя меня больше интересовали. Лекціи химіи у профессора Лясковаго, зоологіи у Рулье, сравнительной анатоміи у Варнека, физики у Спасскаго и механики у Ершова я посѣщалъ очень аккуратно и вообще былъ у нихъ на хорошемъ счету; что же касается лекцій по высшей математикѣ у Зернова, астрономіи у Бредихина и ботаникѣ у Фишера-фонъ-Вальдгейма, то къ нимъ на лекціи я ходилъ довольно рѣдко и, только благодаря своимъ исключительнымъ способностямъ да особенному счастью, получилъ и у нихъ кандидатскіе баллы при переходѣ съ перваго курса на второй. Такъ, напримѣръ, къ Бредихину, на экзаменъ по астрономіи я пошелъ, приготовивъ хорошо только три билета изъ шестидесяти и взялъ одинъ изъ этихъ трехъ билетовъ; у Фишера-фонъ-Вальдгейма я счастливо отдѣлался знаніемъ нѣмецкаго языка (онъ питалъ слабость ко всѣмъ нѣмцамъ), наобумъ весьма удачно переведя на нѣмецкій языкъ доставшіяся мнѣ билеты о крестоцвѣтныхъ растеніяхъ. Какъ только я ему сказалъ:

— Ich habe über Kreuzartigen zu antworten,—онъ тотчасъ же поставилъ мнѣ пятерку, проговоривъ:

— O! wenn Sie schon den Namen auf deutsch zu nennen wissen, folglich müssen Sie die Antwort ausgezeichnet kennen!

А вотъ у Зернова я взялъ не только счастьемъ, но и храбростію, доходившей до нахальства. Онъ имѣлъ обыкновеніе въ теченіе года дѣлать двѣ, три репетиціи (какъ онъ ихъ называлъ) и терпѣть не могъ студентовъ, не посѣщавшихъ этихъ репетицій. Я ни на одной изъ нихъ не былъ, и вотъ на экзаменѣ онъ меня не вызываетъ. На мой вопросъ: «почему это?» — онъ отвѣтилъ:

— Ты вѣдь ничего не знаешь. На репетиціяхъ у меня не былъ. Вотъ я тебѣ и безъ экзамена уже поставилъ единицу.

— Это невозможно, Николай Ефимовичъ, — загорячился я. — Вы мнѣ портите кандидатство. На репетиціяхъ у васъ я не былъ по болѣзни, а математику люблю и серьезно занимаюсь ею. Потрудитесь экзаменовать меня.

— Ну, ладно. Все равно получишь единицу. Бери билетъ изъ аналитики на плоскости.

Онъ всегда заставлялъ болѣе слабыхъ, по его убѣжденію, брать билетъ изъ аналитики на плоскости, болѣе легкой, чѣмъ аналитика въ пространствѣ.

Самолюбія у меня было много, и вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ какую-то глупую увѣренность въ своемъ счастьѣ; поэтому я храбро взялъ билетъ изъ аналитики въ пространствѣ. Счастіе дѣйствительно выручило — взялъ билетъ, хорошо мнѣ знакомый, хотя и трудный.

Зерновъ нахмурился.

Ни въ отвѣтѣ, ни въ писаніи формулы я не сдѣлалъ ни единой ошибки. Покачалъ Зерновъ головой, удивился и передѣлываетъ поставленную мнѣ впередъ единицу на тройку. Я начинаю съ нимъ спорить и доказывать его несправедливость; ничего не помогаетъ — Зерновъ не умолимъ. Тогда я закипаю гнѣвомъ и бѣгу жаловаться М. Ѳ. Спасскому, декану нашего физико-математическаго факультета, и прошу его зайти къ Зернову на экзаменъ и заставить его поставить мнѣ пять.

Михаилъ Ѳедоровичъ, по добротѣ своей, пошелъ со мной къ Зернову и говоритъ ему о моей жалобѣ. Долго они препирались между собой, и, какъ Зерновъ ни отказывался, Спасскій все-таки настоялъ, чтобы онъ проэкзаменовалъ меня еще разъ при немъ.

Подхожу. Беру билетъ. О счастье! опять отлично знакомый. Отвѣчаю, конечно, великолѣпно. Зерновъ только руками развелъ.

— А возьми-ка еще билетикъ, — говоритъ онъ сурово.

Дѣлать нечего, беру билетъ, и опять такой, что знаю хорошо.

Пришлось таки Зернову по настоянію декана, поставить мнѣ пять.

Это ли не доказательство, насколько экзамены по билетамъ чистая лотерея!? Счастіе тутъ играетъ огромную роль.

Благодаря такъ счастливо слагавшимся обстоятельствамъ, я отлично перешелъ на второй курсъ, на которомъ въ теченіе всего года почти ничего не дѣлалъ. Визиты, балы, игра на билліардѣ, даже въ карты занимали у меня все время, а въ университетѣ я ходилъ на лекціи два, самое большое три раза въ недѣлю. Тѣмъ не менѣе, благодаря опять таки какому-то необычайному счастью и своимъ отличнымъ способностямъ, я и со второго на третій курсъ перешелъ хорошо.

Когда я былъ на второмъ курсѣ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ интереснаго эпизода, породившаго, или, вѣрнѣе сказать, создавшаго во мнѣ убѣжденіе, что человѣкъ никогда не можетъ говорить съ увѣренностью: «Я при такихъ-то обстоятельствахъ поступилъ бы или поступлю непременно такъ-то».

На Кисловкѣ, въ домѣ студента Дриневица, у насъ было нѣчто въ родѣ негласнаго клуба. Собирались студенты, бывали по приглашенію студентовъ и постороннія лица — читали, бесѣдовали, спорили, играли на билліардѣ и въ карты. Разъ какъ-то вечеромъ собралось насъ тамъ человѣкъ до двадцати; между гостями были два молоденькихъ гвардейскихъ офицера и художникъ-живописецъ, красавецъ Л. Рѣчь зашла о дуэляхъ, бывшихъ тогда въ модѣ и между студентами; одна часть присутствующихъ ратовала за дуэли, другая говорила противъ. Къ защитникамъ идеи необходимости дуэли принадлежали гвардейскіе офицеры, а къ противникамъ художникъ Л. Никто, конечно, никого убѣдить не могъ, и всякій оставался при своемъ мнѣніи. Наконецъ, одинъ изъ офицеровъ, подойдя къ Л., говоритъ ему:

— Помилуйте! что же вамъ остается дѣлать, если ктонибудь публично дастъ вамъ пощечину?

— Никакой дуэли въ такомъ случаѣ быть не можетъ,—хладнокровно возражалъ Л. — Я такого господина убилъ бы на мѣстѣ чѣмъ ни попало, а вовсе не сталъ бы ему подставлять еще свой лобъ.

При этихъ словахъ встаетъ съ дивана студентъ Т., рослый, хорошо сложенный и умный, отличавшійся всегда тѣмъ, что почти никогда не принималъ участія въ спорахъ, но имѣлъ обыкновение, когда ктонибудь ужъ очень заврется, или дергать товарища за фалду, или подходить къ нему и невозмутимо хладнокровно говорить: «перестань, заврался!».

Такъ и теперь Т., вставъ съ дивана, не спѣша подошелъ къ Л. и, не слова не говоря, бацъ его въ ухо, потомъ сложилъ руки на груди, постоялъ передъ Л. нѣсколько секундъ, какъ бы выжидая, чтобъ онъ убилъ его, но не дождавшись этого и проговоривъ: «совралъ, не убилъ», такъ же хладнокровно и не спѣша возвратился на свое мѣсто, на диванъ.

Всеобщее оцѣпенѣніе, внезапно разстроенный пріятный вечеръ, озадаченный и сконфуженный Л., все это длилось лишь нѣсколько

минуть. Когда Л. сейчасъ же уѣхалъ, почти всѣ напали на Т. за его дикую выходку и старались доказать ему, что онъ не правъ. Только я, совершенно ошеломленный, не сомнѣваясь въ искренности Л., довольно долго не могъ уяснить себѣ происшедшаго. Т. же доказывалъ, что Л. просто фатъ, котораго слѣдовало проучить.

— Вотъ увидите, что завтра же онъ пришлетъ мнѣ вызовъ,— все такъ же невозмутимо говорилъ Т.

Такъ и вышло: назавтра къ Т. пріѣхали секунданты отъ Л. съ вызовомъ на дуэль; но Т., отлично стрѣлявшій изъ пистолета, превосходно дравшійся на шпагахъ и нѣсколько разъ уже бывавшій на дуэляхъ, не принялъ вызова, сказавъ секундантамъ:

— Оставьте, господа! Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, оставить свидѣтелей этой сцены въ убѣжденіи, что господинъ Л. спорилъ и говорилъ искренно. Если же онъ будетъ теперь драться со мной на дуэли, то онъ этимъ докажетъ только, что онъ спорилъ не по убѣжденію, а лишь фатиль.

Такъ и пришлось Л. уѣхать изъ Москвы на нѣкоторое время за границу, чтобы немного забылась эта непріятная для него исторія.

Въ августѣ 1858 года, отецъ предложилъ мнѣ проѣхать съ нимъ въ Кіевъ для осмотра кабинетской Межигорской фаянсовой фабрики, которую ему предлагали отъ кабинета его величества взять въ долгосрочную аренду, такъ какъ при кабинетскомъ управленіи она доходовъ не давала, а наша тверская фабрика считалась тогда лучшей въ Россіи.

Я съ удовольствіемъ согласился, и мы съ отцомъ покатили туда на почтовыхъ черезъ Тулу, Орелъ, Нѣжинъ и т. д.

Въ Глуховѣ мы останавливались, чтобы войти въ личныя соглашенія съ владѣльцемъ по поставкѣ на нашу фабрику бѣлой глины, считавшейся лучшей въ Европѣ для фаянсоваго и фарфороваго производства. Недалеко отъ Глухова находился также казенный Шостенскій пороховой заводъ, которымъ управлялъ артиллерійскій генералъ Изидоръ Францовичъ Штейнъ, старый другъ и пріятель отца (еще по Кашину), къ которому мы заѣзжали погостить дня на два.

Во время нашего тамъ пребыванія случилась гроза; молнія ударила въ пороховой складъ, въ которомъ, къ счастью, было тогда всего только около семисотъ пудовъ пороху. Тѣмъ не менѣе взрывъ былъ такъ силенъ, что не только въ поселеніи завода, но даже за десять верстъ въ монастырѣ, полопались почти всѣ стекла въ окнахъ. Странно, что часовой, стоявшій на часахъ около самаго зданія, остался невредимъ, и когда мы съ генераломъ подѣхали къ мѣсту катастрофы, онъ съ ружьемъ невозмутимо стоялъ на своемъ посту и отдалъ генералу установленную честь. Это ли не идеальная дисциплина русскаго солдата!?

Подробно осмотрѣвъ Межигорскую фабрику, расположенную въ очень красивой мѣстности на правомъ берегу Днѣпра, въ 18 верстахъ отъ Кіева, отецъ пришелъ къ заключенію не брать ее въ аренду, хотя видимо дѣло это представляло много выгодъ. Мнѣ кажется, отецъ просто боялся спутываться съ казной, и ему, кромѣ того, было жаль лишать мѣстъ тѣхъ многочисленныхъ отдѣльныхъ управляющихъ отдѣлами и служащихъ, которые тамъ прижились, но которыхъ онъ никакъ не могъ оставить на службѣ у себя, такъ какъ они видимо дѣло вести не умѣли и мало имъ интересовались, обезпеченные получаемыми казенными жалованьями, содержаніями, квартирами, да еще и побочными доходами.

Въ концѣ августа мы вернулись въ наше милое Кузнецово, а 1-го сентября я былъ опять въ Москвѣ.

Несмотря на то, что я получалъ отъ отца гораздо болѣе, чѣмъ достаточно на свое студенческое содержаніе, я съ перваго же года моего поступленія въ университетъ проживалъ много больше. Мнѣ все не хватало денегъ, и я постепенно впутывался въ долги, хотя даже квартиру со столомъ я имѣлъ бесплатно въ домѣ чайнаго коммерсанта С. В. Перлова, тремъ сыновьямъ котораго я давалъ уроки по всѣмъ предметамъ, и, кромѣ стола и квартиры, получалъ за это еще весьма приличное вознагражденіе.

Какъ сынъ извѣстнаго въ Москвѣ фабриканта, я, конечно, имѣлъ кредитъ и былъ настолько легкомысленъ, что пользовался имъ самымъ безразсуднымъ образомъ. Осенью 1858 года, несмотря и на то, что отецъ уже нѣсколько разъ въ предыдущіе годы тайкомъ отъ матери уплачивалъ мои долги, я все-таки такъ запутался въ нихъ, что долженъ былъ въ ноябрѣ поѣхать въ Кузнецово и покаяться во всемъ родителямъ. Мать страшно огорчилась, даже разсердилась и довольно долго не пускала меня къ себѣ на глаза, тѣмъ болѣе, что я опять сталъ упрашивать отпустить меня, хоть на два года, въ лейпцигскую консерваторію. Мать и слышать этого не хотѣла, увѣренная, что артистическая карьера окончательно погубитъ меня, и настаивала предъ отцомъ, чтобы меня отправить въ Дерптскій университетъ на теологическій факультетъ, воображая, что занятія божественными предметами заставятъ меня образумиться.

Бѣдная, милая, дорогая, умная мать! какъ жестоко она ошибалась, намѣреваясь, при ея почти фанатической вѣрѣ и религіозности, сдѣлать изъ меня лютеранскаго пастора!..

Если отецъ мой былъ далеко не такъ уменъ, какъ мать, то сердцемъ онъ чувствовалъ вѣрнѣе, и я до сихъ поръ не знаю, какъ признателенъ и благодаренъ ему за то, что онъ рѣшительно воспротивился планамъ матери. Кажется, это былъ единственный случай, когда отецъ не исполнилъ желанія матери...

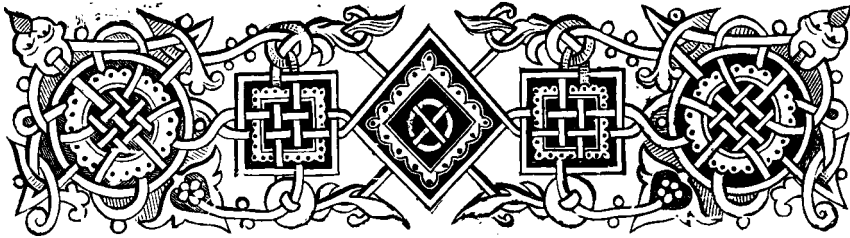
Въ этомъ случаѣ ему помогла неожиданно пріѣхавшая къ намъ тетка моя, Юлія Ѳедоровна, родная сестра матери и жена брата отца, дяди Германа Андреевича. Тетя Юля была красивая, умная, отлично образованная женщина, увлекавшаяся музыкой и литературой. Ея рассказы подъ псевдонимомъ А. Д. З., печатавшіеся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», составили ей литературное имя. Жила она тогда съ мужемъ въ Тульской губерніи, недалеко отъ Тулы, въ имѣніи Горячкино, гдѣ у дяди былъ свеклосахарный заводъ. Она тоже воспротивилась планамъ матери сдѣлать изъ меня пастора и предложила моимъ родителямъ отпустить меня къ ней, общаясь со мной литературой и поощряя меня въ занятіяхъ музыкой, къ которой она признавала во мнѣ талантъ, доказывая, что зарывать его не слѣдуетъ.

Родители мои согласились. Я вышелъ изъ университета и поѣхалъ съ теткой въ Тульскую губернію, гдѣ и прожилъ до мая.

А. А. Ауэрбахъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. АУЭРБАХА ¹⁾.

IV.

Моя служба въ «Grande société des chemins de fer Russes». — Директоръ Минъ Гильмэнъ. — Курскіе шудера. — 19-е февраля 1861 года. — Поступленіе на службу по С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ. — Начало польскаго возстанія.

ВЪ МАѢ я получилъ письмо отъ отца, который совѣтовалъ мнѣ сейчасъ же ѣхать въ Москву и принять мѣсто, предлагаемое мнѣ чрезъ дядю И. Б. Ауэрбаха во вновь образовавшемся большомъ французскомъ обществѣ — «Grande société des chemins de fer Russes», по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ: Петербурго-Варшавской, Московско-Нижегородской и Московско-Одесской.

На другой же день я выѣхалъ изъ Горячкина въ Москву къ дядѣ Ивану Богдановичу, отъ котораго узналъ, что французскій ученый геологъ Гильмэнъ, его большой пріятель и одинъ изъ директоровъ вышепомянутаго общества, отъѣзжая на югъ Россіи для нахожденія и изслѣдованія каменноугольныхъ мѣсторожденій, обратился къ нему съ просьбой порекомендовать ему молодого человѣка, хорошо владѣющаго французскимъ и русскимъ языками, для сопровожденія его въ качествѣ секретаря-переводчика, такъ какъ ни онъ, ни сынъ его химикъ ни слова не говорятъ по-русски.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. сі, стр. 347.

— Вотъ я и сказалъ ему про тебя,—сообщилъ мнѣ дядя.—Гильмэнъ—хорошій старикъ. Совѣтую тебѣ согласиться, потому что для тебя это будетъ полезно во всѣхъ отношеніяхъ — и сообществомъ образованныхъ людей, и путешествіями съ ними, и постоянной практикой въ чистомъ французскомъ «парижскомъ» языкѣ.

Дядя подаль мнѣ свою визитную карточку и продолжалъ:

— Ступай сейчасъ въ гостиницу «Дрезденъ», гдѣ остановился Гильмэнъ. Завтра послѣдній день, до котораго онъ общалъ ждать твоего отвѣта. Вы, конечно, сойдетесь въ условіяхъ, и, вѣроятно, на дняхъ же выѣдете на Югъ. Надѣюсь, ты оправдаешь мою рекомендацію.

Счастливый и довольный отправился я къ Гильмэну. Весьма благообразный сѣдой старикъ встрѣтилъ меня весьма радушно.

— Je suis très content, que vous ne refusez pas la proposition de monsieur votre oncle et que vous consentez de venir avec moi faire mon secrétaire-interprète. J'espère, que nous serons contents l'un de l'autre (я очень доволенъ, что вы не отказываетесь отъ предложенія вашего дяди и согласны отправиться со мною въ качествѣ моего секретаря-переводчика. Я надѣюсь, мы другъ другомъ будемъ довольны),—проговорилъ онъ ласково послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій.

Тутъ же онъ сообщилъ мнѣ, что мои обязанности будутъ заключаться въ слѣдующемъ: въ сношеніяхъ со всѣми русскими, не говорящими по-французски; въ заключеніи и составленіи условій и контрактовъ съ подрядчиками и поставщиками; въ заботахъ объ его и сына его существованіи, въ смыслѣ домашняго хозяйства, до возвращенія нашего въ Петербургъ и въ веденіи всей отчетности и счетоводства.

— Vous aurez beaucoup à faire,—говорилъ мнѣ старикъ Гильмэнъ,—mais moi et mon fils Jules, nous ne sommes pas capricieux. Enfin je vous promets de vous donner des moments libres, autant que possible. (У васъ будетъ много дѣла, однако я и сынъ мой, Жюль,—люди нетребовательные. Во всякомъ случаѣ я обещаю предоставлять вамъ по возможности свободное время).

Въ это время изъ сосѣдней комнаты пришелъ его сынъ, довольно мрачный брюнетъ, еще молодой человѣкъ, съ которымъ старикъ меня сейчасъ же и познакомилъ.

Жалованіе мнѣ было предложено 1.500 рублей въ годъ на всемъ готовомъ при нихъ содержаніи. Я, конечно, на всѣ условія охотно согласился.

— Et bien! dès demain vous êtes mon secrétaire-interprète. Venez chez moi vers les dix heures et vous commencerez immédiatement à nous préparer pour le long voyage au sud de la Russie. Mes compliments les plus sincères à monsieur votre oncle Jean Bogdanovitch (итакъ, съ завтрашняго дня вы — мой секретарь-перевод-

чикъ. Приходите ко мнѣ около 10-ти часовъ, и вамъ тотчасъ же придется начать приготовленія для нашего продолжительнаго путешествія на югъ Россіи. Передайте мой искренній привѣтъ вашему дядѣ, Ивану Богдановичу),—подалъ мнѣ руку старикъ Гильмэнъ, давъ этимъ понять, что аудіенція окончена.

На другой день въ назначенный часъ я былъ у него. Сейчасъ же мнѣ были вручены деньги и даны порученія по устройству и организаціи нашего путешествія, при чемъ я получилъ наставленіе не стѣсняться средствами, а заботиться главное, чтобы все было удобно и съ комфортомъ. Только покупку экипажей я не захотѣлъ брать на себя одного: покупать ли кареты, коляски или тарантасы? Послѣдніе, какъ я зналъ уже по опыту, были практичнѣе для путешествія по нашимъ грунтовымъ дорогамъ, но рессорные экипажи, конечно, покойнѣе. Гильмэнъ согласился съ моими взглядами и доводами и поручилъ купить два тарантаса — одинъ побольше для него съ сыномъ, другой для меня, по моему вкусу. Я такъ и сдѣлалъ: купилъ для нихъ обширный, покойный тарантасъ съ фордекомъ, дышловый на четыре лошади, а другой—для себя небольшой, легкій, на тройку.

Черезъ нѣсколько дней все было готово, и мы тронулись въ путь. Подробно описывать наше путешествіе на почтовыхъ чрезъ Тулу, Орелъ, Курскъ и Харьковъ, по направленію къ Екатеринославу и Феодосіи, я не стану; скажу только, что въ Харьковѣ мы останавливались на нѣсколько дней въ «Петербургской» гостиницѣ, такъ какъ Гильмэну надо было повидаться тамъ, по совѣту дяди Ивана Богдановича, съ нѣкоторыми профессорами университета. Въ Харьковѣ вырѣшилось, что мы пока поѣдемъ только до Екатеринославля, вблизи котораго будто бы уже были обнаружены каменноугольныя залежи.

Отъ Харькова до Екатеринославля шоссе не было, и пришлось ѣхать по обыкновенной грунтовой дорогѣ, которая вообще на югѣ очень хороша въ сухую погоду, но дѣлается почти непроѣздною въ дождливую, благодаря липкому чернозему. Мы счастливо попали въ сухую погоду, скоро и благополучно добрались до Екатеринославля; дорогой останавливались по одному дню въ Новомосковскѣ и Перещепинѣ, гдѣ Гильмэну указывали на присутствіе тамъ каменнаго угля, и гдѣ онъ дѣлалъ геологическія наблюденія. Такъ какъ оба эти мѣста недалеко отъ Екатеринославля, то Гильмэнъ избралъ его нашей резиденціей на лѣто 1859 года. Оттуда мы дѣлали экскурсіи для геологическихъ изслѣдованій, которыя увѣнчались успѣхомъ близъ Перещепинѣ, гдѣ были поставлены наши первыя буровыя работы, были найдены могучіе пласты каменнаго угля хорошаго достоинства.

По пріѣздѣ въ Екатеринославль мы остановились въ гостиницѣ Морнца, но вскорѣ мнѣ удалось найти порядочную квартиру.

Устроившись довольно комфортабельно, нанявъ лакея и кухарку, мы зажили своимъ домкомъ.

Проживъ все лѣто 1859 года въ Екатеринославлѣ, гдѣ я сдѣлалъ предложеніе моей женѣ, окончивъ съ успѣхомъ изысканія, взявъ пробы угля изъ мѣсторожденія близъ Перещепиной, мы поѣхали въ Петербургъ съ проектами пріобрѣтенія и эксплуатаціи для нуждъ Московско-Одесской желѣзной дороги Перещепинскаго каменноугольнаго мѣсторожденія.

Въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Гильмэномъ, пріѣхалъ я съ нимъ въ Петербургъ, гдѣ онъ представилъ меня главному директору, г. Колиньону.

Къ несчастью, Гильмэну не удалось въ Петербургѣ окончательно вырѣшить вопросъ объ организаціи эксплуатаціи Перещепинскихъ копей, гдѣ онъ и мнѣ общалъ солидное мѣсто, и онъ былъ вызванъ для этого въ Парижъ въ главное правленіе. Ъхавъ съ нимъ въ Парижъ мнѣ не представлялось надобности, такъ какъ онъ тамъ не нуждался въ секретарѣ-переводчикѣ; поэтому онъ просилъ Колиньона дать мнѣ подходящее, приличное мѣсто, хотя бы временно до его возвращенія въ Россію. Согласно съ ходатайствомъ Гильмэна мнѣ было предложено мѣсто кассира и помощника бухгалтеръ въ третьемъ отдѣленіи по изысканіямъ Московско-Одесской желѣзной дороги съ жалованьемъ по двѣ тысячи четырехста рублей въ годъ, и, сверхъ того, при разѣздахъ по дѣламъ общества, мнѣ полагалось суточныхъ по четыре рубля въ день; на устройство и обзаведеніе мое въ Курскѣ мнѣ была назначена еще единовременно тысяча рублей подъемныхъ—это, спасибо, опять таки по особому ходатайству такъ хорошо расположеннаго ко мнѣ Гильмэна.

Гильмэнъ, рассчитываясь со мной за службу у него, выдалъ мнѣ наградныхъ 500 рублей, а чрезъ нѣсколько дней я получилъ въ правленіи бумагу о моемъ назначеніи въ Курскъ открытое письмо о томъ же къ начальнику отдѣленія, французу Л., подъемныхъ 1.000 рублей и прогоны до Курска. Явиться къ мѣсту служенія въ Курскъ я долженъ былъ не позднеѣ, какъ черезъ мѣсяцъ.

Нашивъ себѣ въ Петербургѣ отличнаго платья, подремонтировавъ бѣлье, съ порядочными деньгами въ карманѣ, я, конечно, съ гордостью поѣхалъ изъ Петербурга въ мое милое, дорогое мнѣ Кузнецово, гдѣ былъ встрѣченъ всѣми, даже матерью, съ распростертыми объятіями. Только одно не нравилось моимъ родителямъ, особенно матери, что я такъ рано затѣялъ жениться; если они дали на это свое согласіе, то, во всякомъ случаѣ, противъ ихъ желанія.

Прогостилъ я дома дней десять; оттуда я взялъ съ собой молодого, тоже лѣтъ двадцати, царня Ивана, сына одного изъ на-

шихъ фабричныхъ приказчиковъ, въ качествѣ лакея. Пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, мы съ Иваномъ недѣли чрезъ двѣ прибыли въ Курскъ. По приѣздѣ туда, оказалось, что начальникъ отдѣленія тоже только что прибылъ, и контора еще не была открыта. Надо сказать, что французъ-начальникъ отдѣленія терпѣть не могъ русскихъ служащихъ, и терпѣлъ ихъ только потому, что онъ безъ нихъ обойтись не могъ, ибо многіе другіе инженеры и служащіе французы, занимавшіе, однако, всѣ высшія должности съ огромными окладами, по-русски не говорили, и большинство даже плохо понимали этотъ трудный для нихъ языкъ. Волей-неволей они были какъ бы въ рукахъ у насъ, русскихъ служащихъ, хорошо говорившихъ по-французски; такъ и теперь начальнику отдѣленія пришлось принять меня довольно любезно и поручить мнѣ найти помѣщеніе для конторы, приобрести необходимую обстановку ея и вообще организовать всю конторскую службу, тѣмъ болѣе, что я былъ назначенъ кассиромъ и помощникомъ бухгалтера, нѣкоего monsieur Jussy, выѣхавшаго изъ Парижа уже два мѣсяца тому назадъ, но все еще не добравшагося до Курска.

Вотъ тутъ-то, при организаціи курской конторы, принимая и провѣряя отчеты о путевыхъ издержкахъ собиравшихся понемногу служащихъ, я увидѣлъ и убѣдился, какой французами производился невѣроятный грабежъ суммъ общества во время этой пресловутой и знаменитой въ своемъ родѣ эпопеи «Grande société des chemins de fer Russes». Насколько французы старались прикрывать, признавать правильными безобразные и незаконные свои расходы, настолько же они были строги и придирчивы въ этомъ отношеніи къ русскимъ...

Былъ, напримѣръ, такой случай: одинъ помощникъ начальника дистанціи, молодой русскій путеецъ, ѣхавши изъ Москвы въ Курскъ, потерялъ квитанцію вольной почты въ уплатѣ прогоновъ на двѣ лошади отъ Тулы до Орла, всего на сумму около 15 рублей, но, такъ какъ у него не оказалось на нихъ оправдательнаго документа, то начальникъ отдѣленія ни за что не хотѣлъ утвердить этого расхода; только настойчивыя мои доказательства, что прогоны, какъ извѣстно, оплачивались отъ одного губернскаго города до другого, что не могъ же инженеръ пролетѣть по воздуху пространство между Тулой и Орломъ, и что онъ непремѣнно долженъ былъ заплатить эту именно сумму, по расчету верстъ, заставили, наконецъ, француза-начальника признать этотъ расходъ правильнымъ и принять его. А въ отчетѣ о путевыхъ издержкахъ сапожника-бухгалтера Жюсси встрѣчались, напримѣръ, такія статьи расходовъ: за 100 штукъ гаванскихъ сигаръ 60 рублей; въ аптеку за слабительное для жены 3 рубля и тому подобные расходы, которые всѣ безпрекословно принимались и утверждались начальникомъ отдѣленія.

Выше я назвалъ Жюсси сапожникомъ-бухгалтеромъ совершенно правильно; онъ самъ мнѣ рассказывалъ, что занимался въ Парижѣ этимъ ремесломъ, дававшимъ ему очень скромный заработокъ.

— Mais, quand mon ami Collignon m'a proposé de venir chez lui en Russie comme chef comptable, avec les appointements de 20 milles francs par an,—наивно хвастался онъ,—oùtre ça encore, tous les frais de voyage au compte de la Société, cela s'entend, j'ai liquidé mon affaire et vraiment je me sens très bien maintenant. (Но, когда мой другъ Колиньонъ предложилъ мнѣ отправиться къ нему въ Россію въ качествѣ бухгалтера съ жалованьемъ въ 20 тысячъ франковъ въ годъ, сверхъ того, всѣ расходы по путешествію на счетъ общества, само собою разумѣется, я ликвидировалъ свои дѣла и дѣйствительно чувствую теперь себя очень хорошо).

Эготъ Жюсси былъ простой, совсѣмъ необразованный, мало развитой мастеровой, наивно глупый, не имѣвшій никакого понятія о бухгалтеріи и взвалившій всю работу на меня, тѣмъ болѣе, что цѣлый мѣсяцъ до его приѣзда я работалъ одинъ. Надо отдать ему справедливость,—онъ красиво писалъ; поэтому велъ только бѣловыя книги, въ которыя онъ вписывалъ все съ моихъ черновыхъ, по моему указанію; за то онъ получалъ шесть тысячъ рублей въ годъ жалованья, а я только двѣ тысячи четыреста рублей. При его и моемъ благодушіи мы, однако, были съ нимъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ.

Какъ молодой человѣкъ элегантною наружности, я въ Курскѣ былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ и, благодаря своему солидному положенію по занимаемому мѣсту, игралъ тамъ довольно видную роль, а маменьки взрослыхъ дочекъ смотрѣли на меня, какъ на завиднаго жениха.

Особенностью Курска того времени, когда еще почти не было желѣзныхъ дорогъ, когда процвѣтали еще обширныя вообще и конскія ярмарки въ особенности, какъ Курская Коренная, Лебедянская и мн. др., куда въ большомъ количествѣ съѣзжались ремонтеры, было и то, что онъ былъ какъ бы разсадникомъ шулеровъ. Эти господа встрѣчались въ такихъ сферахъ общества, гдѣ ни одинъ порядочный человѣкъ не могъ бы даже заподозрѣть присутствіе, не только участіе подобныхъ профессионаловъ.

Довольно характерный случай былъ и со мной въ этомъ направленіи. Однажды утромъ, въ девятомъ часу, когда я собирался итти на службу, входитъ ко мнѣ мой Иванъ съ докладомъ, что какой-то неизвѣстный ему господинъ желаетъ меня видѣть.

Приказалъ принять. Одѣлся, выхожу въ другую комнату, гдѣ застаю прилично одѣтаго господина среднихъ лѣтъ, который вѣжливо со мной раскланялся.

— Честь имѣю рекомендоваться,—заговорилъ мой гость,—дворянинъ Бунинъ, помѣщикъ.

— Очень пріятно познакомиться,—протянулъ я ему руку.— Чѣмъ могу служить вамъ?

— Я—здѣшній шулеръ,—цинично продолжалъ онъ,—и желалъ бы кое-что сообщить вамъ о компаніи, направленной противъ васъ здѣшними многочисленными шулерами.

— Я съ шулерами, извините, никакихъ дѣлъ не имѣю и полагаю, что намъ разговаривать не о чемъ,—всталъ я уже, не подавая ему руки.

— Вы напрасно сердитесь,—продолжалъ не стѣсняясь и совершенно невозмутимо Бунинъ.—Вы такъ молоды и такъ неопытны въ этомъ направленіи, что легко можете поддаться обману, а мнѣ жаль васъ, и я хотѣлъ только предупредить васъ о грозящей вамъ опасности. Прошу васъ, выслушайте меня, я не долго задержу васъ.

Меня заинтересовала такая откровенность; я сѣлъ, и Бунинъ заговорилъ опять.

— Въ дворянскомъ собраніи на балу губернаторъ познакомитъ васъ съ своимъ чиновникомъ особыхъ порученій, Маковлевымъ. Ну, придетъ ли вамъ въ голову, что Маковлевъ—шулеръ?.. Конечно, нѣтъ. Тѣмъ не менѣе это такъ, и онъ, познакомившись съ вами чрезъ губернатора, сдѣлаетъ вамъ визитъ; вы его отдадите ему и, конечно, пригласите бывать у васъ по четвергамъ, когда у васъ собираются ваши товарищи по службѣ и ваши знакомые. У васъ играютъ также въ карты. Мы, какъ видите, уже все знаемъ; знаемъ также и то, что вы получили въ Петербургѣ пятьсотъ рублей наградныхъ, тысячу рублей подъемныхъ; эти деньги должны быть у васъ налицо, такъ какъ денегъ, полученныхъ за прежнюю службу, прогонныхъ и суточныхъ, вамъ было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы пріѣхать сюда и обзавестись всѣмъ. Такъ вотъ мы и рѣшили выиграть у васъ эти 1.500 рублей. Со мной васъ также познакомятъ... вѣроятно, губернский предводитель дворянства Мухортовъ,—вотъ вамъ опять не можетъ прійти въ голову, что я тоже шулеръ?..

— Зачѣмъ же вы все это рассказываете мнѣ? — перебилъ я его.

— А вотъ слушайте дальше, и вы тогда поймете. Въ одинъ изъ четверговъ соберутся у васъ гости, въ числѣ которыхъ будутъ также Маковлевъ, совѣтникъ казенной палаты, съ которымъ вы уже знакомы, онъ тоже шулеръ, и я. До ужина у васъ будутъ играть по маленькой въ коммерческія игры, а послѣ ужина, послѣ того, какъ всѣ товарищи и большинство гостей разѣйдутся, мы трое, то-есть Маковлевъ, совѣтникъ и я, позамѣшкаемся. Маковлевъ предложитъ поиграть въ штоссъ, въ который мы и

сговорились обыграть васъ навѣрняка. Маковлевъ, еще очень слабый и плохой шулеръ, будетъ метать двумя колодами по очереди; вотъ тутъ-то у насъ и условлено, что пока онъ будетъ метать одной колодой, я другую, незамѣтно для васъ, подтасую круглякомъ, то-есть такъ, что всякая карта, какую бы вы ни поставили, будетъ бита. Если можно подтасовать колоду такъ, что каждая карта будетъ бита, то ясно, что ее можно подтасовать и такъ, что каждая карта будетъ дана. Ну, поняли теперь?

— Ничего не понялъ и не понимаю,—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ я вамъ сейчасъ еще лучше объясню. Такимъ же образомъ мы обыгрывали недавно одного ремонтера; но Маковлевъ меня обманулъ, и, несмотря на то, что я добросовѣстно исполнилъ свою обязанность, онъ изъ выигранныхъ у ремонтера денегъ отдалъ мнѣ только десятую часть, вмѣсто условленной половины. Вотъ я и хочу теперь отомстить Маковлеву: я ему подтасую теперь колоду навыворотъ, т.-е. каждая карта будетъ дана, а не бита, я толкну васъ тогда ногой, и вы смѣло ставьте по банку, который сорвете и положите донезки въ свой карманъ.

Возмущенный подобнымъ нахальнымъ предложеніемъ Бунина, я позвалъ своего лакея, которому приказалъ вывести этого господина и никогда больше не принимать его.

— Я и самъ уйду,—смирренно проговорилъ Бунинъ, выходя въ переднюю.—Только совѣтую вамъ не болтать о только-что произошедшемъ между нами—вы только повредите себѣ.

Мой Иванъ, оказалось, подслушалъ весь разговоръ и, когда вернулся въ комнату, заперевъ за Бунинымъ дверь, сказалъ:

— А вы, Андрей Андреевичъ, въ самомъ дѣлѣ лучше помалкивайте да постарайтесь провѣрить все сказанное этимъ господиномъ. Можетъ, и взаправду здѣсь этихъ мошенниковъ ужъ очень много?.. Тогда они въ концѣ концовъ доберутся до вашихъ денежекъ.

Сообразивъ все хорошенько, я рѣшилъ дѣйствительно пока молчать.

Прошло недѣли двѣ, и я началъ было уже забывать о Бунинскомъ посѣщеніи, какъ на балѣ въ дворянскомъ собраніи, во время бывшихъ тогда выборовъ, губернаторъ знакомить меня съ своимъ чиновникомъ особыхъ порученій, Маковлевымъ, а губернский предводитель дворянства Мухортовъ съ помѣщикомъ Бунинымъ, который и глазомъ не сморгнулъ, что знаетъ меня.

Меня это заинтересовало, и я тутъ же на балѣ пригласилъ ихъ обоихъ безъ всякихъ церемонныхъ визитовъ пожаловать ко мнѣ попросту въ четвергъ вечеромъ.

Въ первый же четвергъ у меня собрались, кромѣ моихъ товарищей по службѣ и уже бывавшихъ у меня раньше знакомыхъ, также Маковлевъ, Бунинъ и совѣтникъ казенной палаты Строевъ. Все шло такъ, какъ говорилъ Бунинъ.

Послѣ ужина, когда почти всѣ уже разъѣхались, Маковлевъ предложилъ переметнуться, хоть не долго, въ штосикъ.

— Хорошо, — господа, говорю я. Извольте, я заложу вамъ тыщенку. Рвите.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ Маковлевъ. — Я не люблю понтировать, а банкъ заложу съ удовольствіемъ.

— Я и на это согласенъ, — сказалъ я.

Живо Иванъ поставилъ столъ посреди комнаты, въ которой у одной стѣны стоялъ мой письменный столъ, надъ которымъ висѣло большое стѣнное зеркало. Подали карты. Усѣлись: я спиной къ моему письменному столу, Маковлевъ со мной vis-à-vis, а Бунинъ и Строевъ по другимъ сторонамъ ломбернаго стола.

Маковлевъ досталъ изъ бумажника десять радужныхъ, положилъ ихъ подъ подсвѣчникъ, распечаталъ карты, потасовалъ ихъ, срѣзалъ и сказалъ «готово».

Началась игра, которая съ полчаса шла вяло, ни шатко ни валко. Совѣтникъ и я были въ нѣкоторомъ проигрышѣ, а Бунинъ и Маковлевъ въ пустяшномъ выигрышѣ. Смотрю, Бунинъ, сидѣвшій по правую руку у Маковлева, беретъ другую свободную колоду банкмета и начинаетъ тасовать ее довольно долго, кладетъ опять на мѣсто около Маковлева, который, кончивъ талию, не замедлилъ взять ее. Тогда Бунинъ толкаетъ меня ногой; у меня моментально промелькнула мысль: «фи! какая гадость! какъ смѣетъ онъ думать, что я могу участвовать съ нимъ въ заговорѣ!»... Конечно, я по банку не поставилъ, а бросилъ на свою понтерку нѣсколько рублей. Карта была дана.

Въ это время я всталъ, подошелъ къ письменному столу, чтобы скрутить себѣ папиросу, и увидѣлъ въ зеркалѣ, котораго мои партнеры, вѣроятно, не замѣтили, слѣдующую картину: Маковлевъ жестами показываетъ Бунину свое возмущеніе въ неправильной подтасовкѣ колоды, которую онъ тутъ же, пользуясь временемъ, пока я стою къ нимъ спиной, опускаетъ въ свой боковой карманъ, а изъ него извлекаетъ свою «аделаиду» (такъ называлась у шулеровъ колода картъ мѣченая, крапленая, приготовленная дома), которая, конечно, измѣнить ему не можетъ. Но, говорить пословица, «и на старуху бываетъ проруха».

...Онъ видимо ошибся и извлекъ изъ кармана не ту «аделаиду», которую слѣдовало, потому что на столѣ оказались обѣ банкметныя колоды одного краснаго крапа, тогда какъ всегда въ каждой игрѣ картъ (то-есть въ двухъ колодахъ) одна колода краснаго, а другая синяго крапа.

Я это тотчасъ же замѣтилъ, хотя сами шулера или не замѣтили своей ошибки, или, рассчитывая на мою неопытность и не имѣя уже времени поправить ошибку, надѣялись, что дѣло сойдетъ, только Маковлевъ, держа уже свою колоду въ рукахъ, очень увѣренно сказалъ:

— Готово!

Тогда я бросилъ на столъ какую-то карту и сказалъ, что ставлю ее по банку со всѣми входящими и выходящими.

Карта моя чрезъ нѣсколько абцуговъ, конечно, была бита.

Маковлевъ, зная, что моя карта стоила около 1.500 рублей, положилъ свою колоду на столъ, сказавъ:

— Довольно, я больше не мечу.

— Дѣйствительно довольно,—сказалъ я, взявъ изъ-подъ подсвѣчника десять радужныхъ Маковлева и положивъ ихъ въ карманъ.

— Иванъ, гони всѣхъ въ шею!—крикнулъ я своему лакею и при этомъ показалъ озадаченнымъ шулерамъ, что обѣ банккометныя колоды были одного краснаго крапа.

Сконфуженные и униженные, не стараясь даже оправдываться, они торопливо взяли свои шапки и поспѣшили уйти. Мы съ Иваномъ долго смѣялись надъ ихъ глупыми озадаченными физіономіями.

Исторія эта, благодаря Бунину, быстро разнеслась по городу и надѣлала много шума. Маковлеву пришлось бросить службу и совсѣмъ уѣхать изъ Курска, такъ какъ и шулера исключили его изъ своей среды, не желая имѣть дѣло съ такимъ дуракомъ, который даже и колоды-то подмѣнить, какъ слѣдуетъ, не умѣетъ.

Нахальству же Бунина и его друга шулера Березина не было предѣловъ, потому что эти оба господина имѣли дерзость черезъ нѣсколько дней пріѣхать ко мнѣ и, восторгаясь моей находчивостью, дѣлать мнѣ самыя циничныя и унижительныя предложенія поступить къ нимъ на службу и бросить главное общество желѣзныхъ дорогъ.

— Вѣдь мы вамъ дадимъ заработать вдесятеро больше нашего жалованья. Что вы тамъ получаете какіе-то жалкіе 2.400 рублей? Черезъ насъ же вы можете достать 25—30 тысячъ въ годъ.

— Какимъ образомъ?—полюбопытствовалъ я.

— Ваше дѣло будетъ только разъѣзжать съ нами по большимъ ярмаркамъ и разыгрывать богатаго кутилу, барона, любящаго играть въ карты.

— Какая же вамъ-то отъ этого будетъ польза?

— Какая?! всегда найдется много охотниковъ сыграть съ вами, такъ какъ васъ никто не заподозритъ въ игрѣ навѣрняка, и мы будемъ поочереды разыгрывать вашихъ прихлебателей и приживальщиковъ. Вы сядете играть, поиграете нѣкоторое время, сдѣлаете видъ, что вамъ надоѣло, и попросите кого нибудь изъ насъ продолжать игру и метать за васъ. Ну, а ужъ тогда—наше дѣло!...

Опять пришлось мнѣ попросить этихъ господъ немедленно удалиться и болѣе никогда не являться ко мнѣ.

Дѣла нашего «Grande société», однако, вдругъ пошатнулись, и въ 1860 году было получено распоряженіе: прекратить производ-

ство изысканій по всей линіи Москва—Оеодосія и только скорѣе доканчивать постройку дорогъ Московско-Нижегородской и С.-Петербургско-Варшавской. Такимъ образомъ, къ осени 1860 года мы оказались при печальномъ интересѣ, то-есть безъ мѣсть. Французы удалились къ себѣ во Францію все-таки съ нѣкоторой помпой, хоть и съ меньшей, чѣмъ пріѣхали; они всѣ получили въ карманъ путевыя деньги и все причитающееся имъ по контрактамъ, а насъ, русскихъ, не имѣвшихъ контрактовъ, просто уволили. Я написалъ было Гильмэну, но получилъ отвѣтъ, что каменноугольныхъ копей устраивать не будутъ, и онъ не вернется больше въ Россію. Такъ какъ я всегда любилъ жить широкое и никогда не думалъ не только о черномъ, но и завтрашнемъ днѣ, то у меня никакихъ сбереженій не было, и я остался при самомъ пиковомъ интересѣ. Къ счастью моему, въ Старооскольскомъ уѣздѣ Курской губерніи жилъ управляющимъ у графа Бобринскаго въ имѣніи Орликъ дядя и крестный отецъ мой, Александръ Андреевичъ Ауэрбахъ, которому я и написалъ, и онъ тотчасъ же пріѣхалъ въ Курскъ.

Домой обращаться за помощью мнѣ было очень тяжело, и потому дядя увезъ меня къ себѣ, въ с. Орликъ.

Дядя Ал. Анур. былъ женатъ, но дѣтей у него не было, и они съ женой были очень довольны переѣздомъ моимъ къ нимъ. Окружили меня всевозможнымъ комфортомъ, баловали до послѣдней степени и чуть не превратили меня въ совершеннѣйшаго сибарита.

Къ счастью, у нихъ въ домѣ былъ рояль, который помогъ мнѣ не совсѣмъ разлѣниться. Ни дядя, ни тетка сами не играли, но очень любили музыку и пришли въ восторгъ отъ моей игры. Дядя даже задумалъ устроить такъ, чтобы я могъ поѣхать года на два въ одну изъ заграничныхъ консерваторій, но такъ какъ у него своихъ собственныхъ средствъ для этого не было, то онъ затѣялъ женить меня на одной богатой барышнѣ, Башкатовой, гостившей по сосѣдству у своей родственницы, вдовы Волковой. Можно представить себѣ разочарованіе и огорченіе дяди, когда онъ узналъ, что у меня уже есть невѣста, но тоже безъ всякихъ средствъ.

Не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій, живя въ деревнѣ у дяди, я усердно занимался музыкой и затѣмъ часто ѣзжалъ на охоту и рыскалъ по сосѣдямъ.

До сихъ поръ я еще ни слова не сказалъ о великомъ событіи 19-го февраля 1861 года, когда былъ объявленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этотъ великій актъ совершился во всей Россіи, за самыми рѣдкими исключеніями, тихо и безъ волненій народныхъ массъ, которыя всюду возносили только самыя горячія молитвы за обожаемаго всѣми Царя-Освободителя. Дворянство тоже въ большинствѣ случаевъ,

Какъ извѣстно, безропотно покорилося высочайшей волѣ, хотя многіе никакъ не могли примириться съ мыслью, что Ваньки и Ѳедьки не будутъ больше работать на нихъ даромъ, что надо совершенно измѣнить весь строй хозяйства и т. д., и сравнительно очень немногіе сумѣли должнымъ образомъ распорядиться полученными за крестьянъ выкупными свидѣтельствами, большинство же помѣщиковъ, проживъ эти деньги, впадали постепенно въ оскудѣніе, бросали свои земли, которыя и начали переходить въ руки купцовъ и кулаковъ.

Но зато бывали и діаметрально противоположныя явленія. Такъ, наши крѣпостные Тверской губерніи, очень любившіе отца, обнимались и цѣловались съ нимъ по выслушаніи манифеста, но тутъ же заявляли, что имъ живется у него такъ хорошо, какъ имъ уже, конечно, никогда не придется жить на волѣ, и поэтому они желаютъ лучше остаться его крѣпостными. Я очень жалѣю, что мнѣ не удалось присутствовать при этой трогательной сценѣ. И дѣйствительно наши крестьяне и дворовые жили при отцѣ очень хорошо, никогда не зная никакой нужды; погорить ли кто, ему сейчасъ же отпускали даромъ лѣсъ на постройку; падеть ли лошадь, корова, овца, ему сейчасъ же давались другія; женится молодой парень по любви на бѣдной дѣвушкѣ изъ сосѣднихъ крестьянъ, ей дается полное приданое; въ неурожайные года, которые, правда, тогда бывали очень рѣдки, всѣ семьи всегда обезпечивались хлѣбомъ до новаго урожая и т. д., даже барщина у отца никогда не бывала въ тягость, и мой добрый старикъ болѣе обращалъ вниманія на своевременную уборку сѣна и хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ, чѣмъ на своихъ.

— Какой же работникъ—бѣдный крестьянинъ?—говаривалъ онъ всегда.—Богатъ мужикъ—богатъ и я. Только не лѣнись и дѣлай всегда все въ-время.

И дѣйствительно Тверская губернія, не причисляемая къ хлѣбороднымъ, бывала рѣдкостная по урожаямъ, какъ на поляхъ отца, такъ и его крестьянъ, несмотря на то, что держались въ хозяйствахъ старинной трехпольной системы. Рожь у насъ родилась часто самъ 16 и въ среднемъ за десятилѣтіе выходила самъ двѣнадцать.

Вотъ старуха генеральша Цеймернъ, урожденная Малама, у которой въ деревнѣ (Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи) гостила моя невѣста, которую я тогда навѣститъ, была истой, закоренѣлой крѣпостницею и никакъ не могла примириться, что послѣ 19-го февраля она уже не можетъ отдуть по щекамъ какую нибудь Палашку. Генеральша очень любила мою невѣсту, черезъ нее перенесла свою любовь и на меня, но не переносила, когда мы оба стояли горой за совершившуюся реформу, признававшую людьми и крѣпостныхъ.

— Какіе они люди?!—бывало ворчить генеральша.—Эго скоты, какъ лошади и волю, и на нихъ нуженъ такой же кнутъ. Не везетъ лошадь—ее кнутомъ; не исполняетъ Палашка, какъ слѣдуетъ, моихъ приказаній,—я ее по щекамъ. И вдругъ теперь, извольте видѣть, эта самая Палашка—вольная... и вольна не исполнять моихъ приказаній?! Да какая же это справедливость?!

Въ іюлѣ 1861 года я женился, а въ 1862 году осенью мнѣ было предложено поступить на службу на С.-Петербургско-Варшавскую желѣзную дорогу. Сначала я былъ причисленъ къ главной конторѣ начальника эксплоатаціи, француза Алькіе, который сразу расположился ко мнѣ, потому что я хорошо говорилъ по-французски.

Въ это время уже начинались волненія въ Польшѣ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, на которыя, однако, ни великій князь Константинъ Николаевичъ, намѣстникъ царства Польскаго, ни В. И. Назимовъ, генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края, не обратили должнаго вниманія, чѣмъ и дали возможность организовать и развиваться возстанію, съ его «народовымъ ржондомъ» во главѣ, такъ печально кончившимся для поляковъ и всего края и унесшимъ такъ много человѣческихъ жертвъ.

V.

Польское возстаніе 1863 года. — Опять В. И. Назимовъ. — Первые безпорядки и послышка гвардіи въ Сѣверо-Западный край. — Первая казнь въ Вильнѣ есендза Ишоры. — Намѣстникъ края, графъ М. Н. Муравьевъ. — Военный начальникъ желѣзной дороги, графъ В. А. Бобринскій. — Эпизоды съ сотникомъ Грековымъ и съ жандармскимъ полковникомъ Житковымъ.

Въ самомъ началѣ января 1863 года начальникъ эксплоатаціи С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги Алькіе получилъ телеграмму отъ начальника III отдѣленія службы движенія С. Л. Барыкова съ настойчивымъ требованіемъ прислать къ нему немедленно въ помощники кого либо изъ надежныхъ, развитыхъ служащихъ. Насъ было двое, прикомандированныхъ къ конторѣ Алькіе, Блументаль и я, которымъ онъ и предложилъ ѣхать въ Вильну къ Барыкову.

Блументаль наотрѣзъ отказался ѣхать, какъ онъ объяснилъ, потому что не имѣлъ ни малѣйшаго желанія рисковать своей головой, ѣхать въ смутный край, несмотря на то, что подобная командировка была порядочнымъ повышеніемъ по службѣ, притомъ съ увеличеніемъ оклада жалованья. Я же немедленно согласился, тѣмъ болѣе, что С. Л. Барыковъ былъ вмѣстѣ со мной (только года на три старше меня по выпуску) въ московской 3-й гимназій.

Алькіе сейчасъ же приказаль изготавить для меня нужные документы и бумаги, выдать мнѣ подъемныя, и я на другой же день долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга къ своему новому мѣсту служенія. Велико было изумленіе моей жены и Трейтеровъ, когда я, придя домой въ обычное время, объявилъ, что завтра уѣзжаю и получилъ уже для сего всѣ нужные документы и деньги.

Инженеръ путей сообщенія, А. В. Трейтеръ, служившій въ инспекціи той же Варшавской желѣзной дороги, былъ женатъ на родной сестрѣ моей жены, и мы жили въ Петербургѣ вмѣстѣ на одной квартирѣ.

Рѣшено было на общемъ семейномъ совѣтѣ, что моя жена съ сыномъ останутся пока въ Петербургѣ, а я поѣду въ Вильну одинъ. Вечеръ былъ посвященъ моимъ сборамъ въ дорогу, а на другой день съ почтовымъ поѣздомъ я уже катилъ къ мѣсту новаго моего служенія въ качествѣ прикомандированнаго въ распоряженіе начальника 3-го отдѣленія службы движенія.

Сергій Лаврентьевичъ Барыковъ принялъ меня чисто по-товарищески—оказалось, онъ помнилъ меня по московской гимназіи; познакомилъ меня съ своей молодой женой, хорошенькой Анной Павловной, урожденной Каменской (впослѣдствіи довольно извѣстной поэтессой), и, пока что, предложилъ мнѣ остановиться у него, на казенной квартирѣ, тутъ же, на самомъ Виленскомъ вокзалѣ.

Въ ночь съ 10-го на 11-е января 1863 года повстанцы совершенно неожиданно сожгли желѣзнодорожный мостъ на р. Бугѣ, и С. Л. Барыковъ послалъ меня доложить объ этомъ генералъ-губернатору В. И. Назимову, вручивъ мнѣ, какъ доказательство, подлинную служебную телеграмму объ этомъ. В. И. Назимовъ, любимый поляками, хорошо раскусившими его и отлично понимавшими, какъ легко втирать ему очки, показывая ему всегда свое будто бы самое искреннее расположеніе и оказывая ничего не стоящіе почеты и уваженіе,—не допускалъ и мысли о возможности открытаго мятежа въ Литвѣ.

Когда доложили Владимиру Ивановичу, что пріѣхалъ посланный съ желѣзной дороги, имѣющій сообщить ему нѣчто очень важное, онъ даже не сразу принялъ меня, а просилъ подождать, пока онъ одѣнется; затѣмъ онъ вышелъ ко мнѣ въ пріемную въ полномъ мундирѣ при эполетахъ и прежде всего поразилъ меня своей памятью: онъ сейчасъ же узналъ меня и прежде всего заговорилъ о томъ, какъ онъ въ 3-ей гимназіи приказалъ остричь меня подъ гребенку.

— Вотъ мы опять встрѣтились съ вами,—сказалъ онъ улыбаясь.—Чѣмъ могу служить вамъ?

— Я присланъ къ вашему высокопревосходительству Сергѣемъ Лаврентьевичемъ Барыковымъ, чтобы доложить вамъ, что сегодня ночью польскіе мятежники сожгли у насъ желѣзнодорожный мостъ на Бугѣ,—отрапортовалъ я.

— Не можетъ быть! Что за чепуху вы городите?!—сказалъ онъ довольно рѣзко.

Когда же я показалъ ему телеграмму, онъ насупилъ свои густыя брови, ненадолго задумался и сказалъ:

— Хорошо, я сдѣлаю нужныя распоряженія, а Сергѣю Лаврентьевичу скажите, что телеграмму я оставилъ у себя.

И съ этими словами онъ быстро ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Такъ началось открытое возстаніе въ Польшѣ и Литвѣ.

Всюду стали появляться шайки косиньеровъ (т.-е. банды, вооруженныя косами на древкахъ) и первые жандармы-вѣшатели; почти ежедневно портили желѣзную дорогу и телеграфъ; всюду расклеивались и развѣшивались прокламаціи и воззванія «народаваго ржонда»; молодежь толпами шла «до лясу»; всѣ стали носить «конфедератки» (головной уборъ въ родѣ уланскаго кивера) и «чемарки» (кафтаны въ родѣ венгерокъ); дамы и дѣвицы надѣли трауръ «по ойчизнѣ»; особенно фанатичныя дамы и ханжи ложились «кржыжемъ», распростертыя на Остробрамской улицѣ, у костела и часовни Божіей Матери Остра-Брама (Ostra-Brama), и если бы вы, проѣзжая въ это время по улицѣ, не вылѣзли изъ экипажа и не пошли пѣшкомъ, пославъ экипажъ въ объѣздъ, то рисковали быть, если не избитымъ, то во всякомъ случаѣ оплеванымъ (буквально) и огульно обруганнымъ «пся кривъ» и другими самыми непотребными ругательствами.

Вообще жизнь въ Вильнѣ сдѣлалась невыносимой, а намъ, русскимъ, особенно служащимъ на желѣзной дорогѣ очень рискованной, кромѣ того, такъ что мы въ то время не иначе выходили изъ дому, какъ съ револьверомъ въ карманѣ.

Небрежность В. И. Назимова, происходившая, вѣроятно, отъ его убѣжденности въ невозможности возстанія, была такъ велика, что онъ даже не подумалъ заблаговременно о томъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное количество войскъ. И вотъ, когда возстаніе уже разыгралось во всю, и въ немъ не могло быть никакого сомнѣнія, когда оно стало совершившимся фактомъ, тогда только наконецъ онъ обратился за помощью въ Петербургъ, откуда и была двинута въ Сѣверо-Западный край почти вся гвардія, которую всего скорѣе и удобнѣе можно было передвинуть туда по нашей желѣзной дорогѣ. Кромѣ того, было прислано нѣсколько сотенъ донскихъ казаковъ, которые были особенно полезны для выслѣживанія и преслѣдованія бандъ. Такимъ образомъ въ февралѣ было сосредоточено въ краѣ достаточное количество войскъ всѣхъ родовъ оружія, давшихъ возможность послѣдовательно и систематически преслѣдовать, разбивать и уничтожать одну банду за другой.

Особенно удачными по достигнутымъ результатамъ были дѣла: командира лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, Николая Степано-

веча Ганцаго, уничтожившаго правильно организованную шайку Сѣраковского (бывшаго офицера генеральнаго штаба) и Колышки, которыхъ онъ взялъ въ плѣнъ,—и полковника лейбъ-гвардіи павловскаго полка, флигель-адъютанта Тимоеева, разбишаго на голову близъ станціи желѣзной дороги «Ораны» отлично организованную шайку Нарбута, который былъ убитъ въ этомъ дѣлѣ.

Долго не давалась небольшая, летучая банда Вислоуха, постоянно портившая желѣзную дорогу и телеграфъ, очень ловко исчезающая, когда, казалось, вотъ-вотъ она выслѣжена, какъ слѣдуетъ, и будто даже окружена нашими войсками, которыя увѣренно уже шли на нее, но, подходя къ опредѣленному мѣсту ея нахожденія, не застали на мѣстѣ ни души, а находили только ясныя доказательства самаго недавняго пребыванія ея тамъ, въ видѣ обрывковъ бумаги, объѣдковъ и остатковъ разной пищи, еще тлѣющихъ костровъ и т. п.; но въ концѣ концовъ и она была частью уничтожена, частью разсѣяна близъ Троцкаго монастыря, недалеко отъ Вильны.

Не помню сейчасъ хорошенько, какой частью войска была еще въ январѣ разбита небольшая, предводительствуемая ксендзомъ Ишорой, банда косиньеровъ, въ которой находилось много виленской молодежи, даже гимназистовъ. Самъ ксендзъ, молодой красивый, статный человѣкъ былъ взятъ въ плѣнъ и приговоренъ военно-полевымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но В. И. Назимовъ измѣнилъ этотъ приговоръ (единственная Назимовская конфирмація), замѣнивъ повѣшеніе разстрѣляніемъ, считающимся болѣе почетной смертной казнью.

Казнь ксендза Ишоры была первой публичной казнью, совершенной въ Вильнѣ на Лупишкахъ,—такъ называлась большая площадь, на которой обыкновенно бывали конные базары и ярмарки. Желая имѣть понятіе, какъ приводятся въ исполненіе подобныя приговоры военно-полевыхъ судовъ, я ходилъ смотрѣть на эту церемонію. Придя на Лупишки въ началѣ десятаго часа утра, а казнь была назначена въ десять, я засталъ площадь уже переполненной народомъ и массой интеллигентной публики, особенно много было дамъ въ траурѣ, но мнѣ удалось все-таки пробраться довольно близко къ мѣсту казни.

Въ исходѣ десятаго часа показалась процессія. Ишора, въ сопровожденіи духовника, шелъ твердой, увѣренной походкой въ карре пѣхоты. Подойдя къ мѣсту казни, онъ гордо оглядѣлъ толпу и, казалось, внимательно и сосредоточенно слушалъ чтеніе приговора аудиторомъ въ присутствіи коменданта, генерала Вяткина. Никакихъ замѣчаній и возраженій онъ не дѣлалъ и всей своей фигурой производилъ глубокое впечатлѣніе. По выслушаніи приговора, онъ твердымъ голосомъ гордо, громко, внятно, чистымъ русскимъ языкомъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Кто изъ

насъ правъ, судить не намъ; насъ разсудить только Тотъ, передъ Которымъ мы всѣ равны! Прошу, какъ милости, не завязывать мнѣ глазъ, чтобы дать мнѣ возможность открыто смотрѣть смерти въ глаза!»...

Признаюсь, не только меня, но рѣшительно всѣхъ, поразили его хладнокровіе и фанатическая вѣра!.. Получивъ разрѣшеніе коменданта, Ишора опять той же смѣлой и твердой походкой подошелъ къ столбу, передъ которымъ была вырыта яма (могила), прислонился къ столбу спиной, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, обхватилъ столбъ сзади руками и сказалъ: «теперь я готовъ!».. Раздался залпъ двѣнадцати винтовокъ, и бездыханное тѣло красавца-ксендза рухнуло въ яму. Ее немедленно, очень быстро засыпали, войска съ барабаннымъ боемъ прошли черезъ нее церемоніальнымъ маршемъ и... все было кончено!

Нѣкоторые говорили: «правосудіе совершилось»... а я? Я, какъ и большинство присутствовавшихъ, былъ до того взволнованъ и потрясенъ всѣмъ видѣннымъ и пережитымъ, нервы были до того возбуждены и взвинчены, что я могъ только плакать и отъ ужаса картины, и отъ умиленія такой вѣрой, и отъ скорби, что погибла такая молодая жизнь, полная силъ и здоровья, которая при иномъ направленіи и иныхъ условіяхъ могла бы быть весьма полезной...

Въ Вильнѣ давно уже ходили слухи о томъ, что государь императоръ, лично очень любившій В. И. Назимова за его безукоризненную честность, прямоту и преданность престолу, все-таки крайне недоволенъ имъ за проявленную въ Сѣверо-Западномъ краѣ слабохарактерность, что скоро на его мѣсто будетъ назначенъ другой,—но кто?.. объ этомъ никто рѣшительно ничего не зналъ.

15-го мая Барыковъ приказалъ мнѣ отправиться съ почтовымъ поѣздомъ на станцію Свенцяны (третью по направленію къ Петербургу), гдѣ принять отъ второго отдѣленія экстренный поѣздъ, который и сопровождать по своему участку на машинѣ.

На вопросъ мой, обращенный въ Свенцянахъ къ сопровождавшимъ этотъ поѣздъ отъ Динабурга помощнику начальника 2-го отдѣленія Низгурицеру и затѣмъ оберъ-кондуктору: «кто ѣдетъ въ этомъ поѣздѣ?»—я получилъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Не знаемъ ничего. Какая-то важная особа ѣдетъ за границу, вѣроятно, потому что расписаніе экстреннаго поѣзда составлено до Прусской границы.

На разсвѣтъ въ ночь съ 15-го на 16-е мая я этотъ экстренный поѣздъ благополучно доставилъ въ Вильну, откуда онъ дальше до Прусской границы не пошелъ. Оказалось, что въ немъ самымъ секретнымъ образомъ мы привезли въ Вильну новаго намѣстника Сѣверо-Западнаго края, графа Михаила Николаевича Муравьева, а въ пять часовъ вечера того же числа въ этомъ же по-

ѣздѣ уѣхалъ изъ Вильны В. И. Назимовъ, и на улицахъ появилась первая прокламація Муравьева, извѣщающая о его пріѣздѣ и приглашающая всѣхъ къ дружному содѣйствію ему въ скорѣйшемъ подавленіи возстанія.

Мнѣ очень жаль, что я не могу передать въ подлинникѣ этой прокламаціи, которая въ числѣ и всѣхъ прочихъ извѣщеній, распоряженій, телеграммъ и проч., собранныхъ мною въ количествѣ болѣе трехъ тысячъ разныхъ экземпляровъ, за управленіе краемъ графомъ Муравьевымъ, была въ 1865 году похищена у меня. А какой бы превосходный матеріалъ они могли дать для исторіи возстанія 1863 года и управленія краемъ графомъ Муравьевымъ.

Какъ громомъ, поразила всѣхъ прикосновенныхъ къ мятежу вѣсть о прібытіи въ Вильну Муравьева.

Прежде всего, конечно, припоминали его крутыя дѣйствія въ бытность гродненскимъ губернаторомъ, гдѣ ему приписывали, при пріемѣ имъ дворянства, изреченіе, что «онъ не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а тотъ, который самъ вѣшается»... и т. д.

Я не историкъ, не изслѣдователь, даже не служившій на коронной службѣ при графѣ Муравьевѣ, я просто частный человѣкъ, бывшій все время польскаго возстанія 1863 года въ самомъ центрѣ смутъ и волненій въ Сѣверо-Западномъ краѣ, бывшій съ ними, съ военными властями и съ самими войсками въ самомъ частомъ и близкомъ соприкосновеніи и отношеніи, благодаря службѣ моей на желѣзной дорогѣ, на которой и вблизи которой сосредоточивались почти всѣ дѣйствія повстанцевъ и громившихъ ихъ войскъ,— поэтому я много видѣлъ, много слышалъ, даже много испыталъ такого, что не фигурировало въ официальныхъ сферахъ и отчетахъ, и, какъ частный человѣкъ, вынесъ, можетъ быть, и своеобразный, но свой собственный взглядъ, какъ на самое возстаніе, такъ и на дѣйствія графа Муравьева во время его.

Съ этимъ-то взглядомъ на событія въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ 1863 и 1864 годахъ мнѣ теперь и хочется подѣлиться съ читателемъ.

Я не берусь судить о томъ, былъ ли Михаилъ Николаевичъ хорошимъ или плохимъ администраторомъ, былъ ли онъ добрымъ или жестокимъ человѣкомъ, но, я знаю, имѣлъ случай не разъ убѣдиться, что онъ былъ человѣкъ ума, энергіи и памяти необыкновенныхъ, строгій и требовательный въ точномъ исполненіи его приказаній и распоряженій, но при этомъ всегда старавшійся быть справедливымъ.

Графъ М. Н. Муравьевъ, посланный государемъ въ Сѣверо-Западный край намѣстникомъ, такъ сказать, вице-императоромъ, самостоятельно дѣйствующимъ во всемъ высочайшимъ именемъ, съ порученіемъ во что бы то ни стало подавить возстаніе, не по-

ступившись ни единой пядью территоріи, не допуская ни въ какомъ случаѣ до отдѣленія Литвы и Польши отъ Россіи,—не могъ дѣйствовать иначе, какъ вѣрноподданный своего государя и своего отечества, и въ этомъ его великая заслуга.

Всѣ слухи и рассказы о сотняхъ, даже тысячахъ будто бы повѣшенныхъ имъ, о его жестокостяхъ и т. д. чистѣйшій вымыселъ. Лично Михайломъ Николаевичемъ было подтверждено и подписано пятнадцать смертныхъ казней, изъ которыхъ десять при мнѣ были совершены въ Вильнѣ: ксендзъ Мицкевичъ былъ повѣшенъ въ Ковнѣ; графъ Плятеръ въ Динабургѣ; бывший начальникъ Гродненской станціи желѣзной дороги Кульчицкій—въ Гроднѣ; одинъ какой-то начальникъ банды—въ Плоцкѣ и другой «довудца»—въ Витебскѣ.

Только благодаря столь энергично принятымъ сразу Муравьевымъ мѣрамъ, ему удалось быстро, въ корни, подавить возстаніе и безспорно, что если бы дальше продолжалось нерѣшительное, слабое, какъ бы робкое управленіе краемъ Назимова, то число жертвъ съ обѣихъ сторонъ было бы значительно больше.

Одно изъ первыхъ распоряженій Муравьева касалось желѣзной дороги—онъ приказалъ уволить немедленно со службы желѣзной дороги всѣхъ поляковъ и на мѣста назначить русскихъ, представивъ ему списокъ уволенныхъ и назначенныхъ на ихъ мѣсто съ обозначеніемъ должностей. Все это должно было быть исполнено въ теченіе пяти дней. Тутъ произошелъ маленькій инцидентъ, доказывающій, какой огромной памятью обладалъ этотъ маститый генералъ, и какъ хорошо у него была организована тайная полиція. На нѣпемъ участкѣ было уволено что-то около сорока служащихъ, списокъ коихъ въ назначенный срокъ и представилъ ему нашъ жандармскій капитанъ Куликовскій. Муравьевъ, пробѣжавъ списокъ глазами, сердито обратился къ Куликовскому:

— Прошу исполнять мои порученія болѣе внимательно и аккуратно; здѣсь нѣтъ Дю-Лорана-де-Буске, на мѣсто котораго назначенъ Ауэрбахъ. Потрудитесь отправиться на гауптвахту на двѣ недѣли.

Можетъ быть, Михайлъ Николаевичъ обратилъ вниманіе на это, благодаря сложной фамиліи Дю-Лорана и тому, что моя фамилія ему была хорошо извѣстна, такъ какъ въ свою бытность директоромъ Константиновскаго межевого корпуса въ Москвѣ онъ былъ друженъ съ моимъ дядей, Иваномъ Богдановичемъ Ауэрбахомъ, читавшимъ въ корпусѣ лекціи по минералогіи,—но во всякомъ случаѣ онъ, очевидно, уже имѣлъ раньше неофициально тѣ свѣдѣнія, которыя ему теперь официально передалъ капитанъ Куликовскій, который лишь только не досмотрѣлъ, что писарь при перепискѣ дѣйствительно пропустилъ насъ.

Дю-Лоранъ-де-Буске сейчасъ же по увольненіи уѣхалъ, къ своему счастью, за границу; говорю, къ своему счастью, потому что

ему не миновать бы висѣлицы или Сибири, такъ какъ очень скоро обнаружилось, что онъ въ Вильнѣ былъ секретаремъ «народоваго ржонда». Онъ занималъ у насъ постъ запаснаго начальника станціи съ жалованьемъ 1.200 рублей въ годъ, и хотя этотъ постъ по жалованью и по должности былъ ниже занимаемаго мною, но С. Л. Барыковъ, въ виду спѣшки дѣла и невозможности такъ быстро замѣнить служащихъ, упросилъ меня временно занять этотъ постъ, оставляя мнѣ мое содержаніе и квартиру, которой запасному начальнику станціи не полагалось. Впрочемъ, очень скоро меня назначили, по требованію Муравьева, завѣдывающимъ передвиженіемъ войскъ по желѣзной дорогѣ, о чемъ я каждую субботу долженъ былъ представлять доклады самому графу Муравьеву, который поэтому и меня зналъ лично.

Въ одну изъ субботъ мнѣ довелось быть очевидцемъ приѣма Муравьевымъ депутаціи виленскаго дворянства, явившейся къ нему съ повинной и увѣреніями вѣрнопоподданническихъ чувствъ. Въ довольно пространной рѣчи подробно объяснивъ имъ всю нелѣпость затѣяннаго восстанія, Муравьевъ закончилъ ее приблизительно слѣдующими словами:

«Очень радъ, господа, что вы, здѣсь находящіеся, частью дѣйствительно не сочувствуете этому глупому броженію, частью образумились и убѣдились теперь во всей его нелѣпости и даже невыгодности. Такъ спѣшите же возвратить изъ бандъ вашихъ сыновей (и при этихъ словахъ онъ пристально уставился своими дѣйствительно страшно пронизательными глазами въ одного старика-помѣщика, у котораго, онъ зналъ, два сына ушли «до лясу» и не вернулись еще) и скажите имъ, что они встрѣтятъ объятія Муравьева и полное прощеніе; если же они не вернуться черезъ десять дней, то они попадутъ въ лапы къ Муравьеву; ну, а кто попалъ въ эти лапы (при этомъ онъ приподнялъ сжатый кулакъ, и, казалось, вотъ сейчасъ между пальцами этого кулака брызнетъ кровь), тотъ изъ нихъ уже не вырвется!.. А пока, прощайте, господа!»...

Муравьевымъ немедленно по приѣздѣ было сдѣлано распоряженіе о вырубкѣ лѣсовъ вдоль полотна желѣзной дороги (кажется, на разстояніи двухсотъ сажень въ каждую сторону), потому что было замѣчено, что въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ особенно часто производилась повстанцами порча желѣзной дороги и телеграфа. Станціи желѣзной дороги охранялись войсками, размѣщенными по одной ротѣ на каждой станціи, а на нѣкоторыхъ болѣе опасныхъ, расположенныхъ въ лѣсахъ станціяхъ и по двѣ роты пѣхоты и по нѣскольку десятковъ казаковъ.

Воинскимъ начальникомъ желѣзной дороги въ нашемъ отдѣленіи былъ свиты его величества генералъ-майоръ, графъ Владимиръ Алексѣевичъ Нобринскій (впослѣдствіи, правда, очень недолго

министръ путей сообщенія), съ которымъ я, завѣдуя передвиженіемъ войскъ по желѣзной дорогѣ, бывалъ въ частыхъ сношеніяхъ и имѣлъ много случаевъ убѣдиться, какой это былъ превосходный по добротѣ, вѣжливости и воспитанности человекъ. Еще молодой, богатый аристократъ, онъ былъ до того простъ и ласковъ въ обращеніи рѣшительно со всѣми, что снискалъ себѣ, конечно, всеобщую любовь и уваженіе. Не могу воздержаться, чтобы не сообщить одного происшествія, случившагося въ моемъ присутствіи.

Разъ какъ-то сопровождалъ я, стоя на паровозѣ, экстренный поѣздъ, состоявшій всего изъ одного багажного тормазнаго вагона и вагона I класса, въ которомъ спѣшно ѣхалъ графъ Бобринскій изъ Вильны въ Гродно. Подъѣзжая къ станціи Олькеники (третья отъ Вильны по направленію къ Варшавѣ), машинистъ-нѣмецъ Шохъ, давъ уже свистокъ къ станціи, высунулся довольно далеко наружу между локомотивомъ и тендеромъ, чтобы посмотреть на нагрѣвавшуюся у насъ среднюю ось у тендера. Вдругъ, я вижу, онъ падаетъ съ паровоза на полотно дороги; я бросился къ рычагу и регулятору, чтобы поскорѣе остановить поѣздъ, который, однако, такъ какъ мы шли очень скоро, входилъ уже на станцію, на платформѣ которой начальникъ станціи стоялъ въ ожиданіи насъ съ телеграммой въ рукахъ о свободномъ пути до слѣдующей станціи Ораны. Остановивъ поѣздъ и, не обращая никакого вниманія на начальника станціи, я побѣжалъ въ вагонъ къ графу Бобринскому, чтобы сказать ему о случившемся. Графъ вскочилъ и вмѣстѣ со мной и начальникомъ станціи направился къ мѣсту паденія машиниста. Не успѣли мы пройти входной стрѣлки, какъ увидали Шоха, идущаго къ намъ навстрѣчу и поддерживающаго лѣвой рукой правую. Подходимъ. О ужасъ! Сквозъ пальто торчатъ кости руки около локтя. Оказалось, что его ударило по головѣ, когда онъ высунулся смотрѣть на ось тендера, штангой круглаго, краснаго входнаго на станцію диска, поставленнаго черезчуръ близко къ рельсамъ. Ошеломленный сильнымъ ударомъ, онъ не удержался, упалъ и попалъ правой рукой подъ колеса вагона.

Терпѣніе и сила воли этого несчастнаго поразили насъ; въ первую минуту мы растерялись и не знали, что дѣлать. Подойдя къ станціи, графъ Бобринскій вспомнилъ, что на слѣдующей станціи Оранѣ, при двухъ ротахъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, расположенныхъ тамъ, былъ докторъ Подобѣдовъ. Это было самое близкое мѣсто, гдѣ можно было подать первую помощь несчастному Шоху. Усадивъ его вмѣстѣ съ графомъ Бобринскимъ въ вагонъ, я сталъ на локомотивъ за машиниста, и черезъ полчаса мы благополучно прибыли въ Ораны. Съ большимъ трудомъ докторъ Подобѣдовъ и фельдшеръ освободили страшно страдавшаго Шоха отъ одежды. Когда наконецъ Подобѣдову удалось промыть раз-

дробленную руку и осмотрѣть ее, онъ сообщилъ графу, что руку непремѣнно нужно, какъ можно скорѣе ампутировать выше локтя, почти у самаго плеча—иначе онъ боится гангрены.

Когда хотѣли хлѣбформировать Шоха, онъ на отрѣзъ отказался и сказалъ хладнокровно:

— Ich will doch sehen, wie man einem Menschen die Hand absegt (хочу видѣть, какъ человѣку пилятъ руку).

Очень ловко, быстро и мастерски Подобѣдовъ сдѣлалъ операцию, а Шохъ смотрѣлъ, какъ ему отпиливали руку, не издавъ ни единого крика, даже стопа, а только иногда сильно стискивая зубы. Когда наконецъ его уложили въ постель, графъ Бобринскій подошелъ къ нему, старался утѣшить его и, незамѣтно для всѣхъ, досталъ свой бумажникъ и сунулъ его подъ подушку Шоха. Впослѣдствіи оказалось, что въ немъ было около 2.000 рублей; таковъ былъ порывъ этого добрейшаго и милѣйшаго человѣка, которому стало жаль пострадавшаго простого работника, и онъ не задумался отдать ему все, что только было при немъ.

Въ Оранахъ, гдѣ было небольшое депо, мы перемѣнили машину и поѣхали дальше въ Гродно, а когда на другой день возвращались въ Вильну, то съ удовольствіемъ узнали отъ доктора Подобѣдова, что Шохъ внѣ опасности; но графъ не пошелъ провѣдать его, боясь, что онъ будетъ благодарить за деньги, о которыхъ я тогда же и узналъ отъ Шоха.

Какъ-то пришлось мнѣ ночью отправиться изъ Вильны съ экстреннымъ порожнимъ поѣздомъ до станціи Жосли (третья отъ Вильны по направленію къ прусской границѣ), гдѣ я долженъ былъ погрузить сотню казаковъ, которую и доставить, какъ можно скорѣе и какъ можно секретнѣе, на станцію Рудзишки (вторая по направленію къ Варшавѣ), близъ которой опять будто бы появилась легучая шайка Вислоуха. Прибылъ я на станцію Жосли въ половинѣ двѣнадцатаго ночи. Казаки уже были тамъ, но сотникъ Грековъ вдругъ заявилъ мнѣ, что онъ ранѣе утра грузить лошадей въ вагоны не будетъ. Когда я ему предъявилъ имѣвшееся предписаніе доставить его съ сотней въ Рудзишки до разсвѣта, сказавъ при этомъ, что я знаю о такомъ же предписаніи и ему, онъ наконецъ согласился, и черезъ часъ лошади и люди были уже въ вагонахъ. Безостановочно приѣзжаемъ на станцію Ландварово, откуда до станціи Рудзишки всего, сколько помнится, было 18 верстъ; но въ Ландваровѣ пришлось задержаться въ ожиданіи варшавскаго почтоваго поѣзда, который былъ уже выпущенъ изъ Рудзиекъ. На станціи Ландваровѣ былъ буфетъ, куда я пошелъ, чтобы выпить кофе, такъ отлично подкрѣпляющаго во время ночной работы. Въ буфетѣ я засталъ сотника Грекова, уже воздававшего порядочную честь Бахусу; онъ началъ привязываться ко мнѣ, желая сорвать зло, что я заставилъ его ночью грузиться въ вагоны.

— Что же мы стоимъ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Дожидаемся варшавскаго почтоваго поѣзда, который уже вышелъ изъ Рудзисекъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, такъ что же? Онъ самъ по себѣ, а мы сами по себѣ. Вѣдь намъ, по вашему же увѣренію, необходимо быть на мѣстѣ до разсвѣта, а теперь скоро уже три часа.

— До разсвѣта еще далеко, а намъ ходу не болѣе получаса.

— А я приказываю вамъ везти насъ сейчасъ же, не дожидаясь варшавскаго поѣзда,—начинаетъ кричать Грековъ.

— Во-первыхъ, потрудитесь не кричать,—перебилъ я его;—во-вторыхъ, потрудитесь прочитать—вонъ виситъ на стѣнѣ — циркуляръ графа Муравьева, предписывающій всѣмъ военнымъ чинамъ, отъ рядового до генерала включительно, во время движенія по желѣзной дорогѣ подчиняться безпрекословно распоряженіямъ нашимъ, то-есть служащихъ на желѣзной дорогѣ, и вы убѣдитесь, что вы приказывать мнѣ здѣсь не имѣете права; въ-третьихъ, здѣсь движеніе поѣздовъ по одному пути, слѣдовательно и фактически нѣтъ возможности отправиться, пока не придетъ встрѣчный поѣздъ.

— Это все глупости!—закричалъ опять Грековъ.—Экстренный поѣздъ съ войскомъ важнѣе почтоваго; прикажите посвистать, и онъ долженъ своротить. (Вотъ до чего тогда были, къ несчастію, малограмотны и необразованы многіе армейскіе офицеры! — они даже не имѣли понятія объ устройствѣ желѣзной дороги).

— Вы сами принадлежите къ повстанію! — продолжалъ бѣсноваться Грековъ.—Хотите просто успѣть дать знать Вислоуху, что мы ѣдемъ! Вотъ я сейчасъ раздѣляюсь съ вами по-военному.

Почти съ пѣной у рта, онъ позвалъ нѣсколько казаковъ и приказалъ имъ связать меня; я едва успѣлъ послать лакея разбудить капитана Андріевскаго, командира расположенной на самой станціи роты лейбъ-гвардіи Московскаго полка, хорошо знавшаго меня и считавшагося комендантомъ станціи.

Казаки уже скрутили мнѣ веревкой руки назадъ, когда вошелъ Андріевскій. Онъ приказалъ немедленно развязать меня, а Грекова увелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ, вѣроятно, и задалъ ему головомоику, потому что черезъ нѣсколько минутъ онъ опять пришелъ въ буфетъ и попросилъ меня зайти къ нему, такъ какъ Грековъ желаетъ извиниться передо мной.

Я объяснилъ Андріевскому, что никакихъ извиненій съ глазу на глазъ я отъ Грекова не приму, а въ субботу доложу обо всемъ Муравьеву, который сумѣетъ взыскать съ него, какъ слѣдуетъ, за нанесенное мнѣ оскорбленіе.

— Да вѣдь вы, голубчикъ, погубите человѣка,—сталъ упрашивать меня Андріевскій.—Простите ему—онъ пьянъ.

— Не пей, коли дуракъ!—настаивалъ я.—Впрочемъ, не желаю губить его: пусть сейчасъ же выйдетъ на платформу, подаветъ

нѣсколькихъ казаковъ и въ присутствіи ихъ и вашемъ извинится передо мной,—тогда, пожалуй, чортъ съ нимъ!

Такъ и сдѣлали—на платформу вышли Андріевскій и Грековъ, подозвали человѣкъ десять казаковъ, гулявшихъ по платформѣ, которые тотчасъ же окружили насъ, и Грековъ извинился публично при своихъ подчиненныхъ. Такимъ образомъ престижъ уваженія къ служащимъ желѣзной дороги былъ сохраненъ.

Въ это время подошелъ почтовый поѣздъ; я приказалъ дать звонокъ, всѣ быстро размѣстились по вагонамъ, и мы тронулись. Около четырехъ часовъ, когда было еще темно, мы благополучно и своевременно приѣхали въ Рудзиски.

На этотъ разъ, однако, Грекову все-таки не удалось захватить Вислоуха—онъ опять вывернулся, какъ вьюнъ.

Лучшимъ доказательствомъ строгой справедливости графа Муравьева могутъ служить слѣдующіе два эпизода, случившіеся одинъ—со мной, а другой—съ казакомъ, генераломъ Баклановымъ.

Въ одно прекрасное утро, около десяти часовъ, является ко мнѣ жандармскій унтеръ-офицеръ и говоритъ:

— Жандармскій полковникъ Житковъ прислалъ за вами и проситъ ваше благородіе немедленно пожаловать къ нему.

Одѣвшись во фракъ, я въ одиннадцать часовъ былъ уже у Житкова. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, по обыкновенію, крайне любезно, попросилъ садиться и сказалъ:

— А я вотъ получилъ бумажку изъ Третьяго Отдѣленія, изъ Петербурга. Она касается васъ. Потрудитесь прочесть.

Беру поданную имъ мнѣ бумагу и читаю предписаніе о высылкѣ меня въ двадцать четыре часа съ жандармами въ Вятку.

Прочитавъ бумагу и подавая ее обратно полковнику, я засмѣялся.

— Вамъ кажется это смѣшнымъ?—удивился полковникъ.

— Да,—отвѣчалъ я.—Никакой вины, могущей вызвать противъ меня такую мѣру, за мной нѣтъ. Интересно было бы узнать, за что это.

— Входить въ какія либо объясненія распоряженій Третьяго Отдѣленія я не имѣю права. Я долженъ былъ бы просто послать жандармовъ забрать васъ; но, зная васъ лично и что вы семейный человѣкъ, я пригласилъ васъ къ себѣ, чтобы обязать васъ честнымъ словомъ никуда не скрыться. Если вы желаете дать мнѣ это слово, то я могу тогда дать вамъ возможность приготовиться къ отъѣзду съ пассажирскимъ поѣздомъ завтра въ 2 часа дня.

— Слово это я съ удовольствіемъ даю вамъ, полковникъ,—сказалъ я.—Завтра къ двумъ часамъ я буду на вокзалѣ совершенно готовымъ къ отъѣзду, но могу васъ увѣрить, что вы никуда меня не повезете, и что я никуда не уѣду.

— Это какимъ образомъ?—удивился Житковъ.

— Вы не объясните мнѣ, за что я вдругъ подвергаюсь подобной карѣ,—продолжалъ я,—такъ позвольте уже и мнѣ не объяснять вамъ, какъ я думаю это устроить.

Очень любезно, съ пожатіями рукъ и даже съ пожеланіями всего мнѣ хорошаго, полковникъ раскланялся со мной, а я прямо отъ него отправился во дворецъ, велѣлъ экстренно доложить о себѣ М. Н. Муравьеву, который тотчасъ же принялъ меня въ кабинетѣ, очень серьезно и внимательно выслушалъ и позвонилъ. Вошелъ дежурный ординарецъ.

— Попросить ко мнѣ сейчасъ же жандармскаго полковника Житкова,—приказалъ онъ.—А вы пока,—обратился онъ ко мнѣ,—присядьте вонъ тамъ на диванѣ, почитайте лежащія тамъ газеты, если хотите, а я буду заниматься,—и при этомъ онъ углубился въ лежавшую передъ нимъ кипу бумагъ.

Черезъ какихъ нибудь полчаса ординарецъ доложилъ о приѣздѣ полковника Житкова.

— Просите сюда,—бросилъ какъ бы вскользь Муравьевъ, а самъ продолжалъ заниматься дѣлами.

Вся фигура Житкова выразила крайнее удивленіе, когда онъ, войдя въ кабинетъ Муравьева, увидѣлъ меня сидящимъ на диванѣ съ газетой въ рукахъ.

Муравьевъ, поднявъ, какъ бы нехотя, свои строгіе глаза, не подавая руки Житкову, обратился къ нему:

— Какъ вы смѣете, полковникъ, безъ моего вѣдома высылать кого либо изъ вѣреннаго мнѣ края? Тѣмъ болѣе человѣка, который по моему желанію завѣдываетъ на желѣзной дорогѣ перевозкой войскъ?

— Да это по распоряженію Третьяго Отдѣленія, ваше сіятельство,—смутился Житковъ.

— Мнѣ до вашего Третьяго Отдѣленія дѣла нѣтъ,—продолжалъ Муравьевъ.—Вѣдайтесь вы съ нимъ и раздѣлывайтесь за неисполненіе его предписанія, какъ вы знаете и какъ вамъ угодно, но г. Ауэрбаха у меня трогать не смѣйте. На первый разъ я ограничиваюсь только выговоромъ, а если повторится что нибудь подобное, то я очень строго взыщу съ васъ.

— А вы,—обратился Муравьевъ ко мнѣ,—спокойно дѣлайте ваше дѣло и знайте, что вы всегда найдете во мнѣ защитника.

Такъ жандармскому полковнику Житкову и не удалось отправить меня въ Вятку съ жандармами.

За что же, однако, хотѣли выслать меня?

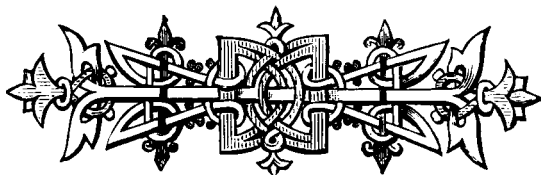
По наведеннымъ мною чрезъ нашего милѣйшаго жандармскаго капитана Куликовскаго справкамъ, вся моя огромная вина заключалась въ томъ, что жандармскій офицеръ, поручикъ Алексѣевъ, которому было поручено только осматривать багажъ (одна изъ мѣръ во время польскаго мятежа для предупрежденія тайнаго про-

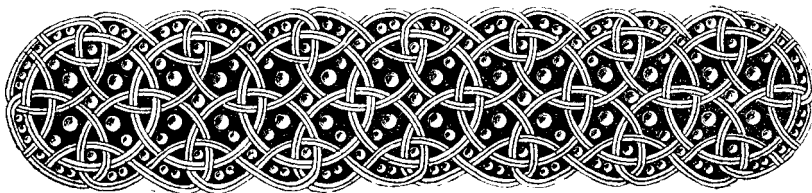
воза оружія), вздумалъ вмѣшиваться въ службу желѣзной дороги. Когда я ему замѣтилъ, что онъ на это не имѣетъ никакого права и лѣзетъ туда, куда ему не слѣдуетъ, то онъ, возвысивъ голосъ, позволилъ себѣ застрачивать меня, что онъ имѣетъ право, по единоличному своему желанію, произвести обыскъ и у меня. На это я ему отвѣтилъ, что пускай онъ попробуетъ, и тогда увидитъ, какъ я вытолкаю его вонъ.

Онъ отпрапортовалъ полковнику Житкову, будто я хочу его бить; тотъ, ничего не провѣривъ, донесъ объ этомъ Третьему Отдѣленію, которое и предписало выслать меня.

А. Ауэрбахъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. АУЭРБАХА¹⁾.

VI.

Генералъ Я. П. Баклановъ. — Казни въ Вильнѣ: Колышки, Сѣраковского и Ковалевскаго. — Намѣстникъ царства Польскаго, великій князь Константинъ Николаевичъ. — Императоръ Александръ II. — Переѣздъ мой въ Кострому и затѣмъ въ Москву. — Н. Г. Рубинштейнъ. — Московское императорское общество охотниковъ конскаго бѣга. — Братъ Александръ и французское анонимное общество «Société minière et industrielle». — Поѣздка въ Парижъ. — Славянофилы и движеніе во время сербо-турецкой войны.

ИЦИДЕНТЪ Муравьева съ генераломъ Баклановымъ заключался въ слѣдующемъ.

Яковъ Петровичъ Баклановъ, кавказскій герой, любимецъ императоровъ Николая Павловича и Александра Николаевича, былъ по личному соизволенію государя командированъ въ распоряженіе М. Н. Муравьева, которому это, вѣроятно, не понравилось, и онъ поэтому не давалъ Бакланову никакихъ порученій и никакого назначенія.

Цѣлые мѣсяцы Баклановъ, энергичный, здоровый и бодрый старикъ (ему было тогда около 70-ти лѣтъ), проживалъ въ Вильнѣ, ничего не дѣлая, чѣмъ страшно тяготился. Каждый день онъ по нѣскольку часовъ ѣздилъ верхомъ на своей чудной бѣлой лошади.

Совершенно случайно онъ познакомился со мной, очень полюбилъ меня, и вотъ неожиданно завязалась оригинальная и трогательная дружба.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CI, стр. 672.

тельная дружба между 70-ти-лѣтнимъ старикомъ и 24-хъ-лѣтнимъ юношей. Я часто бывалъ у него на Замковой улицѣ, онъ мнѣ рассказывалъ много интереснаго про свою боевую жизнь; рассказы его почти всегда кончались тѣмъ, что онъ приказывалъ сѣдлать лошадей, и мы верхомъ отправлялись кататься, объѣзжая послѣдовательно всѣ окрестности Вильны, изъ которыхъ многія очень красивы и живописны.

Очень некрасивый собой, съ огромной бородавкой на щекѣ, покрытой длинными, густыми волосами, высокаго роста, хорошо сложенный, Яковъ Петровичъ былъ человѣкъ очень умный, хотя и не получившій образованія, происходилъ изъ простыхъ казаковъ и отличался необыкновенной добротой, простотой и поразительной скромностью. Онъ имѣлъ массу орденовъ и знаковъ отличія, но на его казакинѣ виднѣлся только одинъ Георгій.

Сидимъ разъ мы съ нимъ за самоваромъ и бесѣдуемъ. Онъ былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа. Уже приказано было сѣдлать лошадей, чтобы ѣхать въ Вѣрки, имѣніе князя Витгенштейна, какъ вдругъ является ординарецъ отъ Муравьева и проситъ Бакланова немедленно явиться къ намѣстнику. Нечего дѣлать, пришлось отложить нашу поѣздку, но Баклановъ просилъ меня остаться у него и дожидаться его возвращенія.

Черезъ часъ онъ вернулся серьезный и, казалось, сердитый; быстро сталъ переодѣваться, и мы все-таки поѣхали въ Вѣрки.

Дорогой онъ сначала молчалъ и ѣхалъ насупившись, казалось, соображая и обдумывая что-то; видимо, у Муравьева произошло для него нѣчто непріятное, но такъ какъ онъ не высказывался, то и я не хотѣлъ надоедать ему разспросами.

Такъ доѣхали мы почти до самыхъ Вѣрокъ. Вдругъ Баклановъ повеселѣлъ и обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Вотъ, Андрияша, — онъ всегда звалъ меня этимъ ласкательнымъ именемъ: — достигъ я до восьмого десятка, а все нѣтъ-нѣтъ, да и возьметъ меня какой-то мальчишескій задоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то малодушіе!..

— Да въ чемъ дѣло, Яковъ Петровичъ, я вѣдь ничего не знаю?

— Муравьевъ назначилъ меня губернаторомъ въ Августовскую губернію, только-что отдѣленную отъ царства Польскаго и присоединенную къ Сѣверо-Западному краю.

— Ну, и слава Богу, у васъ будетъ дѣятельность, въ которой вы можете принести много пользы, — перебилъ я его.

— А я было отказался, — сказалъ Баклановъ. — Меня вдругъ взяли и мальчишескій задоръ, и малодушіе.

— Да расскажите, какъ было дѣло, — присталъ я къ Бакланову, и онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее.

— Вхожу. Муравьевъ говоритъ мнѣ: «Я васъ назначаю губернаторомъ въ Сувалки, — такъ назывался губернский городъ Авгу-

стовской губерніи,—потрудитесь поскорѣе собираться, и не поздне, какъ послѣзавтра, получить отъ меня инструкціи и наставленія, какъ вамъ дѣйствовать тамъ и что необходимо тамъ сдѣлать». Вотъ и взялъ меня сначала задоръ: какъ это я вдругъ буду дѣйствовать по чужимъ инструкціямъ? Да тутъ же мелькнула и малодушная мысль: какъ это я вдругъ разстанусь съ тобой? Не долго думая, я отвѣтилъ Муравьеву, что отказываюсь ѣхать въ Сувалки. Тотъ насупился и говоритъ: «Это почему?»—«Потому, графъ, отвѣчаю я, что дѣйствовать по чужимъ инструкціямъ я не привыкъ и не умѣю, только на мѣстѣ само дѣло укажетъ, что и какъ. И я могъ бы согласиться ѣхать губернаторомъ только на тѣхъ же неограниченныхъ правахъ, какими вы пользуетесь отъ государя императора». Муравьевъ, видимо озадаченный, задумался, и такъ нахмурился, что даже мнѣ, всякіе виды выдавшему, какъ будто страшно стало. Но тутъ Муравьевъ, видимо переломивъ себя, протягиваетъ мнѣ руку и говоритъ: «Хорошо, генералъ, я согласенъ. Поѣзжайте, и завтра же получите назначеніе и деньги».

— Молодецъ Муравьевъ! — перебилъ я Бакланова. — Понялъ, значитъ, что нашла коса на камень.

— А вѣдь все-таки камень-то крѣпче! — засмѣялся Баклановъ. — Пожалуй, коса-то все-таки разлетится, коли очень сильно ударитъ по камню.

Во все остальное время прогулки Баклановъ былъ очень веселъ, много шутилъ и уговорилъ меня попросить Барыкова, чтобы онъ отпустилъ меня проводить его въ Сувалки. Мнѣ не пришлось особенно просить объ этомъ Барыкова, такъ какъ черезъ два дня Баклановъ отправился къ мѣсту своего новаго назначенія въ экстренномъ поѣздѣ до станціи Вилковишки (отъ которыхъ Сувалки, сколько мнѣ помнится, не болѣе, какъ въ 20-ти верстахъ), и мнѣ было поручено сопровождать этотъ поѣздъ. Такъ какъ со станціи Вилковишки, куда я привезъ Бакланова около 7-ми часовъ утра, поѣздъ этотъ порожнимъ долженъ былъ дойти еще одинъ перегонъ въ 16 верстъ до станціи Вержболово, на прусской границѣ, гдѣ онъ на другой день долженъ былъ принять какую-то важную особу (уже не помню, кого), ѣдущую изъ-за границы, то я имѣлъ достаточно времени, чтобы проводить Бакланова до самыхъ Сувалокъ, откуда меня доставили къ вечеру прямо въ Вержболово на лошадахъ. Поэтому я имѣлъ возможность и удовольствіе присутствовать въ Сувалкахъ при первыхъ распоряженіяхъ Бакланова.

Онъ посадилъ меня съ собой въ коляску, которая выѣхала за нимъ изъ Сувалокъ на станцію Вилковишки, и въ сопровожденіи какого-то полковника, воинскаго начальника, и исправника, встрѣтившихъ его на станціи, мы на четверкѣ прекрасныхъ лошадей быстро домчались до Сувалокъ.

Баклановъ приказалъ исправнику везти себя прямо въ острогъ. Этого, конечно, никто не ожидалъ.

Острогъ содержался въ ужасномъ видѣ. На высказываемое Баклановымъ при осмотрѣ каждой камеры страшное неудовольствіе по этому поводу исправникъ вздумалъ замѣтить, что здѣсь содержатся преимущественно политическіе преступники.

— А что же они, по-вашему, не люди, что ли? — закричалъ Баклановъ и велѣлъ везти себя въ отхожія мѣста, въ которыхъ была просто адская вонь и нечистота.

Тутъ Баклановъ ужъ окончательно вышелъ изъ себя и сказалъ исправнику:

— Чтобы здѣсь завтра было такъ же чисто, какъ у васъ въ кабинетѣ. Не забывайте, что политическіе такіе же люди, какъ и мы съ вами, что они заблуждающіеся, но вѣдь въ заблужденіяхъ и мы бываемъ грѣшны, а ваше заблужденіе уже доказано вашимъ негуманнымъ и несправедливымъ взглядомъ на этихъ несчастныхъ.

И провелъ очень пріятный затѣмъ день у Бакланова, а вечеромъ уже былъ въ Вержболовѣ, откуда на другой день съ экстреннымъ поѣздомъ воротился въ Вильну.

Съ отъѣздомъ Бакланова въ Сувалки я совершенно потерялъ его изъ виду и никогда съ нимъ больше не встрѣчался, но слышалъ, что его очень любили въ губерніи, да и Муравьевъ былъ очень доволенъ его дѣятельностью.

Муравьевъ былъ крайне недоволенъ черезчуръ гуманнымъ и даже либеральнымъ намѣстникомъ царства Польскаго, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, который будто бы парализовалъ его рѣшительныя дѣйствія по усмиренію Сѣверо-Западнаго края. Ходили слухи, будто онъ даже настаивалъ у государя объ отозваніи великаго князя изъ Варшавы. Фактъ, однако, тотъ, что когда великій князь, вызванный въ Петербургъ, проѣзжалъ черезъ Вильну, то Муравьевъ не выѣхалъ на вокзалъ повидаться съ нимъ, а послалъ коменданта Вяткина. Когда экстренный поѣздъ подошелъ къ станціи, и великій князь, выйдя изъ вагона, видимо искалъ глазами Муравьева, къ нему приблизился Вяткинъ, который и подалъ ему рапортъ. На вопросъ великаго князя: «а гдѣ же Михаилъ Николаевичъ?» Вяткинъ при всѣхъ во всеуслышаніе произнесъ: «Михаилъ Николаевичъ приказалъ доложить вашему императорскому высочеству, что онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ и поэтому пріѣхать на вокзалъ никакъ не можетъ, а что если вашему высочеству угодно его видѣть, то онъ проситъ осчастливить его посѣщеніемъ вашего императорскаго высочества».

Великій князь, разумѣется, былъ очень недоволенъ этимъ. Когда чрезъ нѣсколько дней состоялось высочайшее повелѣніе объ отозваніи изъ Варшавы великаго князя Константина Николаевича

и о назначеніи на его мѣсто намѣстникомъ царства Польскаго графа Берга, и когда онъ проѣзжалъ въ Варшаву за семействомъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, по крайней мѣрѣ, за полчаса до прихода великокняжескаго поѣзда пріѣхалъ на вокзалъ. На вопросы приближенныхъ, какъ онъ рѣшился при его слабомъ здоровьѣ въ такую дурную погоду выѣхать на вокзалъ, онъ сказалъ: «Помилуйте, нельзя, теперь ѣдетъ великій князь, родной братъ моего государя!» и при этомъ онъ довольно язвительно улынулся.

Великій князь, однако, не забылъ, что Муравьевъ не выѣхалъ къ нему на вокзалъ, когда онъ проѣзжалъ въ Петербургъ въ качествѣ намѣстника царства Польскаго, и въ этотъ проѣздъ жестоко отомстилъ ему за то.

Поѣздъ долженъ былъ притти въ Вильну около 11 часовъ. По росписанію здѣсь былъ назначенъ вечерній чай, который и былъ приготовленъ въ императорскихъ комнатахъ, для чего остановка была назначена въ 35 или 40 минутъ.

Когда поѣздъ подъѣхалъ, мы всѣ видѣли великаго князя стоящимъ у окна, очень привѣтливо раскланивающагося, но когда онъ поровнялся при остановкѣ съ Муравьевымъ и увидѣлъ его, тотчасъ же отошелъ отъ окна и изъ вагона не вышелъ. Подождавъ нѣсколько минутъ, Муравьевъ просилъ доложить великому князю, что онъ желалъ бы быть принятымъ, но адъютантъ, выйдя изъ вагона, сообщилъ ему, что великій князь почиваетъ и никого принимать не желаетъ. У Муравьева было, однако, настолько твердости и такта, что онъ, проглотивъ эту пилюлю, не уѣхалъ тотчасъ же, оставался и ходилъ по платформѣ, пока поѣздъ не ушелъ.

Въ Вильнѣ я смотрѣлъ еще на три казни; меня интересовало: будутъ ли и другіе итти на казнь такъ же твердо и съ такой же вѣрой въ свою правоту, какъ ксендзъ Ишора? Это были Колышко, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Сѣраковскій и мой товарищъ по университету Ковалевскій.

Первый шелъ все-таки молодцомъ, только физіономія у него была до того дерзка и нахальна, что онъ совсѣмъ не произвелъ того впечатлѣнія, на которое видимо билъ и рассчитывалъ, такъ что даже непозволительный и возмутительный инцидентъ,—онъ оборвался и былъ уже руками, лежащій на помостѣ, додушенъ палачемъ,—многихъ не привелъ въ ужасъ, а нѣкоторые даже кричали: «такъ ему и надо за тѣ жестокости, которыя онъ дѣлалъ!». Колышко дѣйствительно отличался необыкновеннымъ звѣрствомъ съ русскими, попадавшими ему въ руки; не говоря уже про то, что онъ всѣхъ вѣшалъ, но онъ даже приказалъ въ одномъ мѣстѣ выпотрошить женщину на послѣднихъ дняхъ беременности и доуженствовавшего родиться ребенка повѣсить рядомъ съ ней.

Бывшій офицеръ нашего главнаго штаба Сѣраковскій умиралъ ниже всякой критики. Онъ до того сробѣлъ, что итти не могъ, и

его везли на извозчикъ; когда его привезли на Лупишки, и онъ увидѣлъ эшафотъ,—съ нимъ сдѣлалась холера, а когда ему читали приговоръ,—онъ все время ругался самыми площадными словами; когда же онъ услышалъ резолюцію Муравьева на приговорѣ суда: «Это—не офицеръ, а измѣнникъ; собакъ—собачья и смерть; не разстрѣлять, а повѣсить!»,—то онъ съ неистовымъ крикомъ и плачемъ разразился такими ругательствами, что комендантъ Вяткинъ приказалъ ударить въ барабаны.

Товарищъ мой по университету, Ковалевскій, очень симпатичный молодой человекъ, пріятной, но вовсе не мужественной наружности, шелъ, однако, на казнь твердой походкой, но имѣлъ видъ растерянный. Пока ему читали приговоръ, онъ все время дѣлалъ ни къ чему не ведущія возраженія, все надѣясь, вѣроятно, что они могутъ спасти его.

Пошелъ я было еще смотрѣть, какъ должны были казнить юношу лѣтъ 16—17, нѣкоего Липскаго, но въ послѣднюю минуту, когда приговоръ ему былъ уже прочитанъ, и даже была надѣта рубашка съ капюшономъ, закрывающимъ лицо казнимаго, онъ былъ помилованъ Муравьевымъ. Помилованіе, привезенное, слава Богу, еще во-время ординарцемъ Муравьева, гласило слѣдующее: «Принимая во вниманіе молодость и просьбы престарѣлой матери, замѣнить Липскому смертную казнь ссылкой въ Сибирь». Когда съ него сняли рубашку, онъ опять увидѣлъ свѣтъ Божій, и ему прочитали помилованіе, этотъ красивый и стройный юноша, казалось, ничего не понималъ; видъ у него былъ совершенно растерянный и удивленный.

За графа Плятера (кажется, витебскаго предводителя дворянства), принимавшаго дѣятельное участіе въ мятежѣ, пойманнаго и содержавшагося въ Динабургской крѣпости, сильно хлопотали его богатые аристократическіе родственники въ Петербургѣ, чтобы освободить его отъ предстоящей ему смертной казни. Черезъ тогдашняго петербургскаго генералъ-губернатора, свѣтлѣйшаго князя Суворова-Италійскаго, родственникамъ графа Плятера удалось довести свое ходатайство до государя императора Александра Николаевича, который телеграфировалъ Муравьеву помиловать Плятера. На эту просьбу государя Муравьевъ въ тотъ же день телеграфировалъ государю: «Плятеръ повѣшенъ».

Такимъ образомъ даже ходатайство самого государя не спасло Плятера отъ смертной казни.

Во время службы моей на желѣзной дорогѣ я имѣлъ случай неоднократно убѣдиться въ томъ, что результаты всевозможныхъ несчастныхъ приключеній на желѣзныхъ дорогахъ, при совершенно одинаковыхъ, казалось бы, условіяхъ, бываютъ совершенно различные и зависятъ отъ случайностей, которыхъ предвидѣть и предотвратить невозможно. Поломки осей, выходы изъ рельсъ и т. п.

иногда сходятъ благополучно, а другой разъ крайне несчастливо. Казалось бы, что можетъ быть ужаснѣе полетѣть съ локомотивомъ подъ пятнадцатисаженную насыпь, при ходѣ 60 верстъ въ часъ?! Однако мнѣ пришлось продѣлать такую штуку и сравнительно весьма благополучно: когда мы очутились внизу, подъ насыпью, и локомотивъ, сломавъ трубу, оказался лежащимъ кверху колесами, — мы съ машинистомъ остались невредимы; только машинисту Тишгейзеру присыпало ноги каменнымъ углемъ, почему онъ довольно долго не могъ освободить ихъ, а я только ушибъ себѣ слегка грудь; несчастный же кочегаръ, отъ страха соскочившій, когда мы были еще на насыпи, сломалъ себѣ обѣ ноги.

Или, напимѣръ, поломка оси?!... Разъ какъ-то, когда я возвращался съ порожнимъ экстреннымъ поѣздомъ, отвезя куда-то войско, на станцію Рудришки (вторая отъ Вильны), ротный командиръ просилъ меня довести до Вильны трехъ кашеваровъ роты, отправляемыхъ за провизіей. Сѣли они въ задній вагонъ, въ которомъ, къ несчастью, на первомъ же перегонѣ до Ландварова сломалась ось, и они всѣ трое были не только искалѣчены, но убиты на смерть, несмотря на то, что они сидѣли, казалось, въ самомъ безопасномъ, заднемъ вагонѣ, и что поѣздъ шелъ всего со скоростью лишь 30 верстъ въ часъ.

Другой тоже поразительный случай былъ, когда я сопровождалъ на паровозѣ экстренный царскій поѣздъ (государь возвращался изъ-за границы), шедшій со скоростью слишкомъ 50 верстъ въ часъ. Не доѣзжая четырехъ верстъ до станціи Калкуны, сломалась ось въ переднемъ багажномъ вагонѣ и настолько счастливо, что никто этого не замѣтилъ, и мы такъ, безъ одной оси въ багажномъ вагонѣ, подлетѣли къ станціи Калкуны, гдѣ уже начальникъ станціи съ ужасомъ замѣтилъ это.

На станціи Калкуны, которая всего только въ 7-ми верстахъ отъ Динабурга, гдѣ назначенъ былъ обѣдъ, остановка предполагалась не болѣе $\frac{1}{2}$ —1 минуты, только для приѣма путевой телеграммы, но, благодаря необходимости сдѣлать маневры, чтобы выкинуть поврежденный вагонъ, пришлось простоять нѣсколько дольше. Говорили, что всѣ въ поѣздѣ, въ томъ томъ числѣ и государь, отдыхали передъ предстоящимъ въ Динабургъ обѣдомъ, никто изъ вагоновъ не выходилъ, и никто не зналъ о случившемся. Но, оказалось, государь не почивалъ и, посмотрѣвъ въ открытое окошко своего вагона-спальни, спросилъ, почему мы стоимъ. Когда я объяснилъ государю, что въ багажномъ вагонѣ случилось поврежденіе, и что поэтому его надо выкинуть, государь, никѣмъ не сопровождаемый (потомъ оказалось, что дѣйствительно всѣ власть имущіе спали), вышелъ изъ вагона и подошелъ къ стоявшей фронтомъ на платформѣ ротѣ солдатъ; чтобы не тревожить сопровождавшихъ его, государь не поздоровался съ ротой,

а сталъ очень привѣтливо и ласково разспрашивать двухъ георгіевскихъ кавалеровъ, когда и за что они получили кресты. Когда я доложилъ государю, что все готово, онъ немедленно же ушелъ въ свой вагонъ и, стоя у открытаго окошка, громко попрощался съ ротой, когда поѣздъ уже началъ двигаться.

— Счастливо оставаться, ваше императорское величество! — заревѣла рота.

Крикъ этотъ надѣлалъ переполохъ, и изъ многихъ оконъ стали высовываться недоумѣвающія лица сопровождавшихъ государя, а государь, какъ мнѣ потомъ рассказывали, въ Динабургѣ потѣшался, какъ вся свита чуть было не проспала своего государя.

Много разъ приходилось мнѣ сопровождать экстренные поѣзда съ государемъ Александромъ Николаевичемъ и всегда только удивляться его необычайной добротѣ, простотѣ и ласковости.

Такъ, однажды, при поѣздкѣ государя за границу, прибывъ въ Эйдукуненъ, пограничную прусскую станцію, гдѣ государь пересаживался изъ своего поѣзда въ таковой же экстренный прусскаго короля, мнѣ довелось видѣть слѣдующій случай: когда государь вышелъ на платформу, чтобы садиться въ поданный уже прусскій поѣздъ, онъ увидѣлъ, какъ въ концѣ платформы прусскіе жандармы не пропускали какую-то женщину съ бумагой въ рукахъ, видимо стремившуюся къ нему. Онъ приказалъ немедленно допустить ее до него. Женщина бросилась передъ нимъ на колѣни, но государь тотчасъ же собственноручно поднялъ ее и сказалъ: «Я здѣсь въ гостяхъ и распоряжаться ничѣмъ не могу, но даю вамъ слово, что въ Берлинѣ буду просить за васъ моего брата и друга, вашего короля, Вильгельма». При этомъ онъ передалъ ей прошеніе одному изъ своихъ приближенныхъ.

Впослѣдствіи мы узнали, что эта женщина жаловалась нашему государю на притѣсненія, чинимыя ей эйдукуненскими властями, что государь не забылъ своего обѣщанія ходатайствовать за нее у короля Вильгельма, и что она получила полное, желательное ею, удовлетвореніе по ея прошенію, поданному нашему государю.

Послѣ графа М. Н. Муравьева, такъ быстро съ корнемъ подавившаго нелѣпый мятежъ 1863 года, намѣстникомъ Сѣверо-Западнаго края былъ назначенъ Константинъ Петровичъ Кауфманъ, о дѣятельности котораго говорить подробно я не берусь, такъ какъ вскорѣ по его пріѣздѣ я покинулъ Вильну и переселился въ Кострому, куда меня пригласилъ на службу по государственному контролю нашъ старый другъ, Михаилъ Филипповичъ Головачевъ, бывший управляющимъ Костромской контрольной палаты. Прослуживъ и проживъ въ Костромѣ почти восемь лѣтъ, сначала въ контролѣ, потомъ нотаріусомъ при окружномъ судѣ, я въ августѣ 1874 года переѣхалъ со всей семьей въ Москву, гдѣ открылъ общую комиссіонную контору по дѣламъ торговымъ и промышленнымъ.

Какъ большой любитель музыки, я, конечно, не преминулъ записаться въ дѣйствительные члены Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, а, какъ любитель лошадей, я состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго рысистаго общества. Посѣщая постоянно всѣ симфоническія собранія, ученическіе при консерваторіи спектакли и музыкальные вечера, я познакомился съ главнымъ воротилой московскихъ музыкальныхъ дѣлъ, Николаемъ Григорьевичемъ Рубинштейномъ, основавшимъ Московскую консерваторію и бывшимъ тогда ея директоромъ. Николай Григорьевичъ былъ очень популяренъ въ Москвѣ и любимъ дамами; при всей грубости обращенія его съ нѣкоторыми ученицами и учениками консерваторіи, они всѣ все-таки чуть не боготворили его. Онъ былъ дѣйствительно истиннымъ отцомъ и покровителемъ учениковъ, особенно бѣдныхъ, съ которыми онъ всегда былъ готовъ подѣлиться своимъ послѣднимъ рублемъ. У Рубинштейна деньги никогда не залеживались въ карманѣ; какъ только заведутся таковыя (а онъ порядочно зарабатывалъ ихъ и концертами, и уроками), онъ сейчасъ раздастъ ихъ бѣднымъ ученикамъ, прокутитъ и проиграетъ въ карты. Эти двѣ послѣднія страсти очень вредили ему, и онѣ немало способствовали разстройству его здоровья и преждевременно свели его въ могилу. Довольно характеренъ слѣдующій инцидентъ: поклонницы Н. Г. Рубинштейна, узнавъ, что у него набралось около 20-ти тысячъ рублей долговъ, собрали по подпискѣ, съ которой хлопотали что-то долго, около полугода, 27 тысячъ рублей, которые и поднесли ему въ корзинѣ цвѣтовъ на одномъ изъ его концертовъ. Въ тотъ же вечеръ Николай Григорьевичъ послѣ концерта отправился съ пріятелями въ ресторанъ «Эрмитажъ» Оливье, гдѣ прокутилъ и проигралъ ихъ въ карты почти всѣ, оставивъ малую толику для раздачи бѣднымъ ученикамъ.

Московское Императорское общество конскаго бѣга своимъ блестящимъ и первенствующимъ въ Россіи положеніемъ было всецѣло обязано тогдашнему вице-президенту, Александру Васильевичу Колюбакину. Статный, очень красивый, еще не старый, Александръ Васильевичъ представлялъ собой типъ истаго русскаго барина и знатока-коннозаводчика. Его небольшой, но отлично подобранный рысистый конный заводъ составлялъ его славу и гордость, и такіе рысаки, какъ его сѣрая «Боевая» и вороная «Чудная», не имѣли въ свое время между матками соперницъ на дальнія разстоянія. Тогда разыгрывались сравнительно небольшіе призы, но рысистый спортъ былъ дѣйствительно спортомъ-охотой, а не коммерческимъ предпріятіемъ, которымъ онъ сталъ теперь, благодаря тотализатору и совершенно измѣнившимся условіямъ и обстоятельствамъ. Теперь уже не встрѣчаются больше такіе истые охотники, какъ, напримѣръ, Діодоръ Андреевичъ Энгельгардтъ, который, бы-

вало, прячется отъ публики гдѣ нибудь въ темномъ углу бѣговой бесѣдки, когда ѣдетъ его «Правнукъ»; какъ Іосифъ Іосифовичъ Даціаро, съ цвѣточкомъ въ петличкѣ, бѣгушій пѣтушкомъ къ своему выигравшему призу «Крутому 2-му», цѣлующій его въ морду и дающій ему кусочекъ сахара; какъ мужественный, даже отчаянный старикъ, Михаилъ Ивановичъ Бутовичъ, бѣлый, какъ лунь, который плачетъ горькими слезами, когда во время ѣзды, на знаменитомъ «Кряжѣ» Сахновскаго, тотъ, на поворотѣ споткнувшись, сломалъ себѣ переднюю ногу; какъ здоровенный, огромнаго роста, пожилой уже Густавъ Ѳедоровичъ Тегелеръ, блѣдный, какъ полотно, слѣдитъ за бѣгомъ своего злого «Кролика»: секундомѣръ дрожитъ въ его рукахъ, и губы шепчутъ слова молитвы... Даже барышникъ лошадыми, Григорій Савельевичъ Бардинъ, бывало броситъ свою неизмѣнную трубку и начнетъ креститься, когда ѣдетъ его вороной «Гордый», а банкиръ Гавріиль Гавріиловичъ Волковъ, чуть не плачущій, крестящійся поминутно и шепчущій какія-то непонятныя слова во время бѣга его «Потѣшнаго»... Да, теперь не встрѣчаются больше такіе исключительно только охотники, теперь преобладающій типъ спортсменовъ-гешефтмахеровъ и игроковъ.

Осенью 1876 года, братъ мой, горный инженеръ Александръ Андреевичъ Ауэрбахъ, долженъ былъ поѣхать по дѣламъ въ Парижъ, въ главное управленіе «Société minière et industrielle» (горнопромышленное общество), каменноугольными копями котораго онъ управлялъ на югѣ Россіи. Братъ предложилъ мнѣ, какъ ихъ комиссіонеру въ Москвѣ, поѣхать съ нимъ въ Парижъ, на что я съ удовольствіемъ согласился, тѣмъ болѣе, что до тѣхъ поръ я въ Парижѣ еще не бывалъ.

Парижъ не произвелъ на меня ожидаемаго впечатлѣнія, а большинство громаднхъ домовъ, построенныхъ изъ сѣраго дикаго камня, съ неизбѣжными мансардами, почти всѣ одинаковой архитектуры, просто удручали. Слѣдовъ послѣдней франко-прусской (1870 г.) войны никакихъ уже не было замѣтно. Огромный всемірный городъ кишѣлъ, какъ муравейникъ, особенно по вечерамъ. Пока братъ каждое утро до самаго обѣда бывалъ занятъ въ своемъ управленіи, въ которомъ у меня собственно никакихъ дѣлъ не было, я рыскалъ по всему Парижу и осматривалъ все, что только было возможно, и какъ это ни покажется, можетъ быть, страннымъ, даже дикимъ, пожалуй, только ничто меня не поразило, и ничто на меня не производило очень сильнаго впечатлѣнія, ничего я не находилъ особенно оригинальнаго и величественнаго. То ли дѣло московскій Кремль или Василій Блаженный!..

Что мнѣ очень понравилось, это—роскошная улица Елисейскихъ полей (Champs Elysés), Булонскій лѣсъ, мѣстами очень напоминающій Петровскій паркъ, и зданіе Новой оперы, которое находится

только въ столь тѣсно застроенномъ мѣстѣ, что далеко не можетъ произвести такого грандіознаго впечатлѣнія, какъ Московскій Большой театръ. Насколько хороша, красива и изящна Новая опера снаружи и ея роскошный vestibule съ чудной мраморной входной широкой лѣстницей, настолько же этотъ театръ показался мнѣ неудобенъ и даже мизеренъ внутри, какъ и всѣ остальные театры въ Парижѣ, въ которыхъ мнѣ удалось быть.

Нѣтъ, наши театры куда удобнѣе и красивѣе! Желѣзныя дороги наши по удобствамъ, предоставляемымъ пассажирамъ, тоже далеко оставляютъ за собой всѣ заграничныя, особенно французскія. А мы еще ворчимъ и ругаемся: вотъ до чего у насъ развита страсть бранить все свое и восхищаться всѣмъ заграничнымъ! Правда, мы ѣздимъ тише, но зато мы ѣдемъ у насъ гораздо удобнѣе и спокойнѣе, чѣмъ тамъ; даже крушенія поѣздовъ при сравнительно тихой ѣздѣ у насъ никогда не бываютъ такъ ужасны и не уносятъ столько жертвъ, какъ крушенія заграничныхъ Schnellzug'овъ и экспрессовъ.

Бывши первый разъ въ оперѣ въ «Донъ-Жуанѣ» Моцарта, съ знаменитымъ Форомъ въ заглавной партіи, и сидѣвъ во 2-мъ или 3-мъ ряду партера, съ его неудобными, узкими и тѣсными подъемными скамейками, я невольно вспомнилъ происшествіе, случившееся въ этомъ же театрѣ, съ моимъ большимъ пріятелемъ и другомъ, П. С. Андруцкимъ, который былъ очень толстъ. Сидитъ онъ въ оперѣ; рядомъ съ нимъ парочка, видимо мужъ и жена, которые при каждомъ выходѣ въ антрактъ толстяка Андруцкаго дѣлаютъ гримасы и выражаютъ мимикой неудовольствіе, что онъ, пролѣзая мимо нихъ, жметъ ихъ своимъ животомъ. Въ одномъ изъ антрактовъ Андруцкій что-то запоздалъ въ фойѣ и пробирался на свое мѣсто, когда дѣйствіе уже началось; дама наконецъ не вытерпѣла и говоритъ своему мужу по-русски: «какъ мнѣ надоѣла эта толстая свинья». Тогда Андруцкій обратился къ ней: «позвольте познакомиться, вѣдь такъ пріятно встрѣтить на чужбинѣ родного человека».

Супруги, конечно, страшно сконфузились и сейчасъ же покинули свои мѣста.

Меня вообще часто удивляли русскія дамы, которыя почти всегда въ магазинахъ, ресторанахъ и вообще въ публичныхъ мѣстахъ въ Россіи стараются говорить по-французски, воображая, что ихъ никто не понимаетъ, за границей наоборотъ всегда болтаютъ по-русски по той же причинѣ, отчего весьма часто происходятъ преуморительныя *qui pro quo*. Такъ однажды въ Вѣнѣ мнѣ довелось жестоко сконфузить двухъ моихъ соотечественницъ; пошелъ я завтракать въ ресторанъ-садикъ *Hôtel'я Imperial'* я и занялъ столикъ рядомъ съ двумя молодыми дамами, повидимому, русскими аристократками, безъ умолку трещавшими по-русски. Сижу, ѣмъ, а самъ внимательно

прислушиваюсь къ ихъ болтовнѣ. Боже! чего-чего только онѣ ни рассказывали другъ другу про свои любовныя похождения вообще, а про заграничныя въ особенности! Одной изъ нихъ понадобилась соль, не оказавшаяся на ихъ столѣ, и она сказала тоже по-русски: «какъ здѣсь невнимательно прислуживаютъ, даже солонки нѣтъ на столѣ». Я воспользовался этимъ случаемъ и, прежде чѣмъ она успѣла подозвать кельнера, подалъ ей солонку со своего столика и сказалъ: «позвольте услужить вамъ, мнѣ соль не нужна». Надо было видѣть, какъ онѣ были озадачены! Не докушали своего завтрака и сейчасъ же убѣжали. Тогда я крикнулъ имъ вслѣдъ: «Mesdames! теперь ужъ поздно; я все равно все слышалъ, такъ не лишайте себя удовольствія докушать свой завтракъ». Но онѣ все-таки ушли.

Во время нашего пребыванія въ Парижѣ, тамъ много говорили о сербяхъ и геройскихъ подвигахъ русскихъ добровольцевъ, такъ храбро подъ начальствомъ Михаила Григорьевича Черняева защищавшихся отъ турокъ и стремившихся освободить Сербію отъ зависимости Турціи. Въ Парижѣ всѣ были убѣждены, что эта борьба маленькой Сербіи и еще болѣе миниатюрной, но мужественной, воинственной и храброй Черногоріи противъ вдесятеро сильнѣйшей ихъ Турціи должна непременно встрѣтить не только поддержку, но и существенную помощь со стороны могущественной Россіи, которая и прежде уже не разъ объявляла войну Турціи въ защиту своихъ единовѣрцевъ; вообще тамъ уже поговаривали о скоро предстоящей войнѣ Россіи съ Турціей.

Въ самомъ началѣ декабря мы съ братомъ Александромъ вернулись въ Россію и застали уже общее воинственное настроеніе, распространенное даже въ народныхъ массахъ. Это воинственное настроеніе было сильно развито агитаціей славянофиловъ, которые уже болѣе года дѣйствовали очень энергично, снаряжали и отправляли добровольцевъ въ Сербію, куда устремились и лучшіе люди Россіи, какъ М. Г. Черняевъ, Н. Н. Кирѣевъ, М. Н. Раевскій и многіе другіе, и куда добровольцы рвались и направлялись тысячами.

Самыя восторженные, смѣлыя, разжигающія патріотизмъ статьи наполняли столбцы и страницы славянофильскихъ газетъ и журналовъ. Ю. Ф. Самаринъ, В. И. Аристовъ и особенно И. С. Аксаковъ блистали тогда своимъ убѣжденнымъ краснорѣчіемъ и ратовали за необходимость освободить наконецъ совѣмъ своихъ единовѣрцевъ-славянъ Балканскаго полуострова отъ турецкаго ига. А тутъ начались еще звѣрства башибузуковъ въ Болгаріи, и чаша терпѣнія оказалась переполненной.

VII.

Манифестъ 12 апрѣля 1877 года о войнѣ съ Турціей. — Общественное недовольство интендантскими и продовольственными порядками въ дѣйствующей арміи. — Командировка меня на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ уполномоченнаго отъ одного московскаго купческаго общества. — Препятствія въ пути. — Отъ Москвы до Бухареста. — Фратешти, Журжево, Зимница.

Въ январѣ 1877 года начались военныя приготовленія, стягивались войска въ Бессарабію близъ румынской границы, и 12 апрѣля наконецъ былъ объявленъ высочайшій манифестъ, возвѣщавшій, что русскій народъ не можетъ больше терпѣть страшнаго притѣсненія, угнетенія и мученій своихъ единовѣрцевъ, чинимыхъ надъ ними турками-магометанами, и что поэтому царь, заключивъ оборонительный и наступательный союзъ съ единовѣрной намъ Румыніей, объявляетъ Турціи войну, увѣренный въ доблестной побѣдѣ храброй русской арміи, идущей воевать за вѣру, царя и отечество.

Главнoкомандующимъ дѣйствующей арміи государь назначилъ своего брата, великаго князя Николая Николаевича старшаго, который 12 апрѣля, въ день объявленія войны, оказался уже на границѣ, и въ тотъ же день наши войска перешли рѣку Прутъ...

Черными пятнами войны съ Турціей 1877—1878 годовъ были два товарищества — одно, основанное евреемъ Горвицемъ подъ фирмою «Горвицъ, Грегеръ и Коганъ», по снабженію дѣйствующей арміи продовольствіемъ; другое — тоже еврея Варшавскаго, по снабженію арміи подводами (погонцами) для подвоза продовольствія въ мѣста дѣйствій арміи и обратно для эвакуаціи раненыхъ и больныхъ. Агенты компаніи Горвица, по неаккуратности и недобросовѣстности ихъ, а погонцы Варшавскаго, по заморенности лошадей и по неудобству ихъ телѣжекъ для эвакуаціи раненыхъ, и вообще обѣ компаніи, по ихъ дороговизнѣ, сдѣлались притчей во языцѣхъ и возбуждали страшный ропотъ въ войскахъ и всеобщее неудовольствіе общественнаго мнѣнія...

Въ разговорахъ и разсужденіяхъ по этому поводу во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ: въ клубахъ, трактирахъ, и вообще во всѣхъ гостиныхъ даже частныхъ домовъ, встрѣчалось, конечно, много сплетенъ, кривотолковъ, нелѣпостей и небылицъ уже потому, что огромное большинство говорившихъ, разсуждавшихъ и критиковавшихъ не имѣли сами никакого понятія о войнѣ, способахъ ея веденія, путяхъ сообщенія и тѣхъ невозможныхъ, неожиданныхъ препятствій, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагѣ не только въ передвиженіяхъ войскъ, но еще болѣе всего въ снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ.

Война, сама по себѣ, такое страшное народное бѣдствіе, что особенно много толковать и сокрушаться о единичныхъ личностяхъ и явленіяхъ нельзя, да и не слѣдуетъ, а нужно только

заботиться, чтобы намѣченная цѣль была достигнута какъ можно скорѣе и со сколь возможно меньшими жертвами.

Когда я возвращался по своимъ дѣламъ преимущественно въ коммерческомъ обществѣ, въ нашей компаніи тоже очень много судили, рязали и осуждали существующіе въ интендантствѣ и товариществѣ Горвица безпорядки, ругали ихъ и маркитантовъ, что они всѣ страшно наживаются и просто обижаютъ офицерство и солдатъ, заставляя ихъ платить непомѣрные цѣны за самые необходимые предметы потребленія. Такъ рассказывали, будто за бутылку Поповской или Смирновской водки они брали не менѣе двухъ рублей золотомъ; за фунтъ сахара—по четыре, дешево по три франка; за пару сапоговъ—по двадцати рублей и такъ далѣе, все въ томъ же родѣ. Въ концѣ концовъ наша компанія рѣшила отправить на театръ военныхъ дѣйствій, непосредственно къ дѣйствующей арміи, два-три вагона самыхъ необходимыхъ предметовъ, которые и продавать тамъ безъ всякаго барыша по цѣнѣ, въ которую они себѣ обойдутся съ доставкой въ Болгарію. Но для этого надо было ѣхать кому нибудь изъ насъ, а не посылать приказчика, который могъ бы злоупотребить нашимъ довѣріемъ и постараться нажиться за нашъ счетъ, тогда какъ наше побужденіе и цѣль были только прійти на помощь и доставить войскамъ самое необходимое по самой дешевой, по возможности, цѣнѣ и доказать, какъ безсовѣстно разныя поставщики и маркитанты эксплуатируютъ ихъ, сами при этомъ значительно наживаясь.

Выборъ палъ на меня, и я, конечно, отъ этой чести не отказался, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно было очень интересно лично убѣдиться въ основательности или лжи всего того, о чемъ такъ много говорили вообще и писалось въ газетахъ.

Послѣ второй неудачной Плевны мы принялись очень энергично за осуществленіе нашей идеи и въ нѣсколько дней сформировали и собрали нашъ отрядъ и самые необходимые, казалось намъ, предметы, въ которые вошли: 10 бочекъ сахара; 500 фунтовъ чая; 30 ящиковъ Поповской и Смирновской водки; 5 ящиковъ крѣпкихъ винъ; 10 ящиковъ папиросъ разныхъ; 5 ящиковъ табаку разнаго; 200 паръ высокихъ сапоговъ; 200 романовскихъ полушубковъ; 15 ящиковъ теплыхъ перчатокъ, рукавичекъ, носковъ, чулокъ, шарфовъ, фуфаекъ и еще разной мелочи.

Рѣшено было взять въ помощь мнѣ артельщика, и для удешевленія провоза раздобыли даже нѣсколько бланковъ Краснаго Креста, которыми я могъ бы воспользоваться въ мѣстахъ, гдѣ встрѣтятся особенныя затрудненія въ дальнѣйшемъ слѣдованіи вѣренныя мнѣ для доставки въ дѣйствующую армію товаровъ, а также везти ихъ съ собой большою скоростью, т.-е. съ пассажирскими поѣздами.

Отъ Москвы до Кишинева вагоны съ нашими товарами прошли безпрепятственно и безостановочно съ тѣми же пассажирскими по-

ѣздами, въ которыхъ ѣхали и мы, то-есть я и артельщикъ Мазуринской артели, Марковъ, но въ Кишиневѣ пришлось прожить дни три, пока наконецъ удалось прицепить наши вагоны къ пассажирскому поѣзду до Унгенъ.

Въ Унгенахъ, на румынской границѣ, опять задержка, и только, благодаря бланку Краснаго Креста и особенному содѣйствію мѣстнаго жандармскаго капитана Брандта, мнѣ удалось добиться черезъ два дня быть отправленнымъ съ моими вагонами дальше. Такъ какъ въ Унгенахъ пришлось перегружаться изъ нашихъ вагоновъ въ вагоны Румынской желѣзной дороги, то мнѣ удалось, съ помощью капитана Брандта, настоять на отправкѣ ихъ съ пассажирскимъ поѣздомъ, какъ груза Краснаго Креста, прямо до Бухареста.

Благополучно добрались мы лишь до Яссъ, бывшей столицы Валахій, гдѣ меня, однако, опять задержали, несмотря на то, что мои вагоны были направлены изъ Унгенъ прямымъ сообщеніемъ до Бухареста. Никакіе резоны и указываемые мною доводы не помогали. Я говорилъ съ начальникомъ станціи и по-русски, и по-нѣмецки, и по-французски, но получалъ постоянно только одинъ отвѣтъ по-румынски: «нушти», что означало—«не понимаю». Въ концѣ концовъ на другой день мои вагоны выгрузили въ Яссахъ, безъ всякой церемоніи, прямо на платформу пассажирскаго вокзала и даже не приставили къ вещамъ никакого караула, такъ что мы съ Марковымъ день и ночь, по очереди, сами караулили наши товары. Такъ прожили мы въ Яссахъ два дня, не имѣя никакого представленія о томъ, когда же наконецъ Румынское желѣзнодорожное начальство соблаговолитъ отправить насъ дальше. Отъ скуки я ѣздилъ осматривать этотъ старинный, исторически извѣстный, даже близкій намъ по нашимъ давнишнимъ и многочисленнымъ войнамъ съ Турціей городъ, но ничего выдающагося и особенно интереснаго въ немъ не нашель и не видѣлъ.

На мое счастье, на третій день нашего пребыванія въ Яссахъ, встрѣчаю на платформѣ, во время прибытія пассажирскаго поѣзда изъ Бухареста, выходящимъ изъ вагона I-го класса М. А. Ротчева, моего бывшаго сослуживца на Варшавской желѣзной дорогѣ, заведывавшаго во время этой войны перевозкой войскъ и военныхъ грузовъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Разговорились. Когда я повѣдалъ ему свои печали, онъ спросилъ меня:

— Есть у васъ деньги?

— Есть,—отвѣчалъ я.

— Такъ покажите радужную начальнику станціи, и вамъ сейчасъ же дадутъ вагоны. Здѣсь, батенька мой,—продолжалъ онъ,—теперь безъ денегъ ничего не подѣлаете.

Я тотчасъ же разыскалъ начальника станціи, и когда показалъ ему радужную бумажку, онъ взялъ меня подъ руку и, прохаживаясь со мной по платформѣ, хотя и на ломанномъ, но все-таки весьма понятномъ русскомъ языкѣ, сталъ торговаться со мной, заломивъ сначала за два вагона пятьсотъ рублей. Поторговались—кончили на трехъ стахъ рубляхъ. Немедленно подали мнѣ подъ нагрузку два вагона и поставили ихъ у платформы около того мѣста, гдѣ былъ сложенъ мой товаръ. Въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ мы наконецъ покинули Яссы.

На разсвѣтѣ пріѣхали въ Романы, гдѣ съ дорогой, идущей отъ русской границы, соединяется таковая же, идущая изъ Черновицъ, города Австрійской Галиціи.

Мои два вагона и здѣсь приказали было отцѣпить, увѣряя, что съ австрійскимъ поѣздомъ пришло очень много вагоновъ съ орудіями и спѣшнымъ военнымъ грузомъ, и потому де отправка моихъ вагоновъ дальше задержится, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько дней. На эти увѣренія начальника станціи я вынулъ бумажникъ и, когда показалъ магическую радужную ассигнацію, сейчасъ же покончилъ на двухъ стахъ рубляхъ—вагоны отцѣплены не были, и я съ тѣмъ же поѣздомъ прѣблагополучно отправился дальше.

Отъ Романъ до Бухареста я добрался съ моими вагонами уже безъ задержекъ.

Въ Бухарестѣ я долженъ былъ остановиться, чтобы узнать, какимъ путемъ и куда теперь всего цѣлесообразнѣе и удобнѣе направиться мнѣ съ моими товарами. Начальникъ станціи въ Бухарестѣ весьма любезно, не взявъ съ меня ни гроша, согласился оставить мои вагоны запломбированными, то-есть не выгружать ихъ нѣсколько дней, покуда я соберу необходимыя справки. Для наблюденія за вагонами я оставилъ артельщика Маркова на вокзалѣ, а самъ поѣхалъ въ городъ на извозчикѣ (большинство и лучшіе извозчики въ Бухарестѣ русскіе скопцы), который привезъ меня въ гостиницу Метрополь, расположенную на главной, лучшей улицѣ, прямо противъ королевскаго дворца.

Всѣ, какъ русскіе, такъ и румыны, увѣряли меня, что я съ товарами въ дѣйствующую армію никакъ не проберусь, такъ какъ далѣе Фратештъ по желѣзной дорогѣ уѣхать нельзя, а грунтовыя дороги сдѣлались положительно непроѣздными. Всѣ совѣтовали мнѣ распродать товары, хотя бы и съ небольшимъ убыткомъ, здѣсь же въ Бухарестѣ и спокойно возвратиться въ Москву. Но я всю жизнь отличался въ такихъ случаяхъ отчаяннымъ упорствомъ, и чѣмъ болѣе встрѣчалось препятствій къ достиженію намѣченной цѣли, тѣмъ настойчивѣе я всегда стремился къ ней. А въ данномъ случаѣ я даже и представить себѣ не могъ, какъ это я вдругъ вернусь въ Москву, не исполнивъ возложеннаго на меня порученія...

Рѣшено—ѣду по желѣзной дорогѣ до послѣдняго возможнаго пункта, а тамъ видно будетъ.

Фратешты, послѣдняя небольшая станція желѣзной дороги передъ Журжевомъ, до котораго поѣзда желѣзной дороги въ это время не доходили по случаю бомбардировки этого города изъ Рушцука расположеннаго противъ него на правомъ турецкомъ берегу Дуная,—превратилась волей-неволей въ конечный пунктъ желѣзной дороги, въ которомъ образовалось чистѣйшее вавилонское столпотвореніе.

Въ виду скопленія въ Фратештахъ воинскихъ, санитарныхъ, эвакуаціонныхъ для раненыхъ и больныхъ и другихъ поѣздовъ, пришлось очень быстро расширить эту маленькую станцію укладкой запасныхъ путей; тамъ же былъ устроенъ и перевязочный пунктъ, гдѣ прибывающіе туда изъ Зимницы на подводахъ раненые перевязывались, получали самую необходимую помощь и оттуда какъ можно скорѣе отправлялись въ эвакуаціонныхъ, санитарныхъ поѣздахъ въ госпитали, распоженные въ Бухарестѣ, Яссахъ и далѣе въ Россіи.

Такъ какъ никакого селенія около самыхъ Фратештъ не было, станціонныя же помѣщенія были настолько малы, что даже не могли вмѣщать всѣхъ служащихъ желѣзной дороги, число которыхъ должно было значительно увеличиться, благодаря обстоятельствамъ, то этотъ временный перевязочный пунктъ былъ устроенъ въ палаткахъ, приблизительно на триста человѣкъ раненыхъ.

Врачебный персоналъ и сестры милосердія помѣщались тоже въ палаткахъ за запасными путями, приблизительно въ одной верстѣ отъ станціи.

Вотъ гдѣ я во-очію убѣдился въ мужествѣ, геройствѣ и самоотверженіи нашего медицинскаго персонала и преимущественно нашихъ сестеръ милосердія, которыя работали тамъ до изнеможенія при невозможно тяжелыхъ условіяхъ, не падали духомъ, а еще находили слова утѣшенія и ободренія каждому раненому. Понятно, что не только офицеры, но и солдаты буквально боготворили сестрицъ, какъ они ихъ называли.

Здѣсь же во Фратештахъ я познакомился съ первыми ужасами войны и собственными глазами видѣлъ такія картины, отъ которыхъ и теперь, при одномъ воспоминаніи о нихъ, морозъ пробѣгаетъ по тѣлу, и волосы готовы стать дыбомъ...

На другой дань моего прибытія во Фратешты съ утра шелъ холодный, пронизывающій до костей, частый, чисто нашъ русскій осенній дождь. Почва раскисла и размякла до того, что трудно было пройти нѣсколько десятковъ шаговъ. Въ такое-то время пришелъ транспортъ раненыхъ изъ-подъ Плевны, въ количествѣ около трехъ тысячъ человѣкъ; тяжело раненые лежали на телѣженкахъ погонцевъ, а сравнительно легко раненые, даже съ оторванными руками и контуженными головами, шли пѣшкомъ. Стоны, доходи-

вше у нѣкоторыхъ до криковъ, раздирали душу, а тутъ ихъ еще и размѣстить негдѣ!...

Доктора обходили весь транспортъ и распредѣляли раненыхъ на три категории: очень тяжело раненыхъ сейчасъ же на носилкахъ разносили по палаткамъ, въ которыхъ было всего-на-всего только триста кроватей; не такъ тяжело раненыхъ размѣстили по порожнимъ товарнымъ вагонамъ, которые были поставлены на крайній отдѣльный путь, по которому маневрированіе локомотива и другихъ вагоновъ было закрыто; а легко раненымъ было предоставлено оставаться подъ открытымъ небомъ и размѣщаться, для прикрытія себя отъ дождя, подъ вагонами, занятыми ихъ товарищами.

Надо было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ, съ какой любовью и лаской сестрицы шлепали чуть не по колѣно въ грязи, переходя отъ одной группы раненыхъ къ другой, разнося всюду помощь и слова утѣшенія. Съ какимъ мужествомъ онѣ, въ большинствѣ принадлежавшія къ интеллигентнымъ семьямъ, размывали и перевязывали вонючія, кишачія червями, раны и язвы!... Признаюсь, я больше удивлялся мужеству и терпѣнію этихъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ, чѣмъ бывшихъ въ бою, раненыхъ и страдающихъ теперь офицеровъ и солдатъ...

Въ довершеніе всего къ вечеру того же дня подошла къ Фратештамъ еще партія въ пять тысячъ слишкомъ плѣнныхъ турокъ, въ числѣ коихъ было тоже порядочное количество раненыхъ, а всѣ они вообще были крайне плохо одѣты. Промокшіе, продрогшіе до костей, голодные, они ужасно страдали, а найти имъ мѣсто, гдѣ бы они могли укрыться отъ дождя, отогрѣться и отдохнуть по-человѣчески, не было никакой возможности.

О прибытіи обѣихъ этихъ партій—русскихъ раненыхъ и плѣнныхъ турокъ—было дано знать заблаговременно; поэтому горячая пища и чай были приготовлены, но подъ длиннымъ навѣсомъ, гдѣ были кухни, могли одновременно приходить и размѣщаться для ѣды, за длинными досчатыми столами, не болѣе ста человекъ. Пришлось опять сортировать и турокъ—болѣе утомленные и слабые, по очереди, ходили ѣсть подъ навѣсъ, а остальнымъ щи съ мясомъ и хлѣбъ отпускались въ ихъ манерки, и имъ приходилось питаться подъ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ кормежка этихъ несчастныхъ турокъ продолжалась почти всю ночь. Всюду горѣли костры, около которыхъ только и могли хоть немного обогрѣваться и обсушиваться всѣ несчастные, обреченные проводить эту ужасную ночь на открытомъ воздухѣ. Къ счастью, около полуночи дождь прекратился. Опять и всю ночь сестры милосердія рыскали и между турками, стараясь помочь имъ, чѣмъ только могли. Умилительно было видѣть, какъ съ вечера легко раненые русскіе тѣснились и тащили къ себѣ подъ вагоны

нѣкоторыхъ особенно промокшихъ турокъ, чтобы дать имъ возможность, хоть не надолго, укрыться отъ дождя. Какъ вѣрно подтвердилось здѣсь, что у русскаго солдата врагъ существуетъ только во время боя—кончился бой, и этого самаго врага, котораго онъ только-что стрѣлялъ и кололъ штыкомъ, русскій солдатъ принимаетъ уже, какъ друга, которому готовъ помочь и съ которымъ радъ подѣлиться послѣднимъ...

Я всю ночь бродилъ между ранеными русскими и плѣнными турками, кого угощая водкой, кого снабжая булкой (къ счастью, на станціи въ буфетѣ ихъ было заготовлено много),—мнѣ просто не спалось и было какъ-то совѣстно пойти развалиться въ вагонъ I класса, въ которомъ начальникъ станціи любезно предложилъ мнѣ помѣщеніе, за неимѣніемъ другого. Какъ уснуть сравнительно удобно здоровому человѣку, когда такая масса раненыхъ и плѣнныхъ мучениковъ страдала на дождѣ и холодѣ?!...

Бродивши между турками, я удивлялся ихъ адскому терпѣнію и выносливости, ничѣмъ не уступающимъ русскимъ. Не одинъ десятокъ ихъ умерло въ эту ночь въ грязи и мокротѣ, безъ жалобъ и даже безъ стонувъ...

Когда на разсвѣтѣ тысяча съ чѣмъ-то турокъ, болѣе слабыхъ, были разсажены по вагонамъ и отправлены съ поѣздомъ, а остальныхъ погнажи опять пѣшкомъ подъ конвоемъ до Бухареста, на мѣстѣ ихъ ночлега было найдено нѣсколько десятковъ труповъ, которые подобрали и похоронили, т.-е. попросту зарыли въ одну общую большую яму, верстахъ въ трехъ отъ Фратештъ.

Еще во время ночи, зайдя въ станціонный буфетъ обогрѣться и выпить чая, я узналъ, что утромъ пойдетъ по направленію къ Журжеву воинскій поѣздъ съ подкрѣпленіями и снарядами для бомбардировки Руцукъ. Мнѣ не стоило особаго труда пристроиться въ этомъ поѣздѣ, чтобы побывать въ Журжевѣ и рѣшить, куда мнѣ направиться далѣе съ моимъ товаромъ.

Въ десять часовъ утра мы тронулись изъ Фратештъ въ поѣздѣ, состоявшемъ всего изъ пятнадцати вагоновъ — нѣсколько товарныхъ съ патронами и снарядами, остальные съ матросами и офицерами.

Не доѣзжая версты пяти до Журжева, поѣздъ остановился въ полѣ, гдѣ уже дожидались подводы для пріема съ него патроновъ и снарядовъ. Матросы и солдаты принялись за выгрузку вагоновъ, а офицеры и я съ ними отправились въ городъ пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги. Когда городъ былъ уже въ виду, мы отъ времени до времени слышали единичные пушечные выстрѣлы, раздававшіеся довольно рѣдко: это взаимно угощали другъ друга русскіе турокъ въ Руцукѣ, а турки русскихъ въ Журжевѣ. Тѣмъ не менѣе, войдя въ городъ, мы сейчасъ же встрѣтили извозчиковъ, изъ которыхъ и я взялъ одного, чтобы поѣхать осмотрѣть городъ.

Городъ Журжево представлялъ изъ себя довольно жалкій видъ: нѣкоторые дома, особенно ближніе къ Дунаю, порядочно-таки пострадали отъ бомбардировки, виднѣлись сквозныя дыры и въ каменныхъ стѣнахъ, и въ крышахъ; нѣкоторые дома были сожжены; на улицахъ встрѣчались преимущественно наши солдаты и матросы, но между ними и жители, не покинувшіе города.

Въ одной изъ улицъ вдругъ слышу: меня кто-то окликаетъ. Удивленно оглядываюсь. Ба! старый костромской хорошій знакомый, С. С. Вороновъ, морякъ. Выскакиваю, конечно, изъ экипажа, бѣгу къ нему. Объятія, поцѣлуи. Онъ — пораженъ видѣтъ меня въ Журжевѣ, я — крайне радъ встрѣтить знакомаго человѣка, отъ котораго могу собрать свѣдѣнія и узнать, что мнѣ нужно.

Вороновъ сейчасъ же потащилъ меня къ себѣ на квартиру, вѣрнѣе сказать, въ занимаемую имъ комнату въ подвальномъ этажѣ небольшого каменнаго дома на берегу Дуная, сравнительно порядочно уплѣвшаго, хотя и пострадавшаго отъ бомбардировки. Денщикъ сейчасъ же подалъ намъ приличную выпивку и закуску, вскорѣ подошли еще лейтенантъ и мичманъ, и мы вмѣстѣ отлично позавтракали и препорядочно выпили.

Тутъ я узналъ, что капитанъ 2-го ранга Вороновъ съ нѣсколькими офицерами и командой матросовъ командированъ въ Журжево, чтобы немедленно по заключеніи перемирія, о которомъ шелъ уже упорный слухъ, изслѣдовать фарватеръ Дуная, между Журжевомъ и Рушцукомъ, для выбора мѣста, гдѣ бы удобнѣе всего было соединить эти два города плавучимъ мостомъ.

Я, съ своей стороны, рассказалъ компаніи, какъ и почему я сюда попалъ, и когда Вороновъ узналъ, что я везу съ собой нѣсколько ящиковъ Смирновской и Поповской водки, онъ пришелъ въ совершенный восторгъ.

— Мы уже давно не видали хорошей водки, — говорилъ онъ. — Пьемъ все время или вонючій спиртъ, или довольно скверный коньякъ; поэтому, милѣйшій Андрей Андреевичъ, извольте немедленно прислать намъ изъ Фратештъ ящичекъ Поповки, этой живительной для русскаго человѣка влаги.

— Ладно, — отвѣчалъ я, — постараюсь.

— Нѣтъ, братъ, не постараюсь, а непременно! — перебилъ меня Вороновъ. — Такъ какъ вы съ этимъ же поѣздомъ сегодня возвращаетесь въ Фратешты, а дня черезъ два, можетъ быть, даже завтра, оттуда пойдетъ сюда опять поѣздъ съ какими нибудь снадобьями и командами, то съ вами поѣдетъ сегодня матросъ, которому и передайте обѣщанное. Повалишинъ, распорядись!

Черезъ какіе нибудь полчаса предсталъ передъ нами бравый матросъ, которому поручено было сопровождать меня до Фратештъ и получить тамъ отъ меня ящикъ съ патронами (какъ сказали ему), который и доставить начальнику при первой возможности.

Пришло время разставаться; чтобы не опоздать къ отходу поѣзда, послали за извозчикомъ, который во-время доставилъ меня съ матросомъ къ мѣсту остановки поѣзда, а нѣсколько пунечныхъ выстрѣловъ изъ Рущука какъ будто провожали насъ.

Всѣ военные грузы, войска для пополненія убыли въ дѣйствующей арміи, даже тяжелыя осадныя орудія направлялись изъ Фратешты гужомъ на Зимницу, мѣстечко, расположенное на лѣвомъ берегу Дуная, противъ города Систова, гдѣ въ іюнѣ наши войска совершили свой доблестный переходъ черезъ Дунай на понтонахъ и лодкахъ.

Изъ этихъ понтоновъ, по занятіи Систова нашими войсками, былъ устроенъ между Зимницей и Систовомъ мостъ, который служилъ единственнымъ путемъ сообщенія всей дѣйствовавшей за Дунаемъ арміи съ ея тыломъ, т.-е. съ Румыніей, служившей ея базисомъ.

Возвратясь въ Фратешты, я рѣшилъ направиться со своими вещами этимъ же военнымъ трактомъ, но для этого надо было прежде съѣздить въ Зимницу одному, чтобы убѣдиться въ возможности отправиться туда съ транспортомъ, требовавшимъ, по крайней мѣрѣ, шестидесяти подводъ, которыхъ раздобыть можно было только тамъ, какъ меня увѣряли во Фратештахъ.

Какъ разъ въ этотъ же вечеръ пріѣхалъ изъ Зимницы во Фратешты какой-то генералъ въ небольшой наемной коляскѣ, на тройкѣ. Несмотря на то, что извозчикъ былъ изъ Систова, и ему во всякомъ случаѣ надо было ѣхать обратно, онъ запросилъ съ меня за эту поѣздку семь полуимперіаловъ. Это за разстояніе всего въ 35 верстъ?!... Какъ я ни торговался съ нимъ, предлагая ему, казалось мнѣ, сумасшедшую цѣну—три золотыхъ, онъ долго не соглашался взять менѣе семи золотыхъ, но когда наконецъ къ ночи, послѣ прихода Бухарестскаго поѣзда, онъ убѣдился, что никого нѣтъ болѣе желающихъ воспользоваться экипажемъ, онъ согласился увезти меня за пять полуимперіаловъ. Дѣлать нечего, пришлось согласиться.

На разсвѣтѣ, взявъ съ собой только одну подушку, маленькій саквояжъ съ чаемъ, сахаромъ, хлѣбомъ и кое-какой закуской, да небольшой погребецъ съ посудой и ромомъ, удобно усѣвшись въ коляскѣ, я отправился въ путь, наивно воображая, что много-много часовъ черезъ пять буду въ Зимницѣ. Но я жестоко ошибся!

Кто не видалъ лично военной грунтовой дороги, по которой передвигаются армія съ ея артиллеріей, безчисленные обозы съ военными грузами, транспорты съ плѣнными и ранеными, да еще въ дождливое время, тотъ не имѣетъ о ней понятія, даже представить себѣ не можетъ, что это такое...

Ямы и рытвины самыхъ огромныхъ размѣровъ безъ конца; благодаря необходимости объѣзжать ихъ, чтобы не завязнуть, дорога образовалась мѣстами въ ширину болѣе десяти верстъ, раз-

бита она страшно; всюду, на каждомъ шагу, встрѣчаешь валяющіеся трупы и скелеты лошадей и буйволовъ, падающихъ и издыхающихъ сотнями, и отъ чрезмѣрныхъ усилій, и отъ безкормицы; почти на каждомъ трупѣ волки, пожирающіе ихъ; мѣстами попадаются и трупы турокъ, павшихъ во время слѣдованія партій плѣнныхъ; отъ разлагающихся труповъ по всему тракту вонь и смрадъ... ужасъ и ужасъ на каждомъ шагу!

Лавируя между ямами и трупами животныхъ съ одного конца дороги до другого, потомъ опять въ обратномъ направленіи, мы еле-еле тащились шагомъ, поминутно останавливаясь, до 12-ти часовъ дня, когда лошади окончательно притомились и не могли двигаться дальше. Въ одномъ мѣстѣ, у края дороги, мы остановились наконецъ около какихъ-то кустовъ. Извозчикъ, спасибо, оказался бывалый—съ нимъ были топоръ, мѣдный чайникъ и даже съ мѣру овса. Вблизи нашелся родничекъ съ прекрасной, чистой водой; извозчикъ отпрягъ лошадей, живо нарубилъ хворосту, запылалъ костеръ, скоро закипѣлъ на немъ мѣдный чайникъ, и мы съ извозчикомъ въ полномъ смыслѣ наслаждались чаепитіемъ съ ромомъ, которымъ я угостилъ и его. Имѣвшіеся у меня сыръ и ветчина съ тремя свѣжими булками утолили нашъ голодъ, а лошади быстро жевали данный имъ овесъ.

Проходившія иногда мимо насъ подводы погонцевъ и большія валахскія арбы, запряженныя двумя и тремя парами черныхъ буйволовъ, обязательно пріостанавливались около нашего становища, проводники ихъ перекидывались нѣсколькими словами съ моимъ возницей и съ завистью смотрѣли, какъ мы съ нимъ уписывали за обѣ щеки нашу снѣдь. Одинъ, еще молодой, погонецъ, видимо истомленный и голодный, проходившій съ двумя подводами, такъ умильно смотрѣлъ на нашу ѣду, что я не вытерпѣлъ и далъ ему выпить рюмку рому да на закуску далъ кусокъ булки съ ветчиной; онъ до того обрадовался, что бухнулся мнѣ въ ноги, а на мое замѣчаніе, что такъ кланяются только Богу, онъ всталъ, но при этомъ заплакалъ. Мнѣ стало жаль его, и я предложилъ ему еще стаканъ чая. Онъ присѣлъ рядомъ, съ жадностью пилъ чай, котораго давно уже не видалъ, и рассказалъ мнѣ о своей горькой участи. Онъ былъ взятъ, въ числѣ около двухъ тысячъ подводъ, агентами Варшавскаго изъ-подъ Кишинева и долженъ былъ за свои двѣ подводы получать по три рубля въ день.

— По началу,—разсказывалъ онъ,—разсчитывали вѣрно каждую недѣлю, и, пока мы шли Россіей, все было ладно, и подножнаго корму было вволю, да и овесъ вездѣ былъ недорогъ. Но чѣмъ дальше мы шли по Румыніи, тѣмъ кормы становились все дороже, а расчеты намъ стали давать все рѣже и неправильнѣе. Когда же попали въ Болгарію къ братушкамъ, гдѣ насъ захватила непогода, бездорожье, да гдѣ за мѣрку овса пришлось платить по карбованцу,

а въ другой день и по этой цѣнѣ не достанешь, такъ бѣднымъ конямъ приходилось часто довольствоваться только зимнимъ, размоченнымъ дождями, подножнымъ кормомъ, никуда не годнымъ, ну, лошаденки и совсѣмъ перепали, такъ отощали, что еле могли поднять на подводы 10—12 пудовъ или двухъ раненыхъ; мы такъ обносились и оборвались, что хотъ помирай. Эхъ! много нашего брата осталось совсѣмъ въ Болгаріи, померли, значить, да и лошадокъ нашихъ подохло немало.

— Да куда же ты теперь ѣдешь порожнемъ?—спросилъ я.

— Отказался. Ни у меня, ни у конякъ моихъ нѣтъ болѣе силъ работать. Пробираюсь домой, а доѣду ли и какъ доберусь, и самъ не знаю. Расчета за Дунаемъ не дали, а выдали только квитокъ, по немъ, сказывали, получишь расчетъ въ Бухарестѣ, въ конторѣ Варшавскаго, а дотащусь ли еще до этого самаго Бухареста,—одинъ Господь вѣдаетъ.

Въ это время началъ опять накрапывать дождь, лошаденки погонца какъ-то съежились, стояли, понуря головы, а самъ погонецъ, еще разъ поклонившись мнѣ все-таки въ ноги, благодаря за угощеніе и за два врученныхъ ему цѣлковыхъ, побрелъ къ нимъ, запахиваясь въ свой дырявый и промокшій зипунъ.

Мой возница сводилъ своихъ лошадей на водопой къ роднику, быстро запрягъ ихъ, и мы тоже двинулись въ путь, только въ обратную отъ погонца сторону.

Было уже около пяти часовъ вечера. Съ большимъ трудомъ мы насилу дотащились до Зимницы къ двумъ часамъ ночи, такъ что почти цѣлыя сутки намъ пришлось употребить на переѣздъ всего какихъ нибудь 35 верстъ, по прямому направленію. Въ сущности же мы навѣрное сдѣлали около 80-ти верстъ, постоянно лавируя между ямами и трупами животныхъ.

Не правда ли, красивая картина?!

Въ Зимницѣ ящикъ привезъ меня въ убійственную гостиницу съ міриадами блохъ и клоповъ, такъ что я даже не рискнулъ лечь на отвратительно грязную, жесткую кровать, а потребовалъ себѣ сейчасъ же самоваръ, за которымъ и скороталъ время до 6-ти часовъ утра, когда отправился бродить по мѣстечку, чтобы собрать нужныя мнѣ свѣдѣнія, поискать подводъ и сдѣлать тогда надлежащія распоряженія.

Оказалось все очень печально. Нужныхъ мнѣ подводъ нельзя было достать ни за какія деньги; дѣйствующая армія, послѣ взятія Плевны, быстро двигалась за Балканы—догонять ее съ транспортомъ не представлялось никакой возможности, да было бы и безцѣльно; въ сѣверной Болгаріи оставалась только вторая, сравнительно меньшая армія, подъ начальствомъ наслѣдника-цесаревича, сосредоточенная около Рущука, гдѣ держала въ осадѣ армію Сулеймана-паши и препятствовала ему ударить въ тылъ нашей арміи, шедшей на Константинополь. Мнѣ ничего больше не оста-

валось, какъ вернуться во Фратешты и стараться проникнуть чрезъ Журжево въ нашъ Рушукскій отрядъ, о которомъ сказано выше.

Привезшій меня въ Зимницу извозчикъ съ удовольствіемъ согласился доставить меня обратно во Фратешты, только предложилъ мнѣ ѣхать другой дорогой — вдоль лѣваго берега Дуная на Журжево, предполагая, что тамъ дорога должна быть гораздо лучше, хотя и значительно дальше. Спѣшить мнѣ было уже некуда, и я согласился дать ему два лишнихъ полуимперіала и ѣхать въ объѣздъ, имѣя въ перспективѣ миновать ужасный во всѣхъ отношеніяхъ и зловонный трактъ.

Запаслись мы въ Зимницѣ: я — по баснословной цѣнѣ плохимъ сыромъ, копченой колбасой и нѣсколькими булками, а возница мой — опять овсомъ, чайникомъ и топоромъ; въ тотъ же день подъ вечеръ мы выѣхали изъ Зимницы. Отъѣхавъ верстъ 20 по сравнительно порядочной дорогѣ, какъ только стемнѣло, мы остановились ночевать въ небольшой румынской деревнюшкѣ, гдѣ нашли весьма сносный ночлегъ; даже на ужинъ намъ дали горячую, вкусную мамалыгу (кукурузную кашу) съ хорошимъ свѣжимъ чухонскимъ масломъ. Послѣ ужина и чая я уснулъ богатырскимъ сномъ и прекрасно отдохнулъ.

Выѣхали рано утромъ; часовъ въ двѣнадцать дня опять останавливались въ полѣ, около встрѣтившагося ручья, кормили лошадей, закусывали и пили чай. Вдали, справа виднѣлось Журжево, но ямщикъ, по разспросамъ въ поселкахъ, сообщилъ мнѣ, что оно останется у насъ въ сторонѣ, и что мы пройдемъ прямо во Фратешты, не заѣжая въ Журжево. Онъ видимо совсѣмъ не зналъ дороги, но по разспросамъ у мѣстныхъ жителей прекрасно ориентировался, и дѣйствительно въ шестомъ часу показались Фратешты.

Мой артельщикъ Марковъ очень обрадовался, увидавъ меня здоровымъ и невредимымъ. Въ тотъ же вечеръ уходилъ въ Бухарестъ экстренный поѣздъ, съ которымъ я поѣхалъ туда на нѣсколько дней, чтобы отдохнуть, какъ слѣдуетъ, что во Фратештахъ было положительно невозможно. Тамъ при постоянномъ видѣ раненыхъ, перетаскиванія ихъ въ санитарные поѣзда, суеты и заботъ сестеръ милосердія нервы не могли успокоиться.

Приѣхалъ я въ Бухарестъ ночью. Остановился опять въ той же гостиницѣ Метрополь, гдѣ хозяинъ мадьяръ, Германъ Хернеръ, встрѣтилъ меня уже, какъ стараго знакомаго. Проживъ въ Бухарестѣ нѣсколько дней, я все время пользовался особымъ вниманіемъ и расположеніемъ всей семьи хозяина гостиницы, состоявшей изъ него, его жены и взрослой дочери, дѣвушки лѣтъ восемнадцати, красивой наружности. Они меня увѣряли, что я имъ почему-то особенно симпатиченъ, а въ самомъ недалекомъ будущемъ они дѣйствительно на дѣлѣ доказали мнѣ свои симпатіи и самое искреннее расположеніе.

А. Ауэрбахъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. АУЭРБАХА ¹⁾.

VIII.

Посѣщеніе Рущука, еще занятого турками.—Пароходъ «Катарина» грека Катчигеры.—Браиловъ.—Покупка угля у «Австрійскаго Ллойда».—Молодой Катчигера и аренда мною его парохода.—Занятіе Рущука нашими войсками.

ВЪ БУХАРЕСТѢ я узналъ, что чрезъ нѣсколько дней будетъ объявлено о предварительномъ перемиріи, а въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ заключенъ и окончательный миръ. Я тотчасъ же уѣхалъ изъ Бухареста во Фратешты и Журжево. Приѣзжаю въ Журжево прямо къ пріятелю, моряку С. С. Воронову, который совѣтуетъ мнѣ озаботиться скорѣйшей доставкой моего груза въ Журжево, такъ какъ по объявленіи перемирія завяжутся, вѣроятно, сношенія съ тѣмъ берегомъ Дуная, и на мои товары навѣрное появится большой спросъ.

Возвращаюсь немедленно во Фратешты и вхожу съ начальникомъ станціи въ соглашеніе, чтобы вагоны съ моими товарами и артельщикомъ Марковымъ были доставлены въ Журжево сейчасъ по объявленіи перемирія, а самъ уѣзжаю опять въ Журжево, гдѣ помѣщаюсь у милѣйшаго Сергѣя Сергѣевича Воронова. Отъ него я узналъ, что онъ уже получилъ секретное предписаніе произвести рекогносцировку Дуная, въ цѣ-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. III, стр. 37.

ляхъ выбора удобнаго мѣста для устройства плавучаго моста черезъ Дунай между Журжевомъ и Рущукомъ, и что для этого инженеры заготовляютъ уже лѣсной матеріалъ.

Въ ночь съ 15-го на 16-е января 1878 года, на главномъ руслѣ Дуная начался ледоходъ; нужно сказать, что между Рущукомъ и Журжевомъ, прямо противъ послѣдняго, лежитъ на Дунаѣ большой, въ нѣсколько верстъ, продолговатый поросшій лѣсомъ островъ, съ котораго какъ турки изъ Рущука, такъ и русскіе изъ Журжева снабжали себя топливомъ. Нерѣдко случалось, что рабочія партіи враждующихъ сторонъ встрѣчались на островѣ, и тогда болѣе сильный прогонялъ слабѣйшаго; случалось и такъ, что обѣ партіи рубили лѣсъ на островѣ одновременно—русскіе и румыны въ ближайшей къ Журжеву восточной, а турки въ ближайшей къ Рущуку западной части острова. Главное русло Дуная шло по ту сторону острова, мимо Рущука, а Журжево было расположено собственно на сравнительно узкой и мелководной протоцѣ. Главное теченіе Дуная очистилось ото льда черезъ два дня послѣ начала ледохода, тогда какъ протока еще сравнительно довольно долго оставалась подо льдомъ, и настолько крѣпкимъ, что по немъ свободно ходили и ѣздили, благодаря тому, что въ 1878 году вода была очень не высока и не подняла льда въ протоцѣ.

— Съ завтрашняго дня будетъ объявлено перемиріе,—сказалъ Вороновъ 18-го января, возвратившись изъ штаба,—и завтра же ночью я произведу первую рекогносцировку Дуная.

— Да какъ же вы будете дѣлать рекогносцировку, когда протока еще не прошла?—спросилъ я.

— О, это пустяки! Черезъ протоку и островъ мои молодцы протаскаютъ шлюпки на рукахъ, а за островомъ спустимъ ихъ на воду, ледоходъ уже самый незначительный на самомъ Дунаѣ, и онъ не помѣшаетъ намъ дѣлать промѣры.

— Интересно! да вѣдь турки все-таки васъ не подпустятъ къ своему берегу? Слѣдовательно вы не въ состояніи будете точно измѣрить ширину Дуная въ разныхъ мѣстахъ?

— Ну, тамъ увидимъ,—закончилъ Сергѣй Сергѣевичъ.—А теперь надо выпить и закусить.

— Ковалевъ, водки!—приказалъ онъ своему денщику.

Подошли, по обыкновенію, товарищи-моряки Воронова, и завязался оживленный разговоръ о предстоящей экспедиціи для промѣровъ Дуная.

Рѣшено было отправиться на двухъ шлюпкахъ въ слѣдующемъ составѣ: на одной С. С. Вороновъ и морской врачъ Брандтъ, при шести матросахъ; на другой—мичмана Повалишинъ и Н. (не помню теперь его фамиліи—кажется, Нефедьевъ), тоже при шести матросахъ.

— А я-то съ кѣмъ же?—спросилъ я.

Юные мичманы начали было протестовать, но мой старый пріятель С. С. Вороновъ вступился за меня и положилъ свое veto, что онъ беретъ меня съ собой въ свою шлюпку.

— Съ уговоромъ только,—рѣшилъ онъ смѣясь,—помогать тащить шлюпку по льду и снѣгу до самаго Дуная и отъ коньяка не отказываться!

Я съ удовольствіемъ согласился на эти условія — ужъ очень меня интересовала эта ночная экспедиція, а молодость, здоровье и энергія не допускали и мысли о какой либо опасности.

На утро появились всюду объявленія о заключеніи на мѣсяцъ перемирія и объ условіяхъ его; матросы Воронова весь день были заняты приведеніемъ въ должный порядокъ и изготовленіемъ къ плаванію двухъ прекрасныхъ, вмѣстительныхъ шлюпокъ, и послѣ обѣда, вечеромъ, въ самыя сумерки, наша экспедиція, въ намѣченномъ на канунѣ составѣ, отправилась въ походъ.

Я, бывъ въ легкомъ песцовомъ полушубкѣ и мѣховой изъ каракуля шапкѣ, просто изнемогалъ, таща съ матросами нашу шлюпку, въ которую, кромѣ веселъ, сложили еще порядочный запасъ коньяка и закусокъ. Движеніе наше было настолько медленно, что, покинувъ Журжево около восьми часовъ вечера, мы только къ одиннадцати добрались до главнаго теченія Дуная, тащившись какія нибудь 2—3 версты болѣе 3-хъ часовъ.

Вышли наконецъ къ Дунаю—встрѣтили большое препятствіе для спуска шлюпокъ на воду въ видѣ огромныхъ ледяныхъ глыбъ, вывороченныхъ ледоходомъ на берегъ, благодаря малой водѣ. Но молодцы-матросы живо нашли сравнительно удобное мѣсто, подняли шлюпки на ледяную глыбу и на веревкахъ спустили ихъ на воду съ отвѣсной высоты въ два аршина съ небольшимъ; затѣмъ быстро сами вскочили въ шлюпки, одни изъ нихъ крѣпко держали лодки баграми, цѣпляясь за льдины на берегу, а другіе ловко подхватывали насъ, тоже прыгавшихъ по ихъ примѣру.

Какъ только всѣ заняли свои мѣста, посмотрѣли на часы — оказалось безъ четверти одиннадцать. Вороновъ скомандовалъ прежде всего коньяку. Выпили сами и поднесли матросамъ. Когда отвалили, нанесло еще тучи, и стало совершенно темно. Ёдемъ наобумъ; точныхъ промѣровъ дѣлать при такихъ условіяхъ оказалось невозможнымъ. Въ пути роспили еще бутылку коньяку; вѣрнѣе сказать, ее почти всю выпилъ одинъ Сергѣй Сергѣевичъ, и порядочно-таки захмелѣлъ. Видимъ берегъ, приближаемся. Наконецъ различаемъ, что прямо противъ насъ крутой, довольно высокій берегъ—значить, попали вѣрно на Руцукскую сторону Дуная. Подымаемся противъ теченія, прпдерживаясь берега; на горѣ показываются зданія. (Потомъ оказалось, это былъ вокзалъ желѣзной дороги Руцукъ-Разградъ). Противъ этого зданія Вороновъ приказалъ шлюпкѣ съ мичманами остановиться у самаго берега, при-

ткнувшись къ нему носомъ, и дожидаться насъ здѣсь, а самъ сталъ подыматься вверхъ по теченію, приказавъ при этомъ не шумѣть веслами и не говорить громко. Прошли, должно быть, сажень сотню, не больше, какъ Сергѣй Сергѣевичъ приказалъ причалить къ берегу, на который и вышелъ.

— Дожидаться меня здѣсь, — тихо приказалъ онъ матросамъ. — Я скоро вернусь.

Докторъ Брандтъ и я не вытерпѣли и говоримъ ему тоже почти шопотомъ, что онъ совершаетъ сумасбродство и, здорово живешь, безъ всякой цѣли рискуетъ не только своей собственной шкурой, но и служебной карьерой и т. д. и т. д. Ничего не помогаетъ — Вороновъ уперся, да и только.

— Мнѣ поручено произвести рекогносцировку Дуная, вотъ я и произвожу ее; а разъ я благополучно и безпрепятственно достигъ Руцукскаго берега, то я безусловно долженъ воспользоваться случаемъ и тщательно обследовать и его.

И съ этими словами онъ сталъ удаляться отъ лодки.

Брандтъ и я, зная Воронова вообще за отчаяннаго человѣка и неводержимаго нрава, а чуть выпивши — ему и море по колѣно, выскочили изъ лодки и живо догнали его.

— И мы съ вами, Сергѣй Сергѣевичъ, — сказали мы въ одинъ голосъ.

— Ну, и молодцы! На людяхъ и смерть красна, — отвѣтилъ Вороновъ и зашагалъ дальше.

Мы слѣдовали за нимъ, рѣшительно не понимая, чего онъ хочетъ, и куда онъ лѣзетъ. Удержать его силой и потащить обратно къ лодкѣ было невозможно; онъ нашумѣлъ бы такъ, что мертвые проснулись бы; турки навѣрное подняли бы тревогу и, по меньшей мѣрѣ, забрали бы насъ всѣхъ.

Мы все шли въ гору, подымаясь по довольно отлогому спуску къ Дунаю. Дошли до какой-то широкой, глубокой канавы, перешагнуть чрезъ которую не рискнули, благодаря ея ширинѣ; пошли направо вдоль ея, по мягкому, грязному, очень скользкому грунту. Пройдя нѣсколько шаговъ, видимъ — черезъ канаву положены двѣ широкія доски; едва Вороновъ первый ступилъ на доски, чтобы перейти на другую сторону канавы, какъ слѣва отъ него показался штыкъ и послышался звукъ, какъ будто солдатъ взялъ на караулъ или на плечо, но никакого оклика, никакого опроса. Оказалось, тѣмъ не менѣе, что это былъ одинъ изъ ложементовъ вдоль берега. Мы безпрепятственно перешли на другую сторону ложемента, скоро почувствовали мостовую подъ ногами, по которой и зашагали по довольно крутому, мощеному подъему. Вышли на довольно ровную поверхность, направо увидали домикъ, у воротъ котораго стоялъ часовой. Вороновъ, какъ ни въ чемъ не бывало, проходитъ мимо часового; тотъ, принявъ, вѣроятно, въ

темнотѣ Воронова и Брандта, бывшихъ въ формѣ, за своихъ офицеровъ, а меня за братушку, опять таки безъ всякаго оклика пропустилъ насъ, да еще отдалъ честь, и мы очутились въ одной изъ улицъ Рущука.

Тутъ мы рѣшительно остановили Воронова и стали требовать, чтобы онъ шелъ обратно; но милѣйшій Сергѣй Сергѣевичъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, выпитаго на рѣкѣ коньяка, закусилъ удила и знать ничего изъ хотѣлъ.

— Если ужъ пришли въ городъ, такъ надо |хоть выпить мѣстнаго вина, а безъ этого я отсюда не уйду.

Проговоривъ эти слова, онъ зашагалъ дальше, а за нимъ и мы.

Пройдя немного, попадаемъ на другую улицу, на углу которой довольно большой домъ, посреди котораго надъ открытой дверью горитъ фонарь. Входимъ. Оказалось нѣчто въ родѣ таверны, за столами которой сидятъ турецкіе солдаты, греки и братушки,— даже двухъ нашихъ максимычей, т.-е. донскихъ казаковъ, увидали мы между ними,— всѣ пьютъ вино, братаются, празднуютъ, такъ сказать, объявленное перемиріе. Шумъ, говоръ на разныхъ языкахъ, смѣхъ, даже поцѣлуи раздаются со всѣхъ сторонъ, и хаосъ стоитъ невообразимый.

Вороновъ, нисколько не смущаясь, пробирается между столами, направляясь къ полутворенной, внутренней двери, ведущей въ другую комнату, изъ которой тоже раздаются громкій говоръ и смѣхъ. Отворивъ дверь, мы увидѣли кутящую компанію турецкихъ офицеровъ, видимо страшно озадаченныхъ появленіемъ передъ ними русскихъ офицеровъ. Одинъ изъ турокъ хватается за шашку; Вороновъ за свой кортикъ, а другой молодой и очень благообразной наружности офицеръ вскакиваетъ съ своего мѣста, подходитъ къ намъ, отодвигаетъ очень вѣжливо Воронова назадъ за дверь и начинаетъ на довольно сносномъ французскомъ языкѣ усовѣщивать насъ удалиться, во избѣжаніе могущаго произойти крупнаго скандала.

Какъ мы ни уговаривали Воронова, но онъ и слышать ничего не хотѣлъ, увѣряя, что теперь перемиріе, и что онъ хочетъ также выпить по этому случаю. Тогда молодой турецкій офицеръ предложилъ проводить насъ въ другой кабачокъ, въ болгарскомъ кварталѣ, гдѣ насъ никто не обезпокоитъ, и гдѣ намъ дадутъ гораздо лучшаго вина. Вороновъ наконецъ согласился, и мы вышли.

Дорогой нашъ проводникъ разсказалъ намъ, что онъ военный докторъ, по происхожденію нѣмецъ, служащій въ турецкой арміи, что онъ въ Брандтѣ сейчасъ же узналъ русскаго коллегу и поэтому поспѣшилъ не допускать дѣло до скандала, который непременно затѣяли бы порядочно подпившіе уже эфенди (капитанъ) и бимбаши (штабъ-офицеръ); когда уже онъ узналъ въ

Брандтъ и во мнѣ тоже нѣмецъ и могъ перейти въ разговоръ съ нами на родной ему нѣмецкій языкъ, то онъ пришелъ въ совершенный восторгъ и общалъ не покидать насъ до самого выхода нашего изъ Рущука и охранять насъ все время отъ всякихъ случайностей.

Привелъ онъ насъ весьма скоро къ одинокому домику въ саду, надъ входной дверью котораго тоже горѣлъ фонарь, служившій кабачку вывѣской. Слава Богу, мы никого тамъ не застали и очень удобно расположились въ просторной, чистой комнатѣ и потребовали лучшаго мѣстнаго вина, которое намъ сейчасъ же подали въ кувшинѣ огромнаго размѣра и которое, розоватаго цвѣта, оказалось весьма сноснымъ и вкуснымъ.

Не прошло и четверти часа нашего спокойнаго пребыванія здѣсь, не успѣли мы еще рассказать нашему любезному доктору-проводнику, какимъ образомъ мы вдругъ ночью очутились въ Рущукѣ, какъ входная дверь съ шумомъ отворилась, и появились разыскивавшіе насъ бимбаши и эфенди, въ сопровожденіи двухъ братушекъ. Бимбаши опять схватился было за свою кривую саблю, но у Воронова давно уже прошла всякая горячка, онъ былъ уже въ самомъ благодушномъ расположеніи духа, почему онъ всталъ, подошелъ къ свирѣпому, казалось, бимбаши, обнялъ его одной рукой вокругъ таліи и сказалъ:

— Перестань, не надо. Выпьемъ-ка лучше, какъ слѣдуетъ!

Когда нашъ проводникъ-докторъ перевелъ ему слова Воронова, бимбаши махнулъ рукой, ничего не сказалъ, положилъ свою руку на плечо Воронова и усѣлся рядомъ съ нимъ.

Мы потребовали еще вина и принялись угощать нашихъ непрошенныхъ турецкихъ гостей, хотя надо сознаться, что въ сущности появились мы въ Рущукѣ уже поистинѣ не прошенными.

Эфенди почему-то облюбовалъ меня; нѣсколько разъ обмѣнивался со мной головными сборами, т.-е. надѣвалъ на меня свою феску, а я долженъ былъ нахлобучивать на его голову мою каракулевую шапку—это, какъ объяснилъ мнѣ переводчикъ, будто бы обозначаетъ увѣреніе въ дружбѣ, покровительствѣ и защитѣ на жизнь и смерть.

Немного было нужно, чтобы весьма скоро бимбаши и эфенди совсѣмъ охмелѣли и тутъ же, положивъ свои буйныя головы на столъ, захрапѣли богатырскимъ сномъ, чѣмъ нашъ милѣйшій проводникъ посовѣтовалъ намъ все-таки воспользоваться, чтобы подобру—поздорову убраться изъ Рущука. Да и пора была; скоро должно было начать свѣтать, и воображаю, какъ безпокоились о насъ ожидавшіе насъ на Дунаѣ матросы и мичманы...

Нашъ милый проводникъ остался до конца любезенъ къ намъ; узнавъ, что мы изъ Журжева переѣхали на лодкахъ, онъ повелъ

насъ ближайшей дорогой прямо къ Дунаю, такъ какъ мы никакъ не могли ему объяснить, въ какой мѣстности собственно мы оставили наши шлюпки. Проводивъ насъ до ложементъ, проложеннаго, какъ оказалось, вдоль всего Рущукскаго берега, онъ дружески пожалъ наши руки и пошелъ обратно въ городъ, а мы, подойдя къ самому Дунаю, взяли направленье внизъ по теченію, такъ какъ шли вверхъ.

Пройдя нѣсколько сажень, мы увидѣли стоящій у берега пароходъ, на который съ берега былъ положенъ трапъ. Я подъ предлогомъ справиться, вѣрно ли мы взяли направленье, взбѣжалъ по трапу на пароходъ, а Вороновъ, не твердо державшійся на ногахъ, и Брандтъ остались дожидаться меня на берегу. На пароходѣ я сейчасть же увидѣлъ мрачную фигуру, шагающую по палубѣ; подхожу къ ней и узнаю, что это самъ капитанъ парохода; вижу его не въ фескѣ и спрашиваю по-французски: «чей это пароходъ?» Онъ отвѣчаетъ мнѣ на ломаномъ французскомъ языкѣ:

— Греческій.

— Какъ же вы сюда попали?

— Еще въ апрѣлѣ прошлаго года шли мы изъ Галаца въ Турнъ-Северинъ съ грузомъ кукурузы, на трехъ баржахъ. Здѣсь насъ турки остановили 28-го апрѣля, забрали нашу кукурузу, и никуда насъ не отпустили, такъ сказать, конфисковали насъ.

— И съ тѣхъ поръ вы стоите здѣсь? Какъ васъ не затерло ледоходомъ? Гдѣ же вашъ хозяинъ?

— Зимовали мы вмѣстѣ съ двумя турецкими броненосцами, подъ ихъ карауломъ, въ имѣющемся небольшомъ затонѣ на островѣ, противъ Рущука и вышли оттуда только сегодня подъ вечеръ. Пovyше насъ стоитъ одинъ броненосецъ, а другой—ниже насъ. А бѣдный мой хозяинъ, грекъ Катчигера, живетъ постоянно въ Брайловѣ, имѣетъ тамъ свой домъ, вѣроятно, оплакиваетъ насъ, считая погибшими, такъ какъ вотъ уже почти годъ не имѣетъ объ насъ никакихъ извѣстій.

— Что же дальше съ вами будетъ?

— Война, вѣроятно, скоро кончится. Послѣ перемирія заключать миръ; придутъ русскіе, вѣроятно, тогда они конфискуютъ насъ, потому что будутъ нуждаться въ перевозочныхъ средствахъ, а наша «Катарина»—прекрасный работникъ.

— Хотите, я дамъ знать о васъ вашему хозяину?

— О милый господинъ! вы окажете этимъ большое одолженіе и намъ, и нашему хозяину.

Мы крѣпко пожали другъ другу руки и разстались—я побѣжалъ на берегъ, а капитанъ направился въ свою каюту.

Во время этого разговора меня внезапно ослѣнила счастливая мысль, готорую я и привелъ въ исполненіе въ самомъ непродол-

жительномъ времени. Но объ этомъ буду говорить дальше. Когда я увѣрилъ моихъ спутниковъ, что мы идемъ вѣрно, отправились дальше по тому же направленію; вскорѣ прошли мимо турецкаго броненосца, стоявшаго на якорѣ, повидимому, на самой серединѣ Дуная, а саженьъ черезъ двѣсти добрали благополучно и до своей шлюпки. Бѣдные матросики, боясь шумѣть и бѣгать, чтобы согрѣваться, перезябли порядочно и сильно безпокоились за насъ. Мы, конечно, тотчасъ же угостили ихъ хорошей порціей коньяку и поплыли «внизъ по батюшкѣ Дунаю». Противъ вокзала, гдѣ тоже въ большемъ безпокойствѣ дожидалась насъ другая шлюпка съ мичманами, мы соединились и вмѣстѣ дружно понеслись внизъ по теченію, миновали Журжево и пристали къ берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ главное русло Дуная переходитъ къ лѣвому берегу, и гдѣ въ мирное время расположены пристань Журжево и угольный складъ пароходства «Австрійскаго Ллойда».

Въ это время, конечно, никакой пароходной пристани тамъ не было, но складъ угля-брикета былъ еще весьма значительный, хотя его во время войны порядочно-таки растаскивали румынскіе и русскіе солдаты да оставшіеся въ Журжевѣ жители.

Только около шести часовъ утра мы добрались уже пѣшкомъ отъ того мѣста, гдѣ мы причалили, до квартиры Воронова. Мичманы и докторъ ушли къ себѣ, Вороновъ завалился спать, а я, наскоро собравшись, велѣлъ позвать себѣ извозчика и поѣхалъ на желѣзную дорогу къ поѣзду, отходившему въ Бухарестъ въ 8 часовъ утра.

Когда я пріѣхалъ во Фратешты и подсчиталъ съ моимъ артельщикомъ Марковымъ всѣ расходы и накладные расходы по доставкѣ моихъ злосчастныхъ вагоновъ отъ Москвы до Фратештъ, не считая еще предстоящихъ расходовъ по дальнѣйшей доставкѣ въ Болгарію, оказалось, что всѣ товары намъ обошлись самымъ настолько дорого, что, продавъ ихъ даже по баснословнымъ маркитантскимъ цѣнамъ, намъ пришлось бы все-таки взять значительный убытокъ, совсѣмъ не достигнувъ намѣченной цѣли—по возможности удешевить войскамъ предметы первой необходимости. Такъ, напримѣръ, бутылка Поповской или Смирновской водки, стоившая въ Москвѣ 45 коп. кредитными, обходилась намъ уже во Фратештахъ по 1 рублю 50 коп. золотомъ; фунтъ сахару, купленный въ Москвѣ по 14 коп. кредитными, стоилъ намъ во Фратештахъ уже почти по 2 франка, и т. д., все въ той же пропорціи.

Озадаченный произведеннымъ подсчетомъ, убѣдившись въ невозможности достигнуть при такихъ условіяхъ намѣченной цѣли, не желая ввести себя и моихъ товарищей по отправкѣ этихъ товаровъ въ значительные убытки, наконецъ задѣтый за живое въ своемъ самолюбіи, что де я не сумѣлъ исполнить взятое на себя порученіе, я рѣшилъ пуститься въ предпріятіе, мысль о которомъ

осѣнила меня при посѣщеніи греческаго парохода въ Рушукѣ, которое дало бы мнѣ возможность дешево продать войскамъ привезенные мною товары, покрыть всѣ убытки и даже доставить хорошій дивидендъ, никого не обижая.

Вообразивъ, что пароходъ, въ которомъ, конечно, сразу будетъ величайшая потребность, хотя бы для одного сообщенія лицъ и перевозки грузовъ между Журжевомъ и Рушукомъ (когда-то еще выстроить плавучій мостъ?), можетъ оказать мнѣ въ этомъ отношеніи большую услугу, я рѣшилъ взять эту самую греческую «Катарину» въ аренду, для чего немедленно отправился изъ Фратештъ въ Браиловъ, гдѣ, по словамъ капитана, проживалъ ея хозяинъ.

Пріѣхалъ я въ Браиловъ около трехъ часовъ дня; скоро нашелъ грека, старика Катчигеру, который довольно сносно объяснялся по-французски.

Есть поговорка: «не тотъ жидъ—кто еврей, а тотъ жидъ—кто жидъ», а продолженіе этой поговорки слѣдующее: «но хуже жида—армянинъ, а еще хуже армянина—грекъ». Руководствуясь этимъ правиломъ, надо было вести дѣло умненько и осторожно.

Прежде всего, отрекомендовавшись греку русскимъ, я повелъ дѣло такъ:

— Есть у васъ пароходъ «Катарина»?

— И есть, и нѣтъ,—грустно отвѣчалъ старикъ.—Вотъ уже болѣе девяти мѣсяцевъ онъ пропалъ у насъ безъ вѣсти, и мы никакъ не можемъ найти его.

— Отдайте мнѣ его въ аренду,—озадачилъ я грека.

— Что-о-о?!—удивился онъ.—Какъ же я отдамъ вамъ въ аренду то, чѣмъ я сейчасъ не владѣю?

— Это ужъ мое дѣло. Вамъ же лучше получать хоть что нибудь за то, чего у васъ нѣтъ, а я постараюсь найти вашу «Катарину», чтобы воспользоваться ею и ея тремя баржами и не даромъ платить вамъ аренду.

— Какъ? вы знаете, что при ней были три баржи?

— Да, только ужъ безъ кукурузы,—посмѣялся я.

— Значитъ, вы знаете, гдѣ она? Цѣла она и невредима? И баржи тоже? Ради Бога говорите скорѣе!—заволновался старикъ.

Само собой разумѣется, что открыть греку карты было бы глупо.

— Гдѣ собственно ваши пароходъ и баржи, я не знаю, но надѣюсь найти ихъ за время объявленнаго перемирія и тогда начать работать ими. Ну, а если мнѣ не удастся, найти ихъ и воспользоваться ими, то мои арендные денежки пропадутъ, а вамъ онѣ свалятся съ неба,—сказалъ я хладнокровно.

Старый грекъ видимо не могъ понять, какъ это вдругъ чловѣкъ хочетъ платить аренду за несуществующее въ настоящее

время имущество. Видимо, онъ сталъ подозрѣвать, уже не съ сумасшедшимъ ли онъ имѣетъ дѣло, да и жадность-то въ немъ тоже заговорила, какъ бы не продешевить. Долго, внимательно и подозрительно смотрѣлъ онъ на меня молча и наконецъ проговорилъ:

— Видите, пароходъ «Катарину» и три баржи я два года тому назадъ подарилъ моему старшему сыну Николѣ, съ которымъ вамъ и придется имѣть дѣло. Но его сейчасъ нѣтъ дома: онъ въ Галацѣ, все ищетъ свою «Катарину» и наводитъ о ней справки.

— Когда же вашъ сынъ будетъ въ Браиловѣ?

— Ожидаемъ его завтра вечеромъ.

— Такъ передайте ему, что меня можно видѣть въ Бухарестѣ въ гостиницѣ «Метрополь» Хёрнера, куда я ѣду сегодня же вечеромъ и гдѣ пробуду дней пять. Отъ своихъ словъ и обѣщаній я никогда не отказываюсь и не отпираюсь.

На этомъ мы распрощались, и въ тотъ же вечеръ я уѣхалъ въ Бухарестъ.

Черезъ два дня пріѣхалъ ко мнѣ молодой грекъ, Николай Катчигера, прекрасно одѣтый и весьма представительной наружности. Онъ такъ же, какъ и отецъ его, видимо, принялъ меня за полоумнаго, но такъ же не прочь былъ проэксплоатировать меня и хлопоталъ только объ одномъ, какъ бы слупить съ меня, сколько возможно больше. Послѣ почти трехдневныхъ переговоровъ, все время страшно интриговавшихъ Катчигеру, мы наконецъ пришли къ соглашенію и отправились къ нотаріусу для заключенія формальнаго контракта. По этому контракту я принималъ на себя всѣ хлопоты по разысканію мѣста нахожденія принадлежащаго Катчигерѣ парохода «Катарина», съ тремя при немъ баржами, по освобожденію ихъ отъ секвестра, и въ случаѣ удачи я бралъ на себя управленіе работой и движеніемъ ихъ въ теченіе навигаціи 1878 года, а Катчигера, соглашаясь отдать мнѣ пароходъ и баржи въ мое распоряженіе и пользованіе въ случаѣ нахожденія мною ихъ въ исправномъ видѣ, имѣетъ получать съ меня арендную плату, въ размѣрѣ половины чистой прибыли отъ предпріятія; срокъ, въ который я долженъ былъ разыскать пароходъ и баржи, объявить ему о мѣстѣ ихъ нахожденія и состоянія и принять ихъ въ мое завѣдываніе, опредѣленъ былъ двухнедѣльный, по минованіи коего, если бы я ихъ не нашелъ или отказался принять ихъ, контрактъ этотъ теряетъ силу и считается уничтоженнымъ.

Довольные, казалось, другъ другомъ, мы разстались, и я сейчасъ же уѣхалъ въ Журжево. Тамъ я немедленно отправился къ австрійскому консулу и агенту «Австрійскаго Ллойда» и, къ великому его удивленію, предложилъ ему продать мнѣ оптомъ весь сохранившійся еще на складѣ брикетъ; онъ съ удовольствіемъ продалъ мнѣ его за безцѣнокъ, считая его давно уже пропавшимъ,

а, получая съ меня деньги, даже пожалѣлъ меня, что я выбросилъ деньги въ окошко, такъ какъ охранить брикетъ отъ безнаказаннаго расхищенія его войсками и жителями нѣтъ никакой возможности.

С. С. Вороновъ, узнавъ обо всемъ, содѣяннымъ мною за время моего отсутствія изъ Журжева, пришелъ въ совершеннѣйшій восторгъ и находилъ всѣ мои мысли и соображенія гениальными.

— Только уговоръ дороже денегъ,—говорилъ онъ:—когда придутъ мои паровые катера изъ Зимницы, то безпрепятственно, за приличную, конечно, цѣну отпускать имъ уголь изъ вашего теперя склада.

— Хорошо; только въ такомъ случаѣ и я поставлю вамъ условіе,—обрадовался я возможности охранить мой брикетъ.

— Какое?

— Вы должны сейчасъ же поставить караулъ на складѣ, для охраны его отъ расхищенія, а я за это буду отпускать брикетъ вашимъ катерамъ на 5 коп. въ пудъ дешевле, чѣмъ другимъ пароходамъ и лицамъ.

— Abgemacht!—хлопнувъ меня по рукѣ, сказалъ Вороновъ и сейчасъ же сдѣлалъ должное распоряженіе.

Между нами было также условлено пока помалкивать обо всемъ.

Теперь, обезпечивъ себя и топливомъ, мнѣ оставалось только ждать, когда же наконецъ будетъ заключенъ предварительный миръ. Останется ли «Катарина» въ Руцукѣ? и какъ мнѣ завладѣть ею и баржами? А вдругъ турки, очищая Руцукъ, заберутъ ее съ собой и повезутъ на ней своихъ людей и припасы?... и тому подобныя мысли не давали мнѣ покоя.

Было извѣстно, что въ Санъ-Стефано ведутся переговоры о мирѣ, но когда, что и какъ,—никто ничего не зналъ, а срокъ моего контракта съ Катчигерой приходилъ къ концу.

За два дня до срока я пріѣхалъ въ Бухарестъ, куда не преминулъ явиться и Николай Катчигера. Когда я ему сообщилъ, что я его пароходъ и баржи нашелъ, но отказался сообщить ему, гдѣ они находятся, онъ сначала какъ будто не повѣрилъ мнѣ, но затѣмъ жадность все-таки заговорила въ немъ, и онъ началъ приставать ко мнѣ, чтобы я начиналъ сейчасъ же работать ими, чтобы я какъ можно скорѣе шелъ съ ними въ Галацъ, гдѣ онъ сейчасъ же добудетъ грузъ и т. д., не принимая во вниманіе всѣхъ доводовъ, приводимыхъ мною въ доказательство невозможности исполненія его плановъ.

Тогда я рѣшилъ совершенно переимѣнить съ нимъ тактику и сразу буквально огорошилъ его вопросомъ:

— А гдѣ же взять каменный уголь, чтобы итти въ Галацъ? Катчигера задумался.

— А на чемъ же вы думали работать?—спросилъ онъ меня въ свою очередь.

— Для работы у меня есть уголь здѣсь,—отвѣчалъ я,—и по моимъ расчетамъ его хватитъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

— Гдѣ же вы его взяли?—удивился Катчигера.

— Я купилъ у австрійскаго консула въ Журжевѣ весь тамошній складъ угля «Австрійскаго Ллойда».

— Значить, вы будете уже за свой счетъ снабжать пароходъ углемъ?

— Непремѣнно, и буду брать за него хорошую цѣну, потому что отъ нашего компанейскаго съ вами пароходнаго дѣла, еще одному Богу только извѣстно, что выйдетъ. Ну, а на углѣ-то я лично во всякомъ случаѣ хорошо наживу.

Катчигера пришелъ въ уныніе, но недовѣріе ко мнѣ, незнакомому ему человѣку, и присущая грекамъ жадность къ деньгамъ заставили его быстро прійти въ себя и попробовать сдѣлать мнѣ, казалось, отчаянное предложеніе:

— Такъ не согласитесь ли вы взять у меня пароходъ и баржи въ аренду за опредѣленную ежедневную плату, а заключенный нами компанейскій контрактъ уничтожить?—спросилъ онъ.

Этотъ вопросъ Катчигеры, въ свою очередь, слегка озадачилъ меня, хотя я ничего не имѣлъ противъ него, потому что для насъ обоихъ, совсѣмъ не знавшихъ другъ друга, компанейское дѣло не могло быть особенно заманчивымъ, но послѣ покупки угля у меня оставалось въ карманѣ только нѣсколько десятковъ золотыхъ, да и Господь знаетъ, когда еще придется воспользоваться пароходомъ, да, можетъ быть, и совсѣмъ не придется, а греку надо будетъ все-таки платить, и это ставило меня въ затрудненіе. Быстро сообразивъ все и подумавъ: «qui ne risque rien, ne gagne rien», я спросилъ грека:

— А на какихъ условіяхъ вы желали бы привести ваше предложеніе въ исполненіе?

— О, объ этомъ надо подумать,—отвѣтилъ Катчигера.

— Конечно,—сказалъ я.—Такъ до завтра, до двѣнадцати часовъ. Будемъ вмѣстѣ завтракать и постараемся договориться до чегонибудь.

Катчигера ушелъ, а я очень и очень задумался.

«Куда я лѣзу? Не знаю ни мѣстныхъ условій, ни цѣнъ... Съ пароходнымъ дѣломъ знакомъ сравнительно очень мало... Господь еще знаетъ, что будетъ»... Но какой-то инстинктъ подсказывалъ мнѣ не упускать случая поправить дѣла и выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія... На утро я совершенно успокоился, рѣшивъ предоставить все волѣ Божіей, а тамъ видно будетъ.

Ровно въ 12 часовъ мы сошлись въ условленномъ ресторанѣ и заняли отдѣльный кабинетъ. Ъли прекрасную дунайскую голу-

бую форель, запивали ее рейнвейномъ и за кофе только начали разговоръ объ интересовавшемъ насъ дѣлѣ.

Катчигера запросилъ съ меня аренды 5.000 франковъ, что выходило по курсу почти по 2.000 рублей въ день, при чемъ онъ, не желая оставлять свое имущество безъ извѣстнаго ему надзора, принималъ на себя расходы по содержанію капитана, служащихъ и матросовъ, а также по снабженію парохода и баржей всѣми необходимыми матеріалами, такелажемъ и топливомъ, при чемъ я за свой уголь въ Журжевѣ долженъ былъ брать не дороже одного франка за пудъ, обязывался платить аренду за мѣсяцъ впередъ, и мнѣ предоставлялось распоряжаться пароходомъ и баржами уже по единоличному моему усмотрѣнію; наконецъ срокъ аренды онъ назначалъ по 1-е октября 1878 года.

Вижу, что грекъ думаетъ меня околпачить, что онъ назначаетъ какую-то совсѣмъ несуразную цѣну, но, зная и русскую поговорку: «запросъ кармана не деретъ», я не палъ духомъ, однако имѣлъ неосторожность предложить ему любую половину.

Катчигера, убѣдившись въ моемъ невѣдѣніи мѣстныхъ цѣнъ и условій и неопытности въ этомъ дѣлѣ, уперся и не шелъ ни на какія уступки, опираясь на войну, которая де баснословно подняла цѣны на все. Тогда я предложилъ ему или остаться при нашемъ контрактѣ, чего ему, видимо, страшно не хотѣлось, или предоставить мнѣ право подумать и сообразиться. На это онъ сейчасъ же согласился, и мы опять разстались съ нимъ до 12 часовъ слѣдующаго дня, назначивъ свиданіе опять въ томъ же ресторанѣ.

Придя домой, я рѣшился посоветоваться съ хозяиномъ моей гостиницы, для чего и попросилъ его къ себѣ въ номеръ. Онъ очень внимательно выслушалъ меня, вполне одобрилъ мои планы, отнесся ко мнѣ очень сочувственно, но и онъ (мадьярскій еврей) удивился алчности и безсовѣстности грека Катчигеры. По подробномъ обсужденіи всѣхъ предложенныхъ грекомъ условій, принимая во вниманіе военное время, когда дѣйствительно все вздорожало, онъ находилъ возможнымъ предложить ему за все по 2.000 франковъ въ день, съ уплатой этой аренды не болѣе, какъ за двѣ недѣли впередъ. Когда же я ему объяснилъ, что у меня денегъ осталось ужъ мало, онъ очень любезно сказалъ мнѣ:

— Это пустяки! Можете рассчитывать, что сорокъ—пятьдесятъ тысячъ франковъ, которыми вы можете воспользоваться во всякій моментъ и располагать ими два-три мѣсяца, всегда найдутся у меня.

— А за какіе проценты?—спросилъ я.

— О! это пустяки, о которыхъ и разговаривать не стоитъ,—успокоилъ онъ меня.—Не упускайте только этого очень хорошаго дѣла.

Такъ-то подтвердилось на дѣлѣ упомянутое мною выше искреннее расположеніе ко мнѣ Г. Хёрнера, еврея-венгерца, который, не требуя отъ меня никакого обезпеченія, не зная меня коротко, а только изъ одной ко мнѣ симпатіи, предоставлялъ мнѣ «*roulmes beaux yeux*», такъ сказать, весьма значительную сумму—цѣлый капиталъ.

На другой день переговоры съ Катчигерой, весьма скоро убѣдившимся, что совсѣмъ обойти меня вовсе не такъ легко, продолжались недолго, и мы пришли къ соглашенію на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: онъ отдаетъ мнѣ свой пароходъ «Катарина» съ тремя баржами въ аренду на срокъ до минованія моей въ немъ надобности, но не менѣе какъ, на 3 мѣсяца, съ платою по 2.500 фр. за каждыя сутки, при чемъ онъ принимаетъ на себя всѣ расходы, какъ было говорено наканунѣ; я обязываюсь отпускать ему уголь изъ своего склада въ Журжевѣ по одному франку за пудъ и уплачивать аренду по прошествіи каждыхъ семи дней, начиная со дня заключенія контракта у нотаріуса, за вычетомъ стоимости забраннаго пароходомъ въ теченіе этого времени угля; если по какимъ либо причинамъ, которыхъ сейчасъ предусмотрѣть невозможно, мнѣ совсѣмъ не удалось бы воспользоваться его пароходомъ и баржами, то контрактъ уничтожается, а заплаченныхъ мною уже арендныхъ денегъ онъ ни въ какомъ случаѣ мнѣ не возвращаетъ.

Запили мы наше соглашеніе замороженной бутылкой «вдовы Клико», отправились къ нотаріусу, у котораго уничтожили старый контрактъ, заключили новый и въ тотъ же день вечеромъ разъѣхались: онъ—въ Браиловъ, я—въ Журжево, заручившись отъ него письмомъ къ капитану «Катарины», которымъ онъ предписывалъ ему поступить въ мое распоряженіе.

Недѣля подходила къ концу, надо было платить Катчигерѣ первую аренду, а объ окончаніи военныхъ дѣйствій и помину еще не было. Пришлось къ сроку пріѣхать въ Бухарестъ и обратиться за помощію къ моему хозяину, Г. Хёрнеру. Черезъ часъ съ небольшимъ на моемъ столѣ уже красовались стопочками двѣ тысячи двадцати-франковыхъ наполеоновъ, въ полученіи коихъ Хёрнеръ взялъ съ меня расписку на простой бумагѣ, съ обязательствомъ уплачивать ему по расчету 3% въ мѣсяцъ, по мѣрѣ уплаты капитальнаго долга, т.-е. только за то время и съ той суммы, которая будетъ мною возвращаться ему, если уплату долга я буду производить по частямъ. Проценты эти, конечно, не маленькіе, но по тѣмъ временамъ и въ моемъ положеніи Г. Хёрнеръ поистинѣ лишь выручалъ меня и дѣлалъ мнѣ огромное одолженіе.

Внесъ я деньги нотаріусу еще за день до срока, поспѣшилъ возвратиться въ Журжево и къ величайшей радости уже 15-го фев-

раля узналъ отъ Воронова, что 19-го фѣвраля будетъ объявленъ предварительный миръ, по которому де турецкія войска обязаны очистить Болгарію и съ 19-го февраля передать всѣ крѣпости русскимъ войскамъ. Такимъ образомъ и г. Руцукъ съ его грозной «Арабъ-Табіей» долженъ былъ быть занятъ нашими войсками 19-го числа.

На другой же день вѣрность сообщенныхъ мнѣ С. С. Вороновымъ свѣдѣній начала подтверждаться—на томъ берегу Дуная было замѣтно и ясно видимо въ бинокль большое движеніе. По Разградскому шоссе потянулись изъ Руцука турецкія войска всѣхъ родовъ оружія, ушелъ также внизъ по Дунаю одинъ изъ мониторовъ; въ послѣдующіе дни это удаленіе турецкихъ войскъ продолжалось безостановочно, и 18-го февраля утромъ ушелъ и второй мониторъ, а въ Журжевѣ были всюду вывѣшены официальные объявленія о заключеніи мира и о занятіи 19-го февраля Руцука нашими войсками.

Теперь мнѣ надо было позаботиться попасть на пароходъ «Катарина» непременно раньше занятія Руцука нашими войсками.

Милѣйшій Сергѣй Сергѣевичъ Вороновъ помогъ мнѣ въ этомъ, предоставивъ въ мое распоряженіе шлюпку съ четырьмя матросами, которые въ ночь съ 18-го на 19-е февраля тихо доставили меня благополучно до борта заарендованнаго мною парохода и, получивъ приличное вознагражденіе, такъ же тихо, не производя ни малѣйшаго шума веслами, отплыли тотчасъ же обратно въ Журжево, чтобы добраться до него, пока еще не начало свѣтать.

Разбудили капитана парохода, который, благодаря моему характерному полусубку, сейчасъ же призналъ меня и очень обрадовался, когда я предъявилъ ему контрактъ и письмо къ нему отъ Катчигеры. Обрадовался онъ уже потому, что избавился отъ турокъ и пугавшаго его весьма вѣроятнаго секвестра парохода и баржей русскими. Онъ сейчасъ же предложилъ мнѣ турецкаго чернаго кофе, но я отъ него отказался, чувствуя себя страшно утомленнымъ, и предпочелъ завалиться въ каютѣ, передавъ капитану русскій коммерческій флагъ и приказавъ поднять его съ разсвѣтомъ.

Въ 6 часовъ утра меня разбудили сообщеніемъ, что меня желаетъ видѣть русскій офицеръ, которому сказали, что пароходъ этотъ русскій, и самъ хозяинъ его отдыхаетъ въ каютѣ. По его строгому приказанію «немедленно разбудить хозяина» приближали будить меня.

Я быстро вскочилъ и вышелъ на верхнюю палубу, гдѣ нетерпѣливо шагаль русскій офицеръ, штабсъ-капитанъ въ адъютантской формѣ. Онъ сейчасъ же направился ко мнѣ и довольно сурово спросилъ:

— Vous êtes le maître de ce bateau à vapeur? C'est à vous qu'il appartient?

— Да, пароходъ мой,—отвѣчалъ я ему по-русски.—Честь имѣю представиться—московскій 1-ой гильдіи купецъ Андрей Андреевичъ Ауэрбахъ.

— Какъ вы сюда попали?—удивился адъютантъ.—Увидавъ русскій флагъ на пароходѣ, грѣшный человѣкъ, я не повѣрилъ ему и подумалъ, что насъ хотятъ обмануть какъ нибудь.

— Но теперь вы убѣдились, что сами обманулись.

— Но какъ вы-то сюда попали?

— Рассказывать объ этомъ, капитанъ, будетъ довольно долго, а вѣдь вамъ, вѣроятно, нужно что нибудь?

— И очень нужно, конечно. Мнѣ приказано было временно-командующимъ сейчасъ Руцукскимъ отрядомъ, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, забрать какъ можно скорѣе всѣ могущія только найтись здѣсь на Дунаѣ перевозочныя средства, до мельчайшихъ лодченокъ включительно. Я такъ обрадовался, когда нашелъ у берега пароходъ, да еще съ тремя баржами, а тутъ вдругъ забрать его и нельзя! Обидно, если онъ въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ русскому подданному?!...

— Это дѣйствительно существуетъ, г. капитанъ, и я во всякое время могу доказать это документами, но имѣйте въ виду, что я москвичъ и всегда готовъ быть полезнымъ русскимъ войскамъ и своимъ землякамъ, чѣмъ только могу.

Капитанъ взялъ подъ козырекъ и ушелъ, а я спустился въ каюту досыпать.

Не прошло и часа, какъ меня опять разбудили, и тотъ же адъютантъ передалъ мнѣ, что временно-командующій Руцукскимъ отрядомъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ (впослѣдствіи главноначальствующій на Кавказѣ), проситъ меня немедленно пожаловать къ нему. Извинившись, что у меня здѣсь нѣтъ другого платья, кромѣ полушубка, на мнѣ надѣтаго, я вмѣстѣ съ адъютантомъ отправился къ князю, который сейчасъ же принялъ меня и спросилъ: «какъ вы сюда попали?»

Послѣ того, какъ я вкратцѣ сообщилъ ему всю правду, онъ улынулся и сказалъ:

— Можете ли вы взять на себя наискорѣйшую доставку намъ сюда по Дунаю провіанта изъ Батинскаго склада?

— Могу, ваше сіятельство. Въ моемъ распоряженіи восьмидесятисильный пароходъ съ тремя баржами въ шестьдесятъ тысячъ пудовъ емкости каждая.

— Видите ли,—продолжалъ князь,—мы полагали, что у турокъ здѣсь должны быть большіе запасы, но оказывается, что они успѣли вывезти почти все. Скоро ли вы можете доставить намъ..... ну, хоть одну баржу съ самыми необходимыми продуктами и потомъ перевезти сюда весь Батинскій складъ?

— А далеко ли отсюда этотъ самый Батинскій складъ, ваше сіятельство?

— Около тридцати верстъ сухимъ путемъ, а водой—не знаю.

— Въ такомъ случаѣ, если только не будетъ задержки въ на-
грузкѣ, одну баржу съ самыми необходимыми продуктами можно
будетъ доставить завтра же; что же касается времени, потребнаго
для перевозки сюда всего склада, то это зависитъ отъ количества
грузовъ, имѣющихся въ немъ.

— А почему возьмете вы съ пуда?

— На это, ваше сіятельство, я вамъ сразу отвѣтить не могу,
не зная точно ни разстоянія, ни мѣстныхъ условій, ни времени,
которое придется потратить на это пароходу и баржамъ.

— А когда же вы можете дать отвѣтъ?

— Весьма скоро, князь, только позвольте сходить мнѣ посо-
вѣтоваться съ командиромъ парохода, который отлично знаетъ
рѣку и всѣ мѣстныя условія; не болѣе какъ черезъ часъ я могу
опять быть у васъ.

— И прекрасно. Идите и возвращайтесь скорѣе, а я тѣмъ
временемъ вытребую къ себѣ интенданта отряда, который сообщитъ
намъ о количествѣ всѣхъ грузовъ въ Батинѣ,—и князь очень лю-
безно распрощался со мной.

Отъ капитана Павла я узналъ, что до Батина всего 30 кило-
метровъ, что подниматься до него по Дунаю съ тремя порожними
баржами надо часовъ отъ 4-хъ до 6-ти, смотря по погодѣ, а спу-
скается съ груженными баржами—часа 2—3; что же касается цѣны,
то она много зависитъ отъ того, во сколько обойдется нагрузка
баржей въ Батинѣ и выгрузка ихъ въ Рущукъ, но что, во вся-
комъ случаѣ, по одному франку съ пуда будетъ цѣна хорошая.

Менѣ чѣмъ черезъ часъ я возвратился къ князю Дондукову-
Корсакову, который очень обрадовался, увидѣвъ меня такъ скоро.
Черезъ нѣсколько минутъ доложили и о приходѣ отряднаго интен-
данта, къ которому князь сейчасъ же и обратился при мнѣ со
слѣдующими вопросами:

— Далеко ли отсюда до Батина?

— Верстъ 30, ваше сіятельство.

— Сколько у насъ всего грузовъ на складѣ въ Батинѣ?

— Около трехсотъ тысячъ пудовъ, ваше сіятельство.

— Какіе продукты намъ сейчасъ крайне необходимы?

— Мука, крупы, овесъ и ячмень, ваше сіятельство.

— Такъ вотъ, г. Ауэрбахъ, что вы теперь скажете намъ?—
обратился князь ко мнѣ.

— Позвольте и мнѣ, ваше сіятельство, предложить нѣсколько
вопросовъ г. полковнику.

— Пожалуйста.

— Скажите, пожалуйста, полковникъ,—обратился я къ интен-
данту:—какими иными средствами могли бы вы доставлять про-
дукты изъ Батинскаго склада въ Рущукъ, если бы не появились
мои баржи съ пароходомъ?

— Единственно только погонцами,—отвѣчалъ интендантъ.
— А сколько пудовъ можетъ поднимать каждая подвода?
— При настоящей распутицѣ—не болѣе 10—15 пудовъ.
— Такъ что вамъ потребовалось бы до тридцати тысячъ подводъ, чтобы поднять Батинскій складъ?

— Да, не меньше.

— А сколько же погонцевъ вы можете имѣть для этого въ вашемъ распоряженіи, и сколько времени нужно погонцу на каждый оборотъ?

— Отъ двухъ до трехъ сотъ погонцевъ. Обернуться же, при страшной заморенности ихъ лошадей, каждый погонецъ сможетъ не скорѣе 4—5 дней туда и обратно.

— Слѣдовательно, вамъ потребовалось бы болѣе пяти мѣсяцевъ, чтобы доставить сюда весь Батинскій складъ?

— Совершенно вѣрно.

— Такъ во сколько же вамъ обошлась бы доставка каждого пуда?

— Да по три франка съ небольшимъ.

Князь все время внимательно слушалъ.

— Теперь я могу, ваше сіятельство, — обратился я къ князю Дондукову-Корсакову, — сообщить вамъ свои соображенія и условія, на которыхъ я могу взяться доставить своими пароходомъ и баржами весь Батинскій складъ въ Руцукъ.

— Говорите, — коротко сказалъ князь.

— По наведеннымъ мною справкамъ, рабочихъ для нагрузки въ Батинѣ достать невозможно. Но такъ какъ тамъ есть войска, то нагрузка въ Батинѣ должна безъ задержки производиться казенными средствами и рабочими.

— Тамъ цѣлый Херсонскій пѣхотный полкъ можетъ нагружать, — перебилъ меня князь, — да и здѣсь въ Руцукѣ выгрузка можетъ тоже производиться войсками, и на васъ не будутъ возложены ни нагрузка, ни выгрузка—это будетъ забота наша.

— Очень радъ, ваше сіятельство. Въ такомъ случаѣ я могу взять по одному франку съ пуда, а не по три слишкомъ, какъ это обошлось бы казнѣ при доставкѣ погонцами, и обязаться доставить въ Руцукъ всѣ продукты изъ Батина, если ихъ тамъ не больше трехъ сотъ тысячъ пудовъ, въ три приѣма, и если не будетъ ни малѣйшей задержки въ нагрузкѣ и выгрузкѣ, считая на то и другое по двое сутокъ, то не въ пять мѣсяцевъ, а менѣе, чѣмъ въ три недѣли, весь Батинскій складъ будетъ перевезенъ въ Руцукъ.

— Да это для насъ просто кладъ, — сказалъ князь весело. — А когда же вы можете приступить къ работѣ?

— Если меня не задержатъ необходимыми предписаніями къ смотрителю Батинскаго склада объ отпускѣ продуктовъ на мои баржи и Херсонскому полку о нагрузкѣ, то я сегодня же къ

вечеру могу быть въ Батинѣ, а завтра къ вечеру, при успѣшной тамъ нагрузкѣ, первая баржа съ самыми необходимыми продуктами будетъ уже въ Рушукѣ.

— Превосходно! Такъ начинайте же съ Богомъ, — протянулъ мнѣ князь руку. — Всѣ предписанія и распоряженія будутъ готовы къ тремъ часамъ, и васъ мы попросимъ доставить ихъ въ Батинъ съ вашимъ пароходомъ.

— Очень радъ, что я могу быть полезенъ вамъ, князь, да и самъ надѣюсь заработать за свои труды, — раскланялся я съ княземъ.

Когда, придя на пароходъ, я все рассказалъ моему капитану Павлу, онъ пришелъ въ восторгъ и сулилъ мнѣ громадныя барыши. Да мнѣ и самому казалось, когда я подсчиталъ все, приблизительно вѣрно, что я покрою убытки на товарахъ, да еще и самъ заработаю порядочно, но я жестоко ошибся, какъ оказалось впоследствии, потому что не принялъ въ расчетъ, что значить имѣть дѣло съ интендантствомъ, да еще во время войны, и имѣлъ неосторожность довериться и начать дѣло на словъ — мнѣ какъ-то и въ голову не пришло, что прежде всего надо было заключить контрактъ съ командующимъ Рушукскимъ отрядомъ.

IX.

Интендантъ Рушукскаго отряда, М. К. Пріоровъ. — Доставка мною грузовъ товарищества «Грегерь, Горвицъ и Коганъ» изъ Журжева и Зимницы и провіанта изъ Батинскаго казеннаго склада въ Рушукъ. — Торпеды на Дунаѣ. — Зимница и Сисово. — Другой греческій пароходъ «Геркулесъ». — Доставка Болховскаго пѣхотнаго полка изъ Рушукъ въ Виддинъ. — Начальникъ Рушукскаго отряда, П. С. Ванновскій.

Пары на пароходѣ были разведены; взяли мы одну баржу, чтобы перевезти мои товары изъ Журжева въ Рушукъ, и съ триумфомъ подошли въ Журжево къ мѣсту моего склада каменнаго угля, гдѣ на берегу, еще издали увидѣвши пароходъ съ баржей подъ русскимъ коммерческимъ флагомъ, уже ожидала насъ масса публики, въ числѣ которой были и наши моряки, Вороновъ, Повалишинъ и другіе.

Ко мнѣ тотчасъ же явился нѣкто Мироновъ, агентъ товарищества по продовольствію дѣйствующей арміи, съ просьбой переправить немедленно въ Рушукъ изъ Журжева нѣсколько сотъ бочекъ спирта и нѣсколько тысячъ пудовъ прессованнаго сѣна, а также взяться перевезти весь ихъ складъ изъ Зимницы въ Рушукъ. Явились и другіе коммерсанты, маркитанты съ такими же просьбами и предложеніями, соглашаясь безъ всякихъ возраженій на назначаемыя мною цѣны за перевозку и доставку ихъ грузовъ въ Рушукъ. Не болѣе, какъ часа черезъ четыре, вся баржа была у

меня полностью загружена прессованнымъ сѣномъ, спиртомъ и другими частными грузами, такъ что моего артельщика Маркова съ нашими товарами пришлось уже взять на самый пароходъ.

Однимъ словомъ, дѣло закипѣло, и мы съ капитаномъ Павломъ порѣшили одну баржу, такъ какъ предложеній было очень много, оставить для работы спеціально между Журжевомъ и Рущукомъ, а съ двумя остальными баржами работать по перевозкѣ Батинскаго склада.

Въ пятомъ часу того же дня мы уже пристали къ Рущуку съ первой баржей, наполненной всевозможными продуктами провіанта. Предписаніе и документы къ командиру Херсонскаго полка и къ смотрителю Батинскаго склада были уже готовы; выгрузивъ съ парохода свои товары и поручивъ Маркову озаботиться доставкой ихъ въ помѣщеніе, которое я успѣлъ нанять для нихъ, оставивъ баржу подъ разгрузкой въ Рущукѣ, я на пароходѣ съ двумя другими баржами на буксирѣ около 8-ми часовъ вечера двинулся вверхъ по Дунаю, по направленію къ Батину.

Капитанъ Павелъ вздумалъ было запротестовать, ссылаясь на то, что ему доподлинно извѣстно о загражденіяхъ Дуная выше Рущука торпѣдами, почему де итти туда ночью крайне опасно, но я ему сказалъ:

— Полноте, капитанъ Павелъ! Почти десять мѣсяцевъ прожили въ Рущукѣ между жизнью и смертью, и, слава Богу,—ничего! Нечего бояться: «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать!»

Мой командиръ сразу повеселѣлъ и вопроса объ этомъ болѣе не поднималъ.

Ночью, однако, небо стало заволакивать тучами, и мы за совершенной темнотой должны были все-таки простоять на якорѣ часа четыре, въ которые, впрочемъ, прекрасно заснули и набрались силъ для предстоящей на завтра работы. Около 5 часовъ утра мы пришли въ Батинъ и произвели своимъ появленіемъ страшный переполохъ.

Я сошелъ на берегъ и пошелъ отыскивать полковника, командира Херсонскаго полка, и смотрителя склада, капитана Конькова. Хотя полкового командира и не оказалось въ Батинѣ, тѣмъ не менѣе старшій послѣ него штабъ-офицеръ сейчасъ же распорядился о командированіи двухъ ротъ для нагрузки, и въ 7 часовъ утра работа закипѣла.

Чтобы не терять времени даромъ на стоянкѣ парохода, пока будутъ грузиться баржи, я попросилъ офицера, наблюдавшаго за нагрузкой, поторапливать солдатиковъ въ нагрузкѣ, обѣщавъ имъ хорошее «на водку», а самъ съ порожнимъ пароходомъ пошелъ до Зимницы, гдѣ мнѣ надо было узнать о количествѣ грузовъ товарищества и выбрать мѣсто, удобное для постановки баржей подъ нагрузку.

Разстояніе отъ Батина до Зимницы около 35 верстъ, вверхъ по Дунаю, которыя мы, однако, безъ буксира прошли менѣе, чѣмъ въ 3 часа времени. Дорогой мы встрѣтили плывущій буюкъ, который я приказалъ подхватить багромъ, застопоривъ машину; каково же было наше удивленіе, когда вслѣдъ за буйкомъ мы вытащили на палубу парохода какую-то совершенно незнакомую намъ длинную штуку, съ прикрѣпленными къ ней проволоками, оказавшуюся (какъ намъ объяснили въ Зимницѣ наши моряки) торпедой, сорванной, вѣроятно, ледоходомъ или чѣмъ инымъ.

Длинный свистокъ, данный пароходомъ, задолго еще не доходя до Зимницы, сдѣлалъ въ мѣстечкѣ тоже огромный переполохъ— жители повывскакали изъ домовъ и высыпали на берегъ. Когда мы подвалили къ тому мѣсту, гдѣ увидѣли группу нашихъ русскихъ моряковъ, мы отдали чалки; русскіе матросы ловко подхватили ихъ, быстро закрѣпили, и вотъ чрезъ нѣсколько минутъ я уже на берегу, обнимаюсь и цѣлуюсь съ совсѣмъ незнакомымъ мнѣ лейтенантомъ Ушаковымъ и другими. Потасили меня офицеры къ себѣ на квартиру. Разспросамъ и радости о скоромъ окончаніи войны конца не было! Провелъ я очень пріятно часа два въ компаніи нашихъ милыхъ моряковъ, видѣлся съ агентомъ товарищества «Грегерь, Горвицъ и Коганъ», собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія о количествѣ грузовъ, предстоящихъ къ перевозкѣ, къ двумъ часамъ былъ уже опять на пароходѣ, и мы сейчасъ же отчалили. Очень скоро долетѣли мы до Батина внизъ по быстрому теченію Дуная и застали одну баржу готовую къ отправкѣ, а другую только-что начали грузить. Рѣшивъ не дожидаться окончанія погрузки другой баржи и прійти за ней черезъ нѣсколько дней, взявъ готовую баржу на буксиръ и посадивъ на пароходъ нѣсколькихъ офицеровъ Херсонскаго полка и капитана Конькова, попросившихъ довести ихъ до Руцука, мы сейчасъ же отвалили, и я былъ очень доволенъ и счастливъ, что мнѣ удалось исполнить данное князю Дондукову-Корсакову обѣщаніе и доставить первую баржу съ необходимѣйшими продуктами на другой же день.

По приходѣ въ Руцукъ, я сейчасъ же отправился доложить князю о доставкѣ первой баржи и былъ крайне удивленъ и огорченъ, узнавъ, что князь еще вчера поздно вечеромъ выѣхалъ изъ Руцука, вызванный телеграммой въ Петербургъ. Съ кѣмъ же и какъ я буду имѣть дѣло по договоренной перевозкѣ Батинскаго склада? Тутъ только пришло мнѣ первый разъ въ голову, что я не позаботился о заключеніи письменнаго условія.

Опечаленный зашелъ я поѣсть въ гостиницу «Исла-Ханѣ». Спросилъ себѣ бифштексъ и чернаго кофе; сижу и раздумываю: «какъ же теперь быть?» и не обратилъ вниманія, какъ въ ресторанъ вошелъ штабъ-офицеръ, съ Владимиромъ съ бантомъ и мечами въ петличкѣ. Нѣсколько разъ онъ проходилъ мимо меня,

видимо отыскивая кого-то; наконецъ, онъ остановился около моего столика и спросилъ:

— Вы—г. Ауэрбахъ?

— Я,—что вамъ угодно?

— Вы, кажется, взялись по порученію князя Дондукова-Корсакова перевозить Батинскій складъ въ Руцукъ вашими пароходомъ и баржами и сегодня уже доставили первую баржу, какъ доложилъ мнѣ смотритель Батинскаго склада Коньковъ, пріѣхавшій сюда на вашемъ пароходѣ.

— Да. Но вамъ-то что же угодно? — продолжалъ я, не узнавая его.

— Вы меня не узнаете?.. Подполковникъ Пріоровъ, интендантъ Руцукскаго отряда. Мы видѣлись съ вами вчера у князя.

— Теперь вспоминаю. Чѣмъ же могу служить вамъ?

Онъ оглянулся кругомъ и, убѣдившись, что насъ никто услышать не можетъ, сказалъ:

— А что мнѣ за это будетъ?

— Я васъ не понимаю, полковникъ.

— У насъ принято за правило: кто у насъ наживаетъ, долженъ дѣлиться съ нами, — продолжалъ не стѣсняясь подполковникъ Пріоровъ.—Вы по моимъ расчетамъ должны нажить на этой операциі очень много; поэтому у меня назначено получить съ васъ за нее двадцать тысячъ рублей.

— А я вамъ ничего не дамъ,—отвѣчалъ я, возмущенный безцеремонностью и нахальствомъ Пріорова.—У меня при предложеніи кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ взять на себя наискорѣйшую доставку въ Руцукъ продуктовъ Батинскаго склада и при полученіи его согласія на назначенную мною, весьма выгодную для казны цѣну, не было въ виду подобныхъ платежей и такихъ непредвидѣнныхъ расходовъ.

— Да вѣдь князь-то уѣхалъ! Ищите его! А дѣло-то по пріемкѣ и по расчетамъ вы будете имѣть со мной!..

— И все-таки я вамъ ничего не дамъ, потому что это не входило въ мои расчеты, да, наконецъ, и давать-то не за что.

— Ну, какъ знаете! Только смотрите — будете раскисаться. Честь имѣю кланяться.

И подполковникъ ушелъ изъ ресторана.

Допивъ свой кофе, я пошелъ на пароходъ. Взявъ на буксиръ освободившуюся, оставленную наканунѣ подъ выгрузку баржу съ грузами изъ Журжева, мы отправились туда. На берегу было уже очень много грузовъ, подвезенныхъ за день, для погрузки въ мою баржу, почему я приказалъ командиру парохода на другой день, какъ только кончатъ нагрузку баржи, отвести ее въ Руцукъ и затѣмъ итти порожнемъ въ Батинъ за оставленной тамъ баржей, которую и привести въ Руцукъ, а самъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ

по желѣзной дорогѣ въ Бухарестъ, гдѣ надо было платить арендные деньги за пароходъ.

Катчигера уже дожидался меня въ Бухарестѣ и, получивъ слѣдующія ему съ меня деньги, вмѣстѣ со мной поѣхалъ въ Журжево, чтобы осмотрѣть свой пароходъ съ баржами, сдѣлать необходимыя распоряженія по возможному на ходу ремонту, повидаться съ капитаномъ Павломъ и разспросить обо всѣхъ подробностяхъ ихъ плѣна у турокъ.

Каково же было мое удивленіе, когда, пріѣхавъ въ Рушукъ, я засталъ тамъ обѣ баржи съ батинскими продуктами невыгруженными, что лишало меня возможности продолжать безостановочную работу ими и наносило большіе убытки, такъ какъ тысячу рублей ежедневной аренды приходилось все-таки платить аккуратно.

Оказалось, интендантъ Пріоровъ приказалъ не принимать грузовъ впредь до полученія большихъ вѣсовъ, которыхъ въ Рушукѣ не оказалось.

Нечего дѣлать, пришлось итти къ интенданту Пріорову.

Между нами послѣдовалъ слѣдующій діалогъ:

— Чѣмъ могу служить?—какъ бы подсмѣиваясь, спросилъ меня Пріоровъ.

— На какомъ основаніи, полковникъ, приказали вы пріостановиться пріемкой продуктовъ, доставленныхъ мною изъ Батинскаго склада?—спросилъ я сухо.

— По самой простой причинѣ—вѣсовъ нѣтъ казенныхъ, а съ частныхъ я принимать не намѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ я прикажу выгрузить баржи, свалить всѣ продукты на берегу и брошу дѣло,—загорячился я.

— Перестаньте говорить несуразности,—возразилъ Пріоровъ.— Грузы казенные, вы ихъ приняли и отвѣчаете за нихъ, «пока не получите отъ меня» квитанціи въ пріемѣ ихъ отъ васъ въ Рушукскій складъ.

Слова «пока не получите отъ меня» онъ особенно подчеркнул, а я только удивлялся его цинизму.

— Покоритесь лучше. Давайте двадцать тысячъ рубликовъ,—продолжалъ не стѣсняясь интендантъ,—и все пойдетъ, какъ по маслу, и вамъ будетъ хорошо, да и мнѣ не накладно.

— Во-первыхъ, у меня двадцати тысячъ нѣтъ, а, во-вторыхъ, это совершенно противъ моихъ принциповъ.

— Двадцати тысячъ я у васъ сейчасъ и не потребую,—вы только должны дать мнѣ честное слово русскаго дворянина, что вы мнѣ ихъ заплатите изъ перваго полученія. Что же касается принциповъ, то бросьте ихъ—иначе всю жизнь останетесь нищимъ. Вотъ вы, напримѣръ, повѣрили на слово князю Дондукову-Корсакову и не позаботились заключить съ нимъ письменнаго условія, а онъ уѣхалъ,—вотъ и купайтесь теперь.

— Да вѣдь вы же были свидѣтелемъ нашихъ условій съ княземъ?

— Былъ, и къ счастью моему, я единственный свидѣтель и, въ случаѣ спора, такъ какъ работа вами уже начата, и совсѣмъ отрицать даннаго вамъ княземъ порученія нельзя, то я вѣдь не врагъ себѣ и покажу, что вы условились съ княземъ перевезти Батинскій складъ въ Рущукъ по 25 сантимовъ, т.-е. по $\frac{1}{4}$ франка, съ пуда.

— Да вы вѣдь отлично знаете, что мы условились по одному франку съ пуда, и вы же сами подтвердили, что цѣна эта для казны очень выгодна?

— Нѣтъ, я слышалъ только о $\frac{1}{4}$ франка съ пуда, — невозмутимо сказалъ Пріоровъ.

И былъ прижатъ къ стѣнѣ и поставленъ въ безвыходное положеніе.

— Ну, положимъ, я соглашусь заплатить вамъ 20 тысячъ рублей, — заговорилъ я. — Какъ же тогда будетъ съ вѣсами и приѣмкой?

— Никакихъ вѣсовъ намъ не надо, — обрадовался Пріоровъ, чувствуя, что онъ сломилъ меня. — Подсчитаемъ количество мѣстъ, т.-е. мѣшковъ, кулей и ящиковъ, опредѣлимъ вѣсъ по опредѣленному для каждаго мѣста вѣсу, какъ вы рассчитываетесь и съ товариществомъ, и завтра же обѣ ваши баржи будутъ выгружены, всѣ продукты отъ васъ приняты. Послѣзавтра вашъ пароходъ поведетъ баржи въ Батинъ опять за нашими продуктами, а вы съ квитанціей отъ меня въ карманѣ поѣдете въ Бухарестъ и по ассигновкѣ, которую вамъ выдадутъ по моей квитанціи изъ интендантства тыла дѣйствующей арміи, вы получите денежки изъ полевого казначейства въ Бухарестѣ. А получать-то вамъ приходится уже, должно быть, за 140 тысячъ пудовъ, по франку съ пуда. О, го, го! Вѣдь это по курсу-то выйдетъ почти 56 тысячъ рублей! Порядочно!

— Ну, что вамъ стоитъ отдать изъ нихъ 20 тысячъ мнѣ? — продолжалъ соблазнять меня Пріоровъ: — и затѣмъ, уже безо всякой задержки и остановки, доканчивать перевозку и, по мѣрѣ каждой доставленной баржи, немедленно же получать отъ меня квитанцію и по ней деньги?

— Хорошо, 20 тысячъ вамъ отдай, а васъ завтра переведутъ куда нибудь, и я опять остаюсь въ такихъ же дуракахъ, какъ и съ княземъ?

— Нѣтъ, батюшка, мы такія дѣла чисто дѣлаемъ. Мы сейчасъ составимъ съ вами письменное условіе на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ вами заключенъ договоръ съ товариществомъ, который заключимъ и подпишемъ, когда вы привезете мнѣ 20 тысячъ рублей, а пока я вамъ повѣрю на честное слово, — вѣдь это тоже нѣкоторый рискъ съ моей стороны? — выдамъ вамъ квитанцію и буду ожидать исполненія обѣщаннаго вами.

Волей-неволей, а пришлось соглашаться.

— Хорошо, я согласенъ,—проговорилъ я, тѣмъ не менѣе страшно сконфузившись.

— Такъ по рукамъ?!—обрадовался Пріоровъ. Затѣмъ онъ позвалъ писаря и приказалъ заготовить письменное условіе между нами.

При этомъ писарь доложилъ интенданту, что въ канцеляріи его дожидается еврей Шмуль.

— Пошли его сюда,—приказалъ Пріоровъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, чрезъ полуотворенную дверь, какъ-то бочкомъ, крадучись, пролѣзъ типичный еврей среднихъ лѣтъ, въ пейсахъ и лапсердакѣ.

— А! Шмуль, здравствуй. Что скажешь?—спросилъ его Пріоровъ.

— Да, вотъ просьба къ вамъ, полковникъ,—заговорилъ будто робко еврей.—Ужъ вы хлѣбопеченіе-то оставьте за мной.

— Сказалъ уже тебѣ, что не могу,—возвысилъ голосъ интендантъ.

Еврей покосился на меня, видимо сейчасъ же призналъ во мнѣ тоже стригомую овцу и, уже не стѣсняясь, обратился къ интенданту:

— Ну, что вамъ дастъ этотъ хохолъ Николенко?—пятьсотъ рублей? А я, Михаилъ Капитоновичъ, съ удовольствіемъ дамъ тысячу.

— Ахъ, ты, жидъ пархатый!—началъ ругаться Пріоровъ.—Еще смѣешь торговаться?! Вонъ, мерзавецъ!

— Ну, полторы,—смирненно началъ еврей пятиться къ двери.

Но Пріоровъ, разсвирѣпѣвъ повидимому, наскочилъ на него и буквально вытолкалъ его въ шею.

Еврей исчезъ, но чрезъ нѣсколько секундъ голова его и протянутая рука съ двумя пачками радужныхъ просунулись въ дверь.

— Двѣ тысячи наличными впередъ, Михаилъ Капитоновичъ.

— Вонъ, мерзавецъ!

Жидъ исчезъ за дверью, но сейчасъ же опять просунулся—въ рукѣ у него было уже три пачки.

— Три тысячи, Михаилъ Капитоновичъ,—последнее слово.

— Да ты что? смѣешься надо мной, негодяй, что ли? Вотъ я тебя!..—кричалъ интендантъ и бросился къ жиду съ кулаками.

Но дверь захлопнулась, чтобы чрезъ минуту опять открыться.

Еврей вошелъ уже увѣренной походкой и подалъ Пріорову четыре пачки радужныхъ кредитокъ.

— Видно, васъ, Михаилъ Капитоновичъ, не пересилить. Получайте.

Пріоровъ взялъ деньги, внимательно пересчиталъ ихъ и, убравъ въ свой объемистый бумажникъ, обратился ко мнѣ:

— Вотъ съ этими мерзавцами ничего нельзя дѣлать на честномъ словѣ, какъ съ нами. Надуетъ непременно. Такъ, видите, какъ мы вынуждены поступать съ ними—денежки впередъ.

— Ступай, Шмуль, къ писарю,—обратился Пріоровъ къ еврею:—скажи, чтобы заготовлялъ условіе.

Не правда ли, характерная по своему цинизму картинка?!

И такой интендантъ-подполковникъ, съ орденомъ Владимира съ бантомъ и мечами, осмѣливается еще говорить о честномъ словѣ и называть другихъ мерзавцами и негодяями?!

Въ тотъ же день баржи были выгружены и уведены опять въ Батинъ, а мнѣ выдана квитанція въ пріемъ доставленныхъ мною 146.000 пудовъ, по одному франку съ каждого пуда, для представленія ея въ интендантство тыла дѣйствующей арміи, находившагося въ Бухарестѣ.

Долженъ я былъ въ этотъ разъ пробыть въ Руцукѣ дня два, чтобы подсчитать артельщика Маркова въ продажѣ привезенныхъ нами изъ Москвы товаровъ. Оказалось, что водка Поповская и Смирновская да вся обувь были расхвачаны въ первые же два дня; чай, сахаръ, папиросы и гильзы требовались тоже хорошо, но табакъ, теплыя перчатки, фуфайки и въ особенности полушубки совсѣмъ не спрашивались.

Приказавъ Маркову стараться какъ можно скорѣе сбыть всѣ остатки, хотя бы и со значительнымъ убыткомъ, я собрался было отправиться въ Журжево и далѣе въ Бухарестъ, какъ въ лавку явился офицеръ въ адъютантской формѣ и передалъ мнѣ, что начальникъ отряда просилъ меня сейчасъ же пожаловать къ нему. Иду въ сопровожденіи адъютанта, который и привелъ меня къ генералу П. С. Ванновскому, бывшему начальнику штаба въ отрядѣ наслѣдника-цесаревича.

Въ довольно большой комнатѣ, за просторнымъ столомъ сидѣли посрединѣ генералъ Ванновскій, по лѣвую руку отъ него—контръ-адмиралъ Дм. Зах. Головачовъ, давно мнѣ знакомый, и съ правой стороны еще какой-то морякъ въ формѣ гвардейскаго экипажа (впослѣдствіи я узналъ, что это былъ капитанъ 2-го ранга Тудеръ). Поздоровались. П. С. Ванновскій обратился ко мнѣ.

— Въ виду нѣкоторыхъ политическихъ соображеній, намъ нужно, какъ можно скорѣе, доставить въ крѣпость Виддинъ пѣхотный полкъ, чтобы, занявъ крѣпость русскими войсками, положить конецъ пререканіямъ между румынами и сербами за право владѣнія этимъ пунктомъ. Такъ вотъ можете ли вы взяться немедленно за доставку туда Болховскаго пѣхотнаго полка, съ его тяжестями и обозомъ, на нашемъ пароходѣ и баржахъ?

— Не зная, ваше превосходительство, количества людей, лошадей и грузовъ, предстоящихъ къ перевозкѣ, я не могу дать вамъ отвѣта.

— Трехъ вашихъ баржъ и парохода совершенно достаточно, чтобы поднять всѣхъ и все,—вмѣшался Дм. Зах. Головачовъ.

— А далеко ли до Виддина водой?—спросилъ я.

— Должно быть, верстъ отъ пяти до шести сотъ, — отвѣчалъ опять контръ-адмиралъ Головачовъ.—Виддинъ расположенъ на правомъ берегу Дуная, противъ самага Турнъ-Северина, и вашъ пароходъ съ тремя не особенно тяжело груженными баржами свободно дойдетъ туда на пятыя сутки.

— Можно ли рассчитывать, Дмитрій Захаровичъ, — спросилъ я, — что пароходъ съ баржами можетъ вернуться въ Руцукъ черезъ десять дней?

— Безспорно, — отвѣчалъ г. Тудеръ.—Если вы туда, вверхъ по Дунаю, пройдете съ груженными баржами не болѣе пяти сутокъ, то обратно внизъ и съ порожними баржами вы, конечно, пройдете далеко менѣе.

— А нагрузка и выгрузка? Надо и на нихъ положить хоть три дня? Во всякомъ случаѣ, при расчетѣ оборота въ 10 дней, — обратился я къ генералу Ванновскому, — я могу взяться за доставку въ Виддинъ Волховского пѣхотнаго полка.

— Сколько же вы съ насъ за это возьмете? — спросилъ генералъ.

— Тридцать тысячъ франковъ, ваше превосходительство, — быстро сообразилъ я стоимость такого рейса себѣ въ 25 тысячъ франковъ, при десятидневной работѣ и платѣ по 2.500 франковъ въ день аренды за пароходъ и баржи.

— Это живодерство! — закричалъ генералъ Ванновскій и даже вскочилъ со стула.

— Передъ вами, ваше превосходительство, не живодеръ, а такой же русскій дворянинъ, какъ и вы! — взорвало меня. — Мнѣ здѣсь дѣлать нечего, честь имѣю кланяться.

И съ этими словами я вышелъ и отправился прямо въ Журжево, гдѣ еще поспѣлъ на поѣздъ, съ которымъ и уѣхалъ въ Бухарестъ.

Въ интенданствѣ тыла дѣйствующей арміи меня не задержали. Представивъ квитанцію Пріорова, я на другой же день получилъ талонъ къ ассигновкѣ, по которой мнѣ причиталось, по курсу дня, получить въ рубляхъ около 56 тысячъ рублей кредитныхъ. Стоило мнѣ это удовольствіе всего десять полуимперіаловъ, данныхъ сто-лоначальнику.

Въ этотъ же день я встрѣтилъ въ Бухарестѣ и самого подполковника Пріорова, сообщившаго мнѣ, что онъ остановился въ Европейской гостиницѣ и будетъ ожидать меня завтра къ себѣ до часу дня.

Видимо онъ пріѣхалъ въ Бухарестъ, чтобы воздѣйствовать въ канцеляріи интенданства тыла на скорѣйшую уплату слѣдова-

впихъ мнѣ денегъ, прослѣдить за мной и самому поскорѣе получить выговоренные себѣ 20 тысячъ рублей.

Въ полевомъ казначействѣ съ меня ничего не вняли и безъ всякой задержки выдали причитающуюся мнѣ сумму все новенькими, запечатанными по сто штукъ въ пачкѣ, кредитными сто-рублевыми бумажками.

Никогда въ жизни, ни до, ни послѣ этого, мнѣ не было такъ жаль денегъ, какъ этихъ злосчастныхъ 20 тысячъ рублей, которыя я долженъ былъ отдать подполковнику Пріорову.

Едва я возвратился въ свою гостиницу «Метрополь» и успѣлъ отдать половину моего долга милѣйшему хозяину Хёрнеру, какъ явился ко мнѣ адъютантъ и сообщилъ, что главнокомандующій тыломъ дѣйствующей арміи, Александръ Романовичъ Дрентельнъ, проситъ меня немедленно явиться къ нему.

Что такое?!...

Бросаю все. Ёду. Александръ Романовичъ, знавшій меня еще со временъ польскаго возстанія, когда онъ командовалъ лейбъ-гвардіи Измайловскимъ полкомъ, встрѣчаетъ меня съ телеграммой въ рукахъ и смѣется. Читаю переданную имъ мнѣ телеграмму:

«Прошу немедленно выслать Ауэрбаха ко мнѣ въ Рущукъ. Ванновскій».

— Что это значитъ?—спрашиваетъ Дрентельнъ.

Я подробно разсказалъ ему о столкновеніи моемъ съ генераломъ Ванновскимъ дня три тому назадъ. Александръ Романовичъ внимательно выслушалъ и сказалъ:

— Положимъ, вы не багажъ и не военный грузъ, вы-сы-лать васъ я не могу, но, тѣмъ не менѣе, Болховской-то полкъ не-об-ходи-мо, какъ можно скорѣе, доставить въ Виддинъ, и вы, какъ русскій патріотъ, какимъ я васъ давно знаю, должны это сдѣлать и помочь въ этомъ.

— Я ничего противъ этого не имѣю, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я,—и даже рисковалъ проработать въ убытокъ, если бы пароходу и баржамъ пришлось на это потратить болѣе десяти дней, а генералъ Ванновскій, ничего не разобравши, обозвалъ меня живодеромъ, и уже по одному этому я не желаю имѣть съ нимъ никакого дѣла.

— И вы совершенно правы,—сказалъ Дрентельнъ.— Но сдѣлайте это въ особое одолженіе мнѣ, я васъ прошу объ этомъ.

— Я могу исполнить вашу просьбу, Александръ Романовичъ,—проговорилъ я,—только при одномъ условіи, чтобы я не имѣлъ никакого дѣла съ генераломъ Ванновскимъ.

— Извольте, вы будете имѣть дѣло только со мной. На какихъ условіяхъ соглашались вы принять на себя перевозку Болховскаго полка?

— За тридцать тысячъ франковъ, съ тѣмъ, однако, чтобы на-грузка полка въ Рущукъ была окончена въ одинъ день, выгрузка

въ Виддинѣ точно также, и полкъ со всѣми своими тяжестями и обозомъ долженъ размѣститься въ трехъ баржахъ, такъ какъ бѣльшаго количества баржъ у меня нѣтъ.

— Хорошо. Я согласенъ. Можете вы сегодня же съ вечернимъ поѣздомъ выѣхать въ Руцукъ?

— Могу.

— Думаю, намъ не для чего задерживаться заключеніемъ контракта? Надѣюсь, вы можете удовольствоваться официальной отъ меня бумагой на ваше имя о данномъ вамъ мною порученіи перевезти вашимъ пароходомъ и тремя баржами Болховской пѣхотный полкъ изъ Руцука въ Виддинъ, съ обязательствомъ заплатить вамъ за это 30 тысячъ франковъ здѣсь, въ Бухарестѣ, немедленно по представленіи вами записки отъ полкового командира о благополучномъ прибытіи полка къ мѣсту назначенія. Можете?

— Конечно, могу, ваше превосходительство.

— Въ такомъ случаѣ, съ Богомъ! А Ванновскаго я сейчасъ извѣщу телеграммой, чтобъ онъ сдѣлалъ немедленно распоряженія о погрузкѣ полка завтра же съ ранняго утра.

— Сдѣлайте одолженіе,—баржи у меня готовы.

Часа черезъ полтора адъютантъ привезъ мнѣ обѣщанную бумагу, и въ 5 часовъ я уже выѣхалъ въ Руцукъ.

Въ тотъ же вечеръ я былъ у генерала Ванновскаго. Доложили ему обо мнѣ. Онъ вышелъ въ пріемную и спрашиваетъ меня:

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ, ваше превосходительство,—отвѣчаю я,—ничего не угодно отъ васъ, а полагалъ, что я вамъ нуженъ. Но такъ какъ Александръ Романовичъ ввелъ меня въ заблужденіе, то честь имѣю кланяться.

И съ этими словами я поворачиваюсь и выхожу. Тогда Ванновскій догоняетъ меня, хватая за рукавъ и раздраженно говоритъ:

— Такъ нельзя. Вѣдь вы же взялись перевезти Болховской полкъ въ Виддинъ?

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство. Александръ Романовичъ очень просилъ меня объ этомъ, и я согласился на это, только благодаря его просьбѣ, и полагалъ, что вамъ объ этомъ извѣстно.

— Да, Дрентельнъ телеграфировалъ мнѣ. Когда же вы можете приступить къ перевозкѣ?

— Немедленно, ваше превосходительство, если только Болховской полкъ совершенно готовъ къ выступленію.

— Да, готовъ. Значитъ, завтра утромъ ему можно садиться на баржи?

— Я просилъ бы ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы завтра, съ самаго ранняго утра, начали грузить тя-

жести, обозъ и лошадей; а людей мы посадимъ, когда уже окончится вся эта погрузка, которую желательно окончить завтра къ вечеру, чтобы успѣть отвалить послѣ завтра съ разсвѣтомъ. Господъ же офицеровъ я попрошу къ себѣ на пароходъ, гдѣ въ ихъ распоряженіе можетъ быть предоставлена кухня.

— Прекрасно. Такъ сообщите сейчасъ же въ штабъ, въ какомъ мѣстѣ будутъ поставлены баржи къ нагрузкѣ, чтобы безошибочно направить туда всѣ грузы.

— Слушаю, ваше превосходительство, — откланялся я.

«Голенькій — охъ, а за голенькимъ — Богъ», говоритъ русская пословица, которая въ этотъ день вполне оправдалась на мнѣ. Зашелъ я въ штабъ, пришелъ на пароходъ, и мы съ моимъ капитаномъ Павломъ уже тужили, что въ десять дней не вернуться, почему, вѣроятно, придется взять на этой работѣ убытокъ, какъ на рѣкѣ раздался длинный пароходный свистокъ. Мы выскочили на палубу и увидали, что пароходъ съ тремя желѣзными баржами, въ которомъ капитанъ Павелъ сейчасъ же узналъ «Геркулеса» (тоже греческій пароходъ), дѣлаетъ уже оборотъ и заявляетъ желаніе причалить къ нашей «Катаринѣ». Черезъ нѣсколько минутъ чалки его были уже закрѣплены, положенъ трапъ, и владѣлецъ его, грекъ, весьма недурно и свободно говорившій по-французски, сидѣлъ уже въ нашей рубкѣ и съ наслажденіемъ попивалъ съ нами русскій чаекъ за имѣвшимся у меня самоварчикомъ. Оказалось, что онъ зимовалъ въ Австрійскомъ Турнъ-Северинѣ (какъ разъ противъ самаго Виддина) и, узнавъ о заключеніи предварительнаго мира, отправился внизъ по Дунаю, въ надеждѣ найти работу, но таковой по пути нигдѣ еще не нашелъ. Мнѣ это было, какъ нельзя болѣе, на руку, и я сейчасъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, не возьмется ли онъ отъ меня уже перевезти пѣхотный полкъ изъ Руццука въ Виддинъ, и сколько онъ за это возьметъ съ меня... Онъ очень обрадовался моему предложенію, и въ два-три слова мы пришли къ соглашенію, что онъ берется перевезти пѣхотный полкъ съ его тяжестями, если только все размѣстится на его сравнительно небольшихъ трехъ баржахъ, за десять тысячъ франковъ, а въ случаѣ, если бы ему пришлось взять и тащить еще четвертую баржу, то тогда за нее я долженъ прибавить ему двѣ тысячи франковъ. Для меня же это было весьма выгодно во всѣхъ отношеніяхъ — давало мнѣ заработокъ на самой цѣнѣ до 20 тысячъ франковъ и не лишало меня возможности безостановочно продолжать работу по перевозкѣ продовольственныхъ складовъ: Батинскаго — казеннаго и Зимницкаго — товарищества. Сговорившись также молчать и отнюдь не разглашать нашихъ договорныхъ условій, мы всѣ легли спать, чтобы отдохнуть и съ разсвѣтомъ приняться за работу по нагрузкѣ полка.

Пѣхотные солдаты оказались, однако, настолько неловки въ подобной работѣ, что она шла странно медленно; это вынудило

меня обратиться за помощью къ моимъ пріятелямъ-морякамъ, которые сейчасъ же командировали для этого нѣсколько человѣкъ, и когда пришли матросы, то работа буквально закипѣла.

Часа въ 2 дня пріѣзжалъ на берегъ П. С. Ванновскій, чтобы посмотрѣть, какъ идетъ нагрузка, и при этомъ обратился ко мнѣ:

— Когда же вы думаете кончить нагрузку и отправиться въ путь?

— Нагрузка лошадей, обоза и тяжестей должна окончиться къ вечеру, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я увѣренно.—Людей посадимъ уже послѣ вечерней зари и ужина, а на разсвѣтѣ, Богъ дастъ, и отвалимъ.

— Смотрите же!—пригрозилъ генералъ.

Полкъ, не зная, насколько времени онъ отправляется въ Виддинъ, и придется ли ему еще возвратиться въ Рушукъ, тащилъ съ собой и всѣ офицерскія повозки и такую массу грузовъ, не желая ничего оставлять, что къ пяти часамъ ясно обнаружилась невозможность погрузить и размѣстить все на трехъ баржахъ, и пришлось подать къ нагрузкѣ еще четвертую баржу. Все это отняло, конечно, много лишняго времени, и, когда во время солнечнаго заката П. С. Ванновскій опять пріѣхалъ на берегъ и увидалъ цѣлую массу еще не погруженныхъ тяжестей, онъ, не принимая во вниманіе, что грузятся по условію для меня не обязательныя четвертая баржа и масса лишняго груза,—разгорячился и буквально раскричался на меня самымъ грубымъ образомъ.

— Эй, вы, московскій хвастунъ, что жъ вы меня увѣряли, что къ вечеру кончите погрузку?! Да вамъ и завтра ея не окончить еще!

— Вы понапрасну горячитесь, ваше превосходительство,—старался я сдержать себя и говорить хладнокровно.—Я принималъ на себя обязательство перевозить Болховской полкъ, при непремѣнномъ условіи размѣщенія его со всѣми тяжестями на трехъ баржахъ; изъ чувства патріотизма я, увидавъ, что полкъ не можетъ размѣститься въ трехъ баржахъ, безъ всякихъ требованій лишняго вознагражденія, далъ четвертую баржу, принимаю массу лишняго, противъ условія, груза тоже даромъ. Работаю сегодня весь день, какъ волъ, и не думалъ заслужить за это отъ васъ только крики да брань.

— Да васъ еще не такъ надо ругать за ваше хвастовство,—продолжалъ кричать разсвирѣпѣвшій начальникъ отряда.—Въ бараній рогъ васъ согнуть надо!

— Опять изволите горячиться зря, ваше превосходительство, и, во всякомъ случаѣ, преждевременно.

— Молчать!—закричалъ опять генералъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, молчать я не буду и признаю, что вы, пожалуй, имѣли бы еще право обозвать меня хва-

стуномъ, если бы завтра съ разсвѣтомъ мой пароходъ и баржи съ Болховскимъ полкомъ не отошли отъ Рушчука.

— Хорошо-съ! Увидимъ-съ! Я приѣду на разсвѣтѣ къ общаему вами отходу парохода, и тогда, повѣрьте, вы дешево со мной не раздѣляетесь,—все грозился Ванновскій.

— Повторяю въ послѣдній разъ, ваше превосходительство, если только не послѣдуетъ ночью остановки по причинамъ, не зависящимъ отъ меня, въ посадкѣ гг. офицеровъ на пароходъ и людей на баржи, то пароходъ отойдетъ въ пять часовъ утра. А теперь мнѣ некогда разговаривать съ вами, надо кончать погрузку,—закончилъ я и пошелъ на баржу, а генералъ далъ шпоры своему коню и поскакалъ съ адъютантомъ на гору, въ городъ.

Работали мы настойчиво и не покладая рукъ. Я охрипъ и потерялъ голосъ отъ постоянного крика и громкихъ распоряженій, но къ 12 часамъ ночи погрузку всѣхъ тяжестей кончили, и я послалъ сказать полковому командиру (милѣйшему полковнику, фамилію котораго теперь забылъ), какъ было условлено между нами, чтобы вели людей, а самъ пошелъ на пароходъ чай пить и закусить.

Пароходъ «Геркулесъ» былъ гораздо больше «Катарины», съ большими, свѣтлыми каютами, и офицеры размѣстились въ нихъ довольно удобно, даже съ комфортомъ. Хозяину его я выдалъ авансомъ 2.000 франковъ; остальные онъ имѣлъ получить съ меня по представленіи квитанціи полкового командира въ благополучной доставкѣ полка въ Виддинъ. Въ четыре часа ночи все было готово—нижніе чины на баржахъ и офицеры съ полковымъ командиромъ во главѣ и съ денщиками на пароходѣ; «Геркулесъ» отвалилъ отъ борта «Катарины», чтобы сдѣлать маневры по взятію баржъ на буксиръ и скрѣпленію ихъ между собою; а я пошелъ на берегъ къ стоявшимъ у него баржамъ, чтобы по окончаніи маневровъ, какъ мы условились съ командиромъ «Геркулеса», подать ему маханіемъ платка, ровно въ пять часовъ, сигналъ къ отправленію. Маневры длились немного менѣе часа; совсѣмъ уже разсвѣло, но я, сидя на высокомъ камнѣ, выжидалъ, пока выйдетъ назначенное мною начальнику отряда время. Ровно въ пять часовъ утра я трижды махнулъ платкомъ, и «Геркулесъ», напрягаясь и пытая, двинулся въ путь, таща за собой выравненные гуськомъ четыре баржи.

Я, усталый до изнеможенія, остался сидѣть на камнѣ и выжидалъ, пока пароходъ съ баржами скроется за большой горой, выходившей уступомъ въ довольно крутомъ поворотѣ Дуная, сейчасть же повыше Рушчука. Только что послѣдняя баржа ушла за гору, и я собирался итти отдыхать на свой пароходъ «Катарина», я при восходящемъ солнцѣ увидѣлъ генерала Ванновскаго, спускающагося къ самой рѣкѣ верхомъ, въ сопровожденіи контръ-

адмирала Дм. Зах. Головачова. Я остался сидѣть на камнѣ. Генералы подъѣзжаютъ ко мнѣ вплотную.

— Ну-съ, господинъ хвастунъ! — иронически и сердито обращается ко мнѣ Ванновскій. — Вашъ пароходъ стоитъ вонъ у берега и не думаетъ еще отваливать, а вѣдь, кажется, ужъ разсвѣло?!

Я до того былъ уставши и совершенно безъ голоса, что не въ состояніи былъ уже ни вспылить, ни разсердиться и только еле-еле прохрипѣлъ:

— Это стоитъ другой мой пароходъ, а тотъ съ Болховскимъ полкомъ уже далеко, — показалъ я рукой на дымъ, густой струей поднимавшійся надъ горой.

— Да какъ вы смѣли отправить пароходъ, — заревѣлъ опять на меня генералъ: — когда я сказалъ вамъ, что пріѣду къ отвалу?

— А я вчера докладывалъ вамъ, что пароходъ отойдетъ въ 5 часовъ, — продолжалъ я хрипѣть. — И не моя вина, что вы не пріѣхали во время.

Ванновскій собирался было опять ругать меня, да тутъ вступился за меня уважаемый Дмитрій Захаровичъ:

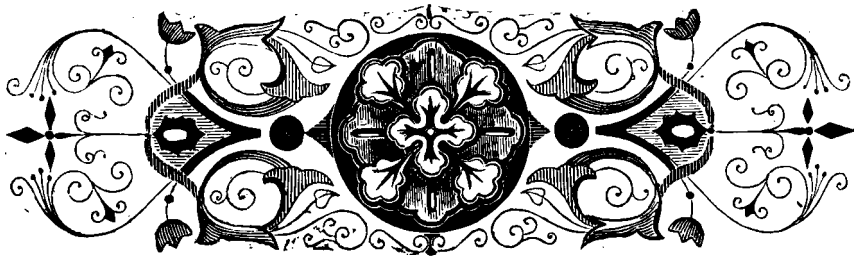
— Теперь, Петръ Семеновичъ, когда вода пошла уже на убыль, каждый часъ дорогъ, и Андрей Андреевичъ совершенно правъ, отправивъ пароходъ въ назначенное время.

Ванновскій, не сказавшій больше ни слова, и Головачовъ ускакали, а я поплелся спать на пароходъ, гдѣ и повалился, какъ убитый, не раздѣваясь.

А. Ауэрбахъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. АУЭРБАХА ¹⁾.

Х.

Пловучій мостъ черезъ Дунай между Журжевомъ и Рушукомъ.—Главнокомандующій тыломъ дѣйствующей арміи А. Р. Дрентельнъ.—Интендантъ тыла арміи А. М. Тиньковъ.—Поставка сапоговъ и мѣшковъ.—Лѣтніе увеселительные сады въ Бухарестѣ.—Расчеты.—Отъѣздъ мой изъ Румыніи.—Поѣздка въ Одессу въ 1879 году для окончательнаго расчета съ интендантами.—Н. Н. Фигнеръ.

АБОТА парохода «Катарина» шла безостановочно и очень успѣшно по перевозкамъ грузовъ изъ Зимницы, Батина и Журжева. Изъ послѣдняго работа, впрочемъ, прекратилась съ наводкѣй между нимъ и Рушукомъ превосходнаго пловучаго моста плотовой на якоряхъ системы, по которому было установлено постоянное сообщеніе между обоими берегами Дуная. Мостъ этотъ, длиною больше версты, удивлялъ всѣхъ проѣзжавшихъ по немъ многочисленныхъ иностранцевъ своей простотой и практичностью примѣненія его системы на такой исключительной по своей быстротѣ рѣкѣ, какъ Дунай. Для пропуска судовъ два раза въ сутки онъ очень легко и свободно разводился близъ Рушукскаго берега выпускомъ по теченію нѣсколькихъ плотовъ; объ этомъ извѣщалось для всеобщаго свѣдѣнія вывѣшиваніемъ на обоихъ берегахъ флаговъ на высокихъ мачтахъ. Вторичная наводка

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІІ, стр. 399.

на мѣсто выпущенныхъ плотовъ не представляла никакихъ затрудненій и производилась тоже очень быстро.

Задержекъ въ выдачѣ интендантомъ отряда Пріоровымъ квитанцій въ исправной доставкѣ Батинскихъ продуктовъ больше не встрѣчалось, и я безъ всякихъ задержекъ получалъ по нимъ деньги въ интендантствѣ тыла арміи въ Бухарестѣ, правильное сообщеніе съ которымъ было возстановлено отходомъ ежедневно двухъ пассажирскихъ поѣздовъ отъ самаго Журжева.

На двѣнадцатый день послѣ отхода вернулся въ Руцукъ пароходъ «Геркулесъ» и привезъ мнѣ квитанцію полкового командира въ благополучной доставкѣ въ Виддинъ Болховского пѣхотнаго полка. Поэтому пришлось ѣхать въ Бухарестъ, чтобы получить деньги отъ А. Р. Дрентельна и рассчитаться съ хозяиномъ «Геркулеса», да кстати заключить съ нимъ контрактъ на аренду мною на мѣсяцъ его парохода съ баржами, на что я рѣшился, желая ускорить окончаніе принятыхъ мною на себя доставокъ грузовъ.

Когда я явился къ А. Р. Дрентельну, онъ сейчасъ же сдѣлалъ на квитанціи помѣтку «выдать» и, вспомнивъ, что я тверской уроженецъ, постоянно живущій въ Москвѣ, спросилъ меня:

— Не возьметесь ли вы поставить намъ изъ Кимры или изъ Москвы семьдесятъ тысячъ паръ сапоговъ? Они намъ экстренно нужны; австрійскій же подрядчикъ ставитъ намъ никуда негодную дрянъ, чуть не съ картонными подошвами, хотя на видъ сапоги весьма приличные.

— Никогда не занимавшись спеціально такими товарами, ваше высокопревосходительство, я не могу дать вамъ сейчасъ рѣшительный отвѣтъ,—отвѣчалъ я,—но если желаете, могу сейчасъ же запросить объ этомъ въ Москву по телеграфу?

— А какъ скоро можетъ быть отвѣтъ?

— Да, полагаю, дней черезъ пять; во всякомъ случаѣ не больше недѣли.

— Пожалуйста, справьтесь кстати и о цѣнѣ.

Черезъ пять дней я получилъ изъ Москвы слѣдующую телеграмму: «Срокъ поставки мѣсяцъ, пріемка Москвѣ, первый сортъ цѣна шесть съ полтиной».

Везу телеграмму къ Александру Романовичу.

— Ахъ, они мошенники!—обрадовался Дрентельнъ.—Берутъ за такую дрянъ по двадцати франковъ, а вѣдь это по курсу выходитъ по 7 рублей 50 коп.! Такъ беритесь же за этотъ подрядъ.

— Позвольте, ваше высокопревосходительство, тутъ является масса вопросовъ, которые прежде надо выяснитъ.

— Какіе?

— Прежде всего—совершенная невозможность срочной доставки грузовъ отъ Москвы до Бухареста.

— Вамъ выдадутъ свидѣтельство, что это—военный грузъ, и онъ пройдетъ безъ всякой задержки вплоть до Бухареста и всего только съ одной перегрузкой въ Яссахъ.

— Затѣмъ, уплата денегъ за товаръ въ Москвѣ при приѣмкѣ?

— Я прикажу выдать вамъ авансъ.

— Наконецъ провозъ и накладные расходы?

— Какъ за военный грузъ, вамъ не придется платить за провозъ.

— А накладные расходы?

— Что вы подразумѣваете подъ накладными расходами?—спросилъ, въ свою очередь, Дрентельнъ.

— Придется, все-таки, платить кое-гдѣ начальникамъ станцій, да и приѣмщикамъ здѣсь; потомъ—приказчики, подвозъ въ Москвѣ на желѣзную дорогу, доставка здѣсь съ вокзала въ складъ. Наконецъ и мнѣ надо же заработать сколько нибудь за мои хлопоты.

— Неужели же на все это мало одного рубля на каждую пару?—удивился было Александръ Романовичъ.

— Да! Вы, значитъ, предлагаете мнѣ взять подрядъ за ту же цѣну, какая теперь платится австрійскому подрядчику, т.-е. по 7 рублей 50 коп. за пару?—догадался я.

— Само собой разумѣется,—отвѣчалъ Дрентельнъ.—У насъ будетъ уже громадная выгода въ доброкачественности сапоговъ.

Александръ Романовичъ Дрентельнъ подаль мнѣ свою карточку, попросивъ меня при этомъ сейчасъ же отправиться съ ней къ интенданту тыла арміи, полковнику Александру Михайловичу Тинькову, и сказать ему, что онъ рекомендуетъ меня для поставки 70 тысячъ паръ сапоговъ.

Являюсь къ Тинькову. Милѣйшій, добродушнѣйшій и честнѣйшій, какъ оказалось потомъ, Александръ Михайловичъ принялъ меня очень любезно, предложилъ мнѣ сейчасъ же познакомиться съ кондиціями этой поставки и подать, какъ можно скорѣе, письменное заявленіе, пожалуй, и въ запечатанномъ пакетѣ, если пожелаю.

Когда я объяснилъ Тинькову, что я вовсе не желаю принимать участія въ торгахъ и что берусь за это дѣло только по самостоятельному, личному предложенію г. главнокомандующаго тыломъ арміи, съ обязательствомъ, на совершенно особыхъ условіяхъ, поставить сапоги лучшаго качества, непременно Кимрскаго и Московскаго производства, по той же цѣнѣ, 7 р. 50 коп. за пару, какъ и австрійскіе плохіе сапоги,—то онъ отвѣтилъ мнѣ, что теперь уже поздно устроить дѣло такъ, потому что торги уже объявлены, и обойти ихъ теперь уже нельзя. При этомъ онъ посоветовалъ мнѣ сбавить немного цѣну, хоть на самые пустяки—копеекъ 10 или 15 на пару, и тогда, навѣрное, поставка останется за мной, такъ какъ, по имѣющимъ у него свѣдѣніямъ, австрійскіе подрядчики не намѣрены и не могутъ будто бы взять дешевле 20 франковъ, т.-е. семи съ половиной за пару.

Придя домой, сдѣлавъ всѣ подсчеты и соображенія и рѣшивъ, что накладныхъ расходовъ ни въ какомъ случаѣ не выйдетъ болѣе 50 коп. на пару, я на другой день въ запечатанномъ пакетѣ подалъ свое заявленіе, назначивъ цѣну по 7 рублей 25 коп., такъ какъ находилъ, что мнѣ совершенно достаточно нажить за мои труды и хлопоты по 25 коп. на каждой парѣ; сейчасъ же я вступилъ и съ Москвой въ телеграфную переписку, чтобы выработать подробности условій.

Но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ», говоритъ пословица, которая, однако, съ успѣхомъ могла бы быть переименована для интендантства арміи въ 1878 году такъ: «начальство предполагаетъ, а интенданты располагаютъ». Такъ она вполнѣ оправдалась, по крайней мѣрѣ, на мнѣ съ кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ и Пріоровымъ, и дважды потомъ еще съ А. Р. Дрентельномъ и интендантствомъ тыла арміи.

Разные тамъ начальники отдѣленій да столоначальники не пожелали имѣть дѣло съ лицомъ, рекомендованнымъ самимъ главнокомандующимъ, не надѣясь получить съ него должную мзду, и потому, зная приблизительно мои условія, шепнули знакомымъ уже имъ австрійскимъ евреямъ-контрагентамъ и устроили такъ, что на торгахъ низшая цѣна (по 7 рублей) осталась за ними. Торги, совершенные по всѣмъ правиламъ формалистики и на всѣхъ самыхъ законныхъ основаніяхъ, должны были быть утверждены А. Р. Дрентельномъ, и остались мы только при одномъ желаніи и предположеніи поставить хорошіе сапоги, а интендантство получило и приняло опять еврейско-австрійскую гниль, но зато всѣ были сыты—только солдатъ герой получилъ никуда негодный сапогъ!

Второй аналогичный случай въ интендантствѣ тыла арміи былъ со мной же, по поводу поставки мѣшковъ.

Пришлось мнѣ отъ одного неисправнаго плательщика за перевезенные ему пароходомъ грузы получить вмѣсто наличныхъ денегъ холщевыми мѣшками. Прихожу я какъ-то въ интендантство за полученіемъ талона къ ассигновкѣ и въ кабинетѣ интенданта вижу на окнѣ нѣсколько джутовыхъ мѣшковъ. Спрашиваю, что это за мѣшки. Узнаю, что это образцы, по каковымъ назначены на-дняхъ торги на поставку 130 тысячъ мѣшковъ. Справляюсь о цѣнѣ образцовъ; оказывается цѣна довольно дорогая—отъ 29 до 35 коп. за мѣшокъ, смотря по качеству.

Говорю интенданту А. М. Тинькову, что у меня есть мѣшки, только не джутовые, а холщевые, которые во всякомъ случаѣ гораздо прочнѣе и лучше; онъ сейчасъ же предложилъ мнѣ принять участіе въ торгахъ, что дастъ мнѣ возможность сбыть мѣшки безъ убытка.

Наученный уже опытомъ съ сапогами, я, конечно, не сказалъ ни Тинькову, ни кому другому ни слова о томъ, по какой цѣнѣ

я могъ бы безубыточно поставить мѣшки, а, придя домой и соображивъ, что образцу самаго низшаго сорта джутового мѣшка цѣна была въ 29 коп. за штуку, тогда какъ мой холцевый мѣшокъ былъ даже за долгъ взять мною лишь по 26 коп., я сейчасъ же написалъ заявленіе съ предложеніемъ поставить 60 тысячъ мѣшковъ по 26 коп. за мѣшокъ всего на сумму 15.600 рублей и, приложивъ на другой день къ заявленію требовавшійся залогъ, въ размѣрѣ 5⁰/₁₀ съ объявленной суммы, всего 780 рублей, подалъ въ интендантство запечатанный пакетъ къ торгамъ на мѣшки.

Наступилъ день торговъ. По окончаніи устныхъ торговъ, на которыхъ низшая цѣна по 28 коп. осталась за какимъ-то евреемъ, приступили къ вскрытію конвертовъ. Низшая цѣна по 26 коп. оказалась моя, и я, совершенно успокоенный удачной развязкой со случайно попавшими мнѣ мѣшками, ушелъ домой.

Черезъ нѣсколько дней узнаю, что назначены новые торги, такъ какъ эти не утверждены за мной, по несоблюденію мною установленныхъ закономъ формальностей, а именно: написаніемъ въ заявленіи количества мѣшковъ (60.000) и цѣны (28 коп.) не прописью, а цифрами, и потому еще, что я предлагалъ поставить не все требовавшееся (130.000) количество мѣшковъ, а только 60 тысячъ. Между тѣмъ, мѣшки нужны были, какъ говорится, до зарѣзу, и каждый день промедленія въ поставкѣ ихъ наносилъ казнѣ значительный ущербъ. Ловко вывернулись интендантскіе чиновники, чтобы только подрядъ не попасть въ мои руки. Меня это взорвало, и я рѣшилъ отмстить за это, во что бы то ни стало.

Новые торги были назначены черезъ двѣ недѣли. Приготовилъ я опять заявленіе, четко, прописью и въ скобкахъ цифрами поставилъ все количество сто тридцать тысячъ (130.000) штукъ мѣшковъ и цѣну по три (3) копейки за каждый, приложилъ требующійся по закону пятипроцентный залогъ въ размѣрѣ ста девяноста пяти (95 р.) рублей и подалъ свой запечатанный пакетъ въ самый послѣдній моментъ, т.-е. передъ самымъ началомъ устныхъ торговъ. Такъ какъ по предыдущимъ торгамъ моя цѣна въ 26 коп. была уже извѣстна, то на устныхъ торгахъ низшая цѣна состоялась по 25³/₄ коп. за мѣшокъ; при вскрытіи по окончаніи устныхъ торговъ и чтеніи заявленій изъ запечатанныхъ пакетовъ, попалась даже цѣна и въ 25¹/₂ коп., но мой пакетъ, вскрытый по очереди послѣднимъ, произвелъ необычайный эффектъ, и А. М. Тиньковъ, прочтя его, удивленно обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы не ошиблись, Андрей Андреевичъ?

— Нѣтъ,—коротко отвѣчалъ я.

— Какъ? все количество и по три копейки за штуку? — продолжалъ удивляться интендантъ.

— Вы удивляете меня вопросами, полковникъ. Если прежніе торги не были утверждены за мною по причинѣ допущенныхъ

мною по невѣдѣнію ошибокъ, то теперь о такихъ и рѣчи быть не можетъ.

— Да вы же возьмете большой убытокъ?

— А вамъ какое дѣло? Можетъ быть, я пожелаю и совсѣмъ пожертвовать мѣшки казнѣ?

Ничего мнѣ возражать больше не могли. Оставалось только утвердить торги за мной, что и было сдѣлано черезъ нѣсколько дней, когда я получилъ изъ интендантства повѣстку, вызывающую меня для подписанія контракта.

Являюсь. Подаютъ мнѣ къ подписи контрактъ. Конечно, я отказываюсь отъ подписи его и объявляю, что я раздумалъ и отказываюсь отъ этой поставки, оставляя представленный мною залогъ въ пользу казны. Картина! Дѣлать нечего, пришлось опять назначать торги черезъ двѣ недѣли. А время все идетъ и дѣлаетъ казнѣ все болѣе убытка, только благодаря любостыжанію интендантскихъ чиновниковъ. Иначе зачѣмъ же было доводить до этого?

Не проще ли было не придирается къ формальностямъ, а если это уже рѣшительно неизбѣжно, то попросить меня переписать лишь мое заявленіе по формѣ, утвердить первоначальные торги въ количествѣ 60 тысячъ мѣшковъ за мной, а въ остальныхъ 70 тысячахъ за слѣдующей наименьшей цѣной?!...

Когда я распродалъ кое-какъ въ Рушукѣ большинство привезенныхъ мною изъ Москвы товаровъ, раздарилъ всѣ теплыя вещи, оказавшіяся уже совершенно не нужными по случаю наступившаго тепла, братушкамъ-болгарамъ и частью туркамъ, покрывъ убытки этой операціи пользой отъ пароходной работы,—меня окончательно потянуло домой, въ Россію; но меня задерживали неоконченные еще расчеты съ интендантомъ Пріоровымъ и товариществомъ Грегеръ, Горвицъ и Коганъ, затянувшіеся, казалось мнѣ, до бесконечности.

По утрамъ и днемъ приходилось хлопотать по разнымъ мѣстамъ и учрежденіямъ, а вечера коротать въ безчисленныхъ садахъ Бухареста, гдѣ процвѣтала въ то время шансонетка; и куда послѣ дневной жары устремлялись рѣшительно всѣ дѣловые люди, чиновники и военные. Кто шелъ туда дѣйствительно отдохнуть за чашкой шоколада или кружкой пива въ вечерней прохладѣ, кто—флирта ради, кто—покутить во всю, въ компаніи шансонетныхъ пѣвицъ и женщинъ всевозможныхъ національностей, изъ которыхъ француженки и румынки были въ самомъ большомъ фаворѣ; первыя—по своему шику и веселости, вторыя—по своей сохранившейся еще античной красотѣ и страстности. Вообще, румынскія женщины и дамы, даже высшаго общества, придерживаются весьма легкихъ и свободныхъ нравовъ, а во время войны 1877—1878 годовъ, съ появленіемъ массы молодцовъ, сорванцовъ-красавцевъ

русскихъ, легкость и свобода нравовъ превратились въ совершенную разнузданность и распущенность, и, безъ сомнѣнїя, въ слѣдующемъ румынскомъ поколѣнїи появилось немало русскихъ и блондиновъ.

Съ агентами товарищества Горвицъ и К^о расчеты были окончены мною, сравнительно, скоро и безъ всякихъ недоразумѣнїй; съ нѣсколькими случайными отдѣльными кладчиками и говорить нечего — тоже, но съ интендантствомъ дѣло пошло въ затяжку: подполковникъ Пріоровъ подъ всевозможными предлогами все задерживалъ выдачу мнѣ послѣдней квитанціи по окончательному расчету.

Въ концѣ концовъ онъ буквально выклянчилъ, чтобы я возвратилъ ему экземпляръ письменнаго договора, заключеннаго со мной и подписаннаго имъ, на перевозку Батинскаго склада, за который онъ же взялъ съ меня 20 тысячъ рублей. Не подозрѣвая даже, чтобы этотъ договоръ могъ еще понадобиться мнѣ по окончанїи расчета, и чтобы могли при этомъ послѣдовать какія либо недоразумѣнїя въ будущемъ, когда этотъ договоръ мнѣ будетъ необходимъ, какъ оправдательный документъ, я только удивлялся, зачѣмъ Пріоровъ такъ настойчиво добивался его возвращенїя, и я обѣщалъ ему возвратить его, какъ только онъ выдастъ мнѣ окончательную квитанцію, по которой мнѣ причиталось получить еще около семи тысячъ рублей, теряя которыя я совсѣмъ не намѣревался.

Тогда Пріоровъ не находилъ болѣе препятствїя къ выдачѣ мнѣ окончательной квитанціи, но вручилъ мнѣ ее лишь тогда, когда получилъ отъ меня столь важный, какъ оказалось впослѣдствїи, документъ.

Къ несчастью, за это время Пріоровскихъ проволочекъ, интендантство тыла арміи было упразднено, и была образована особая расчетная комиссія, мѣстопробываніе коей было назначено въ Одессѣ, куда и перевозились всѣ дѣла и документы интендантства тыла, и куда должны были обращаться всѣ лица, не успѣвшїя окончить своихъ расчетовъ съ казною въ Бухарестѣ.

Я лично объ этомъ особенно не тужилъ, а, напротивъ, обрадовался: наконецъ-то вырвусь изъ этого ада кромѣшнаго! и сейчасть же уѣхалъ въ Москву, не особенно много горюя о томъ, что, вмѣсто денегъ, у меня была лишь квитанція г. Пріорова въ карманѣ.

Въ августѣ 1878 года я вернулся въ Москву, и у меня сейчасть же началась переписка съ расчетной комиссіей въ Одессѣ объ уплатѣ послѣднихъ причитающихся мнѣ денегъ по перевозкѣ Батинскаго продовольственнаго склада въ Рушукѣ. Долго не могъ я добиться толку: то дѣла еще не привезены изъ Бухареста, то дѣла еще не разобраны, и т. п. безконечныя оттяжки. Терпѣніе мое наконецъ лопнуло отъ такой безрезультатной переписки, и въ августѣ 1879 года я самъ поѣхалъ въ Одессу.

Подмазавъ слегка маленькихъ чиновниковъ, я въ теченіе нѣсколькихъ дней добился, что дѣло по расчету со мной было наконецъ найдено; я представилъ при прошеніи мою окончательную квитанцію. Жду недѣлю, почти каждый день хожу въ комиссію за справкой; жду другую недѣлю, а результата все никакого. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день мнѣ одинъ изъ секретарей передалъ, что мнѣ слѣдуетъ повидаться на дому съ начальникомъ отдѣленія, у котораго мое дѣло. Иду. Тотъ принимаетъ меня очень любезно и говоритъ не стѣсняясь, что я могу быть удовлетворенъ очень скоро, такъ какъ мое дѣло безспорное, но все-таки надо получить съ меня за это что нибудь.

— Сколько же надо?—спросилъ я съ негодованіемъ.

— Да тысячи двѣ, не меньше,—невозмугимо отвѣчалъ начальникъ отдѣленія.

— Помилуйте, мнѣ получить-то приходится всего какихъ нибудь семь тысячъ? Вы же сами говорите, что дѣло безспорное, и вдругъ, здорово живешь, дать вамъ за это двѣ тысячи рублей!? За что же?

— А за то, что не задержимъ.

— Это черезчуръ много.

— Ну, извольте. Полторы тысячи, для васъ только.

Я наотрѣзъ отказалъ и былъ за это жестоко наказанъ. Дня черезъ два, придя опять въ комиссію за справкой, я узналъ, что по моему дѣлу состоялся уже докладъ, по которому постановлено: «въ виду возбужденныхъ въ уголовномъ порядкѣ уже нѣсколькихъ дѣлъ по обвиненію подполковника Пріорова, интенданта Руцукскаго отряда, въ злоупотребленіяхъ и подлогахъ по службѣ, передать и дѣло по расчету съ подрядчикомъ Ауэрбахомъ въ высочайше утвержденную слѣдственную комиссію подъ предѣтельствомъ генералъ-адъютанта Глинки-Маврина».

Въ этой слѣдственной комиссіи, которая какъ разъ въ то время переводилась изъ Одессы въ Петербургъ, я тоже ничего добиться не могъ и такъ ни съ чѣмъ принужденъ былъ уѣхать изъ Одессы, о которой у меня сохранились, тѣмъ не менѣе, самыя пріятныя воспоминанія, благодаря прекрасной въ тотъ годъ осени на югѣ, продолжительному морскому купанію и частому посѣщенію мною двухъ очень симпатичныхъ семействъ, въ которыхъ я былъ принять, какъ свой человѣкъ.

Семейство генералъ-лейтенанта Николая Семеновича Гора, начальника коммерческаго порта въ Одессѣ, состояло тогда только изъ него. супруги его Маріи Семеновны и ея сестры Елизаветы Семеновны Юрьевой, которая, съ дѣтства бывъ очень дружна съ моей женой, перенесла свои симпатіи и на меня. Н. С. Гора былъ безукоризненной честности военный инженеръ, и вмѣстѣ со мной возмущался безцеремонностью и лихоимствомъ интендантскихъ чиновниковъ.

Въ другомъ семействѣ, приходившемся мнѣ немного сродни и состоявшемъ изъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Павла Ивановича Циммермана, его жены Александры Ѳедоровны и дочерей Лиди, Вѣры, Софьи и Александры, я бывалъ очень часто и проводилъ тамъ время очень пріятно и весело. Тамъ же я познакомился и съ знаменитымъ въ настоящее время пѣвцомъ, теноромъ Николаемъ Николаевичемъ Фигнеромъ, служившимъ тогда, еще совсѣмъ юнымъ мичманомъ, на пароходѣ «Россія» Добровольнаго русскаго флота. У него былъ тогда очень маленькій голосокъ, правда, пріятнаго тембра, но не допускавшій и мысли объ извѣстной артистической карьерѣ въ недалекомъ будущемъ. Помню, какъ мы съ кузинами подтрунивали надъ нимъ, когда онъ увѣрялъ, что непременно броситъ морскую службу, поѣдетъ учиться въ Италію, посвятитъ себя артистической карьерѣ и во что бы то ни стало добьется и будетъ извѣстнымъ пѣвцомъ. Врожденный талантъ подсказывалъ ему правду и толкалъ его на истинный путь. И какъ блестяще оправдалась его, какъ казалось тогда, ни на чемъ не основанная увѣренность!

XI.

Смерть императора Александра II.—Большая московская промышленная выставка 1882 года.—Коронація императора Александра III.—Переездъ мой въ Сибирь.—Томскій губернаторъ И. И. Красовскій.—Интеллигентные ссыльные.—Поступленіе на службу Богословскаго горнаго округа.—Поѣздка по рр. Оби и Иртышу для закупки хлѣба округу.—Недоразумѣнія съ томскимъ губернаторомъ Л. П. Булюбашевъ.—Полицеймейстеръ Л. Н. Некрасовъ.

Какъ громомъ, поразило Москву событіе 1-го марта 1881 года и извѣстіе о мученической смерти обожаемаго народомъ монарха, императора Александра II. Городъ убрался траурными флагами; всѣ церкви переполнялись молящимися на цанихидахъ по убіенномъ государѣ, и всюду слышались самыя искреннія стенанія и рыданія. Да и нельзя было не приходиться въ ужасъ отъ такого адскаго злодѣянія, учиненнаго, въ довершеніе несчастія, русскими злоумышленниками, которыхъ можно назвать и признать только самыми злыми людьми и врагами Россіи, да и вся Россія какъ бы замерла отъ ужаса и стыда.

Но неумолимое время все сглаживаетъ, и вскорѣ послѣ этого ужаснаго событія Москва уже готовилась въ самой кипучей дѣятельности къ большой російской промышленной выставкѣ и къ коронаціи императора Александра III.

Выставка открылась въ маѣ 1882 года, а коронація государя Александра Александровича состоялась въ московскомъ Успенскомъ соборѣ 15-го мая 1883 года.

Въ тѣ времена я проживалъ въ Москвѣ. Выставку я посѣщалъ каждый день и могу сказать съ полной патріотической гордостью,

что большая выставка 1882 года была богата, роскошна экспонатами и велика экспонентами, показавшими товаръ лицомъ и ясно доказавшими, что Россія въ промышленномъ отношеніи идетъ впередъ гигантскими шагами.

Къ несчастью, благодаря гнуснѣйшему преступленію 1-го марта 1881 года, коронація Александра III, на которой должны были прибѣгать къ разнымъ предохранительнымъ мѣрамъ, производила какое-то удручающее впечатлѣніе и не имѣла ничего общаго съ тѣмъ энтузіазмомъ и торжествомъ народнымъ, которыми отличались дни коронаціи Александра II въ августѣ 1856 года.

Въ дни коронаціи Александра III въ маѣ 1883 года я имѣлъ честь состоять въ числѣ охраны, учрежденной на это время изъ благонадежныхъ обывателей, и по случайному совпаденію, въ день традиціоннаго торжественнаго въѣзда въ Московскій Кремль изъ загороднаго Петровскаго дворца, былъ въ охранѣ на Тверской улицѣ, близъ часовни Иверской Божіей Матери и Лоскутной гостиницы, на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ и въ памятные августовскіе дни 1856 года. Та же торжественность, тотъ же парадъ, тѣ же шпалеры войскъ, тѣ же золотые фаэтоны и кареты, та же огромная блестящая свита, окружавшая императора Александра III, какъ и при Александрѣ II, но государь ѣхалъ серьезный, хмурый, не раскланиваясь съ привѣтливой улыбкой на обѣ стороны народу, который не былъ свободно допущенъ на улицы, а оттѣсненъ на перекресткахъ за перетянутые черезъ нихъ канаты, не было народа на крышахъ всѣхъ зданій и домовъ, не было той массы публики на всѣхъ балконахъ и въ окнахъ домовъ по Тверской, а поэтому и не могло быть тѣхъ громовыхъ восторговъ и криковъ ура, которыми, какъ могучей волной, встрѣчалось и провожалось затѣмъ вплоть до Большого Кремлевскаго дворца торжественное шествіе Александра II, начиная съ момента выхода его изъ Петровскаго дворца.

Какая-то особая печать грусти и тоски лежала на всѣхъ коронаціонныхъ торжествахъ 1883 года.

Въ концѣ мая 1884 года судьба забросила меня въ Сибирь, гдѣ я поселился въ Томскѣ, и гдѣ мнѣ пришлось прожить, прослужить и примѣнять мою музыкальную дѣятельность въ теченіе болѣе 16 лѣтъ.

Тогда въ Томскѣ былъ губернаторомъ Иванъ Ивановичъ Красовскій, бывшій передъ этимъ московскимъ вице-губернаторомъ, а еще раньше инспекторомъ студентовъ Московскаго университета. Я знавалъ его еще въ Москвѣ, какъ большого *bon-vivant'a*, вѣчно ухаживающаго за кѣмъ нибудь, посѣщающаго чуть не каждый день оба казенные театра, всѣ концерты, балы и маскарады; поэтому мнѣ было очень интересно встрѣтиться съ нимъ въ Томскѣ, какъ съ самостоятельнымъ администраторомъ.

По приѣздѣ туда, я немедленно же явился къ нему. Принялъ и встрѣтилъ онъ меня очень любезно и радушно.

— Очень радъ видѣть васъ. Помню, помню—вы, кажется, еще такой большой музыкантъ.

— Не заправскій музыкантъ, ваше превосходительство, а большой и серьезный любитель музыки.

— Ну, батенька, у насъ въ этой глуши и такихъ мало. Вотъ вы и поможете мнѣ оживить дѣятельность здѣшняго отдѣленія Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, а то дирекція наша совсѣмъ заснула и затѣяла было даже закрывать отдѣленіе, да я не позволилъ.

— Очень радъ буду, если могу быть полезенъ вамъ.

— Ко мнѣ еще приѣхалъ на-дняхъ изъ Петербурга новый чиновникъ особыхъ порученій, Николай Семеновичъ Горкуша, прекрасный баритонъ. Я хоть и не слыхалъ его, но всѣ говорятъ—хорошій пѣвецъ. Вотъ я и ему прикажу оживлять томскую музыкальную дѣятельность.

Довольно характерно—губернаторъ приказываетъ своему чиновнику особыхъ порученій пѣть публично?!

Впрочемъ Ив. Ив. Красовскій, старый холостякъ, еще хорошо сохранившійся, самъ по себѣ очень добрый человѣкъ, но крайне горячій и вспыльчивый, не способный никому сдѣлать зла умышленно, причинялъ много непріятностей даже самымъ близкимъ къ нему людямъ своимъ самодурствомъ.

Такъ, однажды, часа въ два ночи, онъ вдругъ потребовалъ къ себѣ полицеймейстера, а таковымъ тогда былъ въ Томскѣ, въ одинаковыхъ съ губернаторомъ чинахъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Андреевичъ Архангельскій—милая, добродушнѣйшая и честнѣйшая личность, весьма любимая и чтимая всѣми горожанами. Дѣлать нечего, пришлось почтенному Михаилу Андреевичу, только недавно легшему спать послѣ ночного объѣзда города, вставать, одѣваться и ѣхать къ губернатору. Красовскій принимаетъ его, лежа въ постели, и говоритъ:

— Когда я легъ спать, мнѣ пришло въ голову... ну, помните, мы еще говорили съ вами утромъ?...

— О частномъ приставѣ Линскомъ?—спросилъ полицеймейстеръ.

— Да, да, о немъ. Такъ вотъ я, чтобы не забыть до утра, и послалъ сейчасъ же за вами.

— Такъ вамъ, Иванъ Ивановичъ, чѣмъ беспокоить себя, дожидаясь моего приѣзда, было бы проще, кажется, записать карандашикомъ на клочкѣ бумаги, что собственно вамъ желательно было сказать мнѣ по этому поводу.

— Ну, извините, не догадался. Спокойной ночи.

Другой, почти аналогичный случай былъ лично со мной. Сижусь какъ-то у знакомыхъ; играемъ въ винтъ. Входитъ прислуга и

говорить мнѣ, что пріѣхалъ казакъ отъ губернатора и спрашиваетъ меня. Выхожу въ переднюю, тамъ дѣйствительно казакъ. Спрашиваю:

— Что надо?

— Пожалуйте немедленно къ губернатору.

— Да ты съ ума сошелъ?... Уже двѣнадцатый часъ ночи.

— Такъ точно. Послали меня за вами съ часъ тому назадъ.

Васъ дома не засталъ, вернулся и докладываю: «ихъ дома нѣтъ, ваше превосходительство».

— Ну?—перebilъ я казака.

— А ихъ превосходительство какъ зыкнетъ на меня: «болванъ! пошелъ, разыщи и предоставь живого или мертваго!» Такъ ужъ пожалуйте къ начальнику губерніи.

Бросилъ карты, ѣду къ губернатору. Застаю въ халатѣ, неистово шагающимъ по залу.

— Что это васъ собаками не сыщешь!— чуть не кричитъ на меня раздраженный Красовскій.

— Да не обязанъ же я, ваше превосходительство, сидѣть постоянно дома и ожидать, не понадобитсяъ ли я вамъ?!—удивился я.

— Видите, меня за ужиномъ разсердили. Я разволновался и никакъ уснуть не могъ; ваша же игра на рояли дѣйствуетъ на меня всегда такъ успокоительно...

И съ этими словами губернаторъ подошелъ къ рояли, самъ открылъ крышку и, указывая мнѣ на стулъ, сказалъ совѣмъ уже мягкимъ голосомъ:

— Сыграйте мнѣ, пожалуйста, что нибудь нѣжное.

Досадно, но разсердиться на него серьезно, право же, не было никакой возможности. Я сѣлъ за рояль и сыгралъ ему *Valse mélancolique* (A mol) Шопэна.

— Вотъ спасибо, такъ спасибо! Теперь я усну спокойно,—пожалъ мнѣ руку губернаторъ.

Отличительной, симпатичной и очень хорошей чертой характера Ив. Ив. Красовскаго, надо признать, было то, что онъ относился крайне сочувственно къ интеллигентнымъ уголовнымъ ссыльнымъ, которымъ всегда помогалъ стать на ноги, не смотрѣлъ на нихъ, какъ на отверженцевъ общества, а какъ на несчастныхъ, которые за свои былыя ошибки и проступки и безъ того уже несутъ непосильное, часто черезчуръ суровое наказаніе, не говоря уже про то, что между ними нерѣдко встрѣчаются и невинно пострадавшіе.

Зато онъ не переносилъ политическихъ, административно-ссыльныхъ, въ которыхъ онъ искренно видѣлъ враговъ престола и отечества. Въ то время въ Томскѣ издавалась «Сибирская Газета», издателемъ и редакторомъ которой былъ мѣстный содержа-

тель книжной торговли и библіотеки для чтенія, человѣкъ умный, ловко эксплуатировавшій своихъ служащихъ, но корчившій изъ себя либерала; поэтому почти всѣ его сотрудники состояли изъ политическихъ ссыльныхъ, которые, служа какъ будто идеѣ, порицали всегда всѣхъ общественныхъ дѣятелей, администрацію и т. д., все, конечно, въ предѣлахъ, возможныхъ для подцензурнаго изданія, и такимъ образомъ давали издателю трудъ свой чуть не даромъ.

Ив. Ив. Красовскій нѣсколько разъ порывался прекратить это вредное по направленію изданіе, но ему это не удавалось, потому что дѣло велось умно, осторожно, и серьезно привязаться къ нему не было возможности. Поэтому губернаторъ очень обрадовался, когда явился желающій издавать другую мѣстную газету, съ цѣлью именно противодѣйствовать направленію «Сибирской Газеты». Онъ очень скоро исходатайствовалъ разрѣшеніе на изданіе новой газеты «Сибирскій Вѣстникъ» и на утвержденіе редакторомъ-издателемъ ея, дворянина, кандидата правъ, В. П. Картамышева, который, однако, довольно долго былъ только какъ бы фиктивнымъ редакторомъ, а главными руководителями новаго изданія были хорошо извѣстные губернатору, очень любимые имъ уголовные ссыльные Е. В. К* и П. М. П*—люди умные, отлично образованные, знакомые съ прежнихъ еще временъ съ веденіемъ газетнаго дѣла.

Какъ ни странно, можетъ быть, но надо отдать справедливость интеллигентнымъ ссыльнымъ разныхъ категорій, что именно и исключительно имъ Сибирь обязана своимъ культурнымъ развитіемъ.

Первый камень въ этомъ направленіи положили декабристы; потомъ политическіе ссыльные нѣсколько иной категоріи, какъ Достоевскій, Чернышевскій и другіе; съ появленіемъ, послѣ польскихъ возстаній въ 1831 и 1863 годахъ, ссыльныхъ поляковъ, въ Сибири начали создаваться первые заводы и промышленныя заведенія, въ организаціи и управленіи коихъ поляки принимали самое дѣятельное и живое участіе; этому же, а также развитію искусствъ и мысли, содѣйствовали очень много и уголовные интеллигентные ссыльные, между которыми часто встрѣчались люди энергичные, дѣятельные, всесторонне образованные, истинно хорошіе и вполне честные.

Въ противоположность вышепомянутымъ симпатичнымъ категоріямъ ссыльныхъ, Сибирь кишѣла еще и категоріей антипатичныхъ ссыльныхъ, къ которымъ принадлежали изъ политическихъ—ударившіеся въ анархизмъ, кричащіе, что въ Россіи все скверно и все надо уничтожить, преимущественно изъ молодыхъ, ратующихъ противъ власти, а сами стремящіеся только къ власти, не терпящіе чужихъ мнѣній и убѣжденій, считающіе только свои взгляды вѣрными и непреложными; а изъ уголовныхъ—отъявлен-

ные и отпѣтые мошенники, взяточники и любостыжатели, хотя, къ несчастію, и между ними встрѣчались люди очень умные, образованные и даже хорошо воспитанные.

Почти за совершеннымъ отсутствіемъ въ Сибири свободныхъ, не занятыхъ службой или своими торговыми дѣлами развитыхъ и образованныхъ людей, большинство сотрудниковъ въ новой газетѣ «Сибирскій Вѣстникъ» составилось, въ противоположность «Сибирской Газетѣ», въ которой фигурировали исключительно политическіе ссыльные, изъ ссыльныхъ уголовныхъ. Нужно сказать еще, что политическіе ссыльные были страшными антагонистами и врагами уголовныхъ ссыльныхъ (за самыми рѣдкими исключеніями—только если они и въ уголовномъ ссыльномъ видѣли социалиста и анархиста), считая ихъ преступниками, осужденными судомъ, а себя—героями, борцами за идею и противъ власти, которая, опасаясь ихъ огромнаго будто бы вліянія на народныя массы, безъ всякаго суда и расправы сослала ихъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ. Въ свою очередь, уголовные ссыльные недолго любили политическихъ за ихъ высокомерное, заносчивое къ нимъ отношеніе. Поэтому весьма естественно и понятно, что обѣ газеты сразу стали во враждебныя между собой отношенія, что, въ сущности, было губернатору на руку; но какъ бы то ни было, а фактъ налицо, что обѣ газеты существовали исключительно трудомъ и работою ссыльныхъ, только разныхъ лагерей и категорій.

Въ результатъ получилось, что черезъ два-три года «Сибирскій Вѣстникъ», поддерживая закономъ установленную власть, отвѣчавшій всегда умно и сдержанно на заносчивые нападки «Сибирской Газеты», такъ сказать, похоронилъ послѣднюю, такъ какъ она за-рапортовалась до такой степени, что ее закрыли распоряженіемъ министерства непосредственно, безъ всякаго ходатайства о томъ со стороны мѣстнаго губернатора.

Довольно долго «Сибирскій Вѣстникъ» существовалъ внѣ конкуренціи, и пока онъ находился въ рукахъ умныхъ, опытныхъ и вполне порядочныхъ людей, какъ Е. В. К* и П. М. П*, онъ издавался весьма интересно, полно и добросовѣстно. Но вскорѣ, когда Е. В. К* и П. М. П* были помилованы и совсѣмъ уѣхали изъ Томска, эта газета стала падать; а когда бывшему издателю «Сибирской Газеты», Петру Ивановичу Макушину, человѣку умному и очень ловкому, удалось опять исходатайствовать разрѣшеніе на изданіе сначала справочнаго «Томскаго Листка», весьма скоро переименованнаго въ ежедневную газету «Сибирская Жизнь», онъ сталъ сильно конкурировать съ «Сибирскимъ Вѣстникомъ» и мстить ему за его бывшія отношенія къ прежней «Сибирской Газетѣ». И появились въ Томскѣ снова двѣ враждующія между собой мѣстныя газеты; «Сибирскій Вѣстникъ», попавъ въ еврейскія руки и потерявъ окончательно своей приличный обликъ, не

могъ выдержать конкуренціи ловко веденной «Сибирской Жизни», началъ падать все больше и больше, и въ настоящее время еле-еле влачитъ свое жалкое существованіе, тогда какъ «Сибирская Жизнь» г. Макушина процвѣтаетъ.

Я забѣжалъ, однако, нѣсколько впередъ, а надо сказать еще нѣсколько словъ о губернаторѣ Ив. Ив. Красовскомъ. Онъ любилъ и поощрялъ общественную жизнь, тѣмъ болѣе, что, какъ старый холостякъ, онъ не могъ устраивать у себя большихъ пріемовъ и вечеровъ, хотя бы уже потому, что провинціальный monde вообще страшно щепетиленъ, завистливъ, отъ скуки однообразной жизни въ глухой, страшно отдаленной отъ всѣхъ культурныхъ и цивилизованныхъ центровъ губерніи, полонъ всевозможныхъ сплетенъ, злословія и клеветы. Такъ, напримѣръ, съ Ив. Ив. Красовскимъ жила его племянница, Ольга Ѳедоровна (за такуюю онъ, по крайней мѣрѣ, официально выдавалъ ее), дѣвушка не самой ужъ ранней юности, хорошо образованная и прекрасно воспитанная, а злые дамскіе языки всегда трещали, что это его любовница, и потому никто изъ дамъ monde'a, за самыми ничтожными исключеніями, не бывалъ у губернатора, котораго даже бомбардировали по этому поводу анонимными письмами. Однажды я попалъ къ нему какъ разъ въ моментъ полученія имъ анонимнаго письма, самаго пасквильнаго и возмутительнаго содержанія. Не зная, въ чемъ дѣло, я спросилъ его:

— Вы, кажется, очень разстроены чѣмъ-то, ваше превосходительство?...

— Возьмите, прочтите, — подалъ онъ мнѣ письмо; и когда я пробѣжалъ письмо, у него буквально со слезами на глазахъ и въ голосѣ вырвалось невольное признаніе:

— Вѣдь вотъ подлецы какіе! А вѣдь Оля мнѣ то же, что для насъ ваша Настя!

А Настя была моя дочь, которая очень нравилась Красовскому и своей миловидностью, и своей воспитанностью; разница была только въ томъ, что Настя была моя законная дочь, а Ольга Ѳедоровна—незаконная дочь Ивана Ивановича, чего она, конечно, и сама не знала, привыкнувъ съ дѣтства знать и видѣть въ немъ своего дядю.

Какъ я упомянулъ уже раньше, губернаторъ выразилъ свое желаніе, чтобы его чиновникъ особыхъ порученій, Н. С. Горкуша, и я приняли участіе въ дѣятельности мѣстнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, но привелъ свое желаніе въ исполненіе какъ-то дико. Несмотря на то, что это учрежденіе частное и совершенно самостоятельное, ему слѣдовало бы: или переговорить объ этомъ съ кѣмъ нибудь изъ членовъ дирекціи, или написать частное письмо къ предсѣдателю отдѣленія, а онъ, не долго думая, закатилъ въ дирекцію формальную бумагу, на

губернаторскомъ бланкѣ и за №, въ формѣ предложенія пригласить на долженствовавшее вскорѣ быть общее собраніе членовъ вновь прибывшія музыкальныя силы: Н. С. Горкушу и А. А. Ауэрбаха. Дирекція, вѣроятно, обидѣлась, но, тѣмъ не менѣе, все-таки прислала намъ приглашенія на общее собраніе, на которомъ, однако, заявила, что она въ полномъ составѣ отказывается отъ своихъ званій и слагаетъ съ себя дальнѣйшее завѣдываніе дѣлами общества. На мое заявленіе, что мы приглашены сюда лишь въ качествѣ лицъ, могущихъ содѣйствовать оживленію дѣятельности общества, что мы даже еще и не дѣйствительные члены, поэтому де не имѣемъ права голоса, и намъ не можетъ быть еще никакого дѣла до того, что министерство выходитъ въ отставку,—мнѣ отвѣчали, что существующая дирекція пришла къ заключенію о невозможности продолжать веденіе дѣла въ Томскѣ, почему и выходитъ, а если мы—другого мнѣнія, то намъ и книги въ руки. Поэтому я счелъ своимъ долгомъ, чтобы не дать повода думать и говорить, что мы стремимся занять званія директоровъ, отказаться отъ баллотировки. Когда же приступили къ закрытой баллотировкѣ записками, и я оказался избраннымъ, я все-таки рѣшительно отказался отъ почетнаго званія директора отдѣленія, обѣщавъ при этомъ помогать дирекціи, чѣмъ только могу, для развитія музыкальной дѣятельности отдѣленія. И могу съ гордостью сказать, что добросовѣстно держалъ свое слово и высоко держалъ музыкальное знамя въ продолженіе болѣе четырнадцати лѣтъ, посвятивъ Томскому отдѣленію Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества всѣ свои музыкальныя знанія и способности, всю свою энергію и вложивъ туда массу труда. Впрочемъ о дѣятельности музыкальнаго общества будетъ рѣчь еще впереди.

Состоя въ 188^{6/7} годахъ инспекторомъ страхового общества, я былъ командированъ въ Восточную Сибирь, но, къ несчастію, успѣлъ побывать только въ городахъ Енисейскѣ и Красноярскѣ, гдѣ заболѣлъ сыпнымъ тифомъ въ очень тяжелой формѣ. Пролежавъ въ Красноярской почтовой гостиницѣ болѣе шести недѣль, я не могъ продолжать путь далѣе на востокъ, потому что очень ослабѣлъ, и долженъ былъ вернуться въ Томскъ.

Осенью 1888 года братъ мой, горный инженеръ Александръ Андреевичъ Ауэрбахъ, бывшій тогда главноуправляющимъ Богословскаго горнаго округа на Уралѣ, предложилъ мнѣ мѣсто ихъ коммерческаго агента по закупкѣ въ Западной Сибири пшеницы, ржи и овса, требовавшихся для Богословскихъ заводовъ въ огромныхъ размѣрахъ. Я принялъ это предложеніе съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что, кромѣ приличнаго заработка, такое порученіе, сопряженное съ большими разъѣздами по обширнымъ пространствамъ Западной Сибири, давало мнѣ еще возможность близко ознакомиться съ этимъ богатымъ краемъ и съ бытомъ его населенія.

Намѣреніе и желаніе главноуправляющаго Богословскимъ горнымъ округомъ покупать потребный для заводовъ хлѣбъ хозяйственнымъ способомъ были вызваны тѣмъ, что въ навигацію 1888 года подрядчики, по случаю повышенія цѣнъ, не доставили всего принятаго на себя количества хлѣба, что ставило управленіе въ весьма затруднительное положеніе, благодаря въ тотъ годъ полному неурожаю въ Пермской и западныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи. Поэтому управленіе Богословскихъ заводовъ, озабоченное прокормленіемъ своего рабочаго населенія и служебнаго персонала, достигавшаго 20 тысячъ, самымъ вѣрнымъ и по возможности самымъ дешевымъ способомъ, рѣшило впредь покупать хлѣбъ, масло, свѣчи и другіе предметы первой необходимости хозяйственнымъ способомъ, непосредственно изъ первыхъ рукъ, приобрести свои пароходы, баржи и доставлять ими до Филькинской пристани на рѣкѣ Сосьвѣ всѣ приобретаемые по рѣкамъ Иртышу и Оби хлѣбные грузы и продукты. Въ виду неурожая мѣстнаго и необходимости, поэтому, обратиться въ мѣста болѣе отдаленныя, и принимая во вниманіе, что надо было воспользоваться воднымъ путемъ, какъ найдешевѣйшимъ для доставки купленныхъ грузовъ, мнѣ пришлось въ ту же осень, для отысканія хлѣбныхъ запасовъ на мѣстахъ ихъ производства, объѣхать довольно значительный районъ Тарскаго уѣзда Тобольской губерніи, Акмолинской и Семипалатинской областей, въ бассейнѣ рѣки Оби, но, къ несчастью, и во всѣхъ этихъ округахъ былъ въ 1888 году, если и не совершенный неурожай, то, во всякомъ случаѣ, порядочный противъ обыкновеннаго недородъ, почему цѣны вездѣ держались сравнительно довольно высокія.

Пс Иртышу оказалось вообще запасовъ меньше, и поэтому цѣны тамъ стояли выше, чѣмъ по Оби, въ Томской губерніи, которая издавна не безъ основанія считается житницей Сибири, гдѣ и оказались, несмотря на недородъ текущаго года, довольно значительные запасы всѣхъ сортовъ хлѣбовъ отъ прежнихъ лѣтъ. Я выше сказалъ, что цѣны, «сравнительно, стояли довольно высокія», сравнительно потому собственно, что въ Томской губерніи, до проведенія великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, когда за дальностью разстоянія хлѣбъ вывозить было некуда, а при богатѣйшей почвѣ глубокаго чернозема и хорошихъ климатическихъ условіяхъ почти всегда бывали баснословные урожаи, то нерѣдко цѣны на всѣ хлѣба бывали крайне дешевы. Мнѣ, напримѣръ, не разъ случалось покупать въ Томскѣ, на базарѣ губернскаго города, пшеничную муку по 30 коп. за пудъ, ржаную—по 20 коп. за пудъ, овесъ—по 12 до 15 коп. за пудъ и т. д., въ томъ же родѣ за всевозможныя крупы, горохъ и прочее,—насколько же еще дешевле цѣны бывали въ деревнѣ, на мѣстѣ производства хлѣба!..

Но въ 1888 году, когда хлѣбъ могъ выносить даже дорогую гужевую перевозку на дальнія разстоянія, и его повезли въ пораженные неурожаемъ уѣзды Тобольской губерніи, цѣны на всѣ хлѣба поднялись и въ Томской губерніи, что, конечно, благопріятно отразилось на экономическомъ положеніи крестьянъ Томской губерніи. То же самое повторилось и въ 1892 году, только при еще болѣе благопріятныхъ для томскихъ крестьянъ условіяхъ, когда уже большинство уѣздовъ Тобольской губерніи было опять поражено совершеннымъ неурожаемъ, а въ Томской губерніи, напротивъ, былъ баснословный урожай.

Богословскій горный округъ снабдилъ меня въ 1888 году обильными средствами, прикомандировалъ ко мнѣ приказчика и артельщика-кассира, что дало мнѣ возможность въ короткое время скупить все заказанное округомъ количество пшеницы, ржи и овса, съ обязательствомъ сдачи ихъ продавцами въ навигацію 1889 года на пристаняхъ по рѣкѣ Оби; дней за десять до Рождества, мы всѣ трое, окончивъ нашу операцію закупки, были уже въ Томскѣ.

На другой же день моего возвращенія въ Томскъ, бывший тогда полицеймейстеръ, Л. Н. Некрасовъ, прислалъ мнѣ записку, что губернаторъ требуетъ меня явиться къ нему завтра, въ 10 часовъ утра; а губернаторомъ томскимъ былъ тогда Александръ Петровичъ Вулюбашъ, извѣстный по всей Россіи, вмѣстѣ со своимъ братомъ, предводителемъ одной изъ южныхъ губерній Россіи, подъ названіемъ «доносчики», благодаря существовавшей нѣсколько мѣсяцевъ, по поводу ихъ, полемикѣ между «Вѣстникомъ Европы» и Катковскими «Московскими Вѣдомостями».

А. П. Вулюбашъ былъ человѣкъ желчный, раздражительный и при томъ мнящій себя неограниченно всесильной властью; поэтому желаніе видѣть меня, выраженное въ формѣ требованія чрезъ полицеймейстера, нисколько не удивило меня, хотя до тѣхъ поръ я не имѣлъ съ нимъ никакихъ дѣлъ и даже ни разу съ нимъ не встрѣчался.

На другой день, ровно въ 10 часовъ утра, я былъ у губернатора, который жилъ тогда, такъ какъ казенный губернаторскій домъ только еще строился, на частной квартирѣ, гдѣ у него не было отдѣльной приѣмной. Въ кабинетъ къ нему или въ сосѣдній залъ меня не пригласили, и потому пришлось дожидаться его въ передней¹⁾. Наконецъ, ихъ превосходительство извоили выйти въ

¹⁾ Отличительная черта почти всѣхъ губернаторовъ отдаленныхъ губерній— это странная манера показывать свою власть, заставляя непременно всюду ожидать себя: пароходъ не отваливаетъ во-время, ожидая губернатора, должностящего ѣхать на немъ; концертъ, спектакль въ театрѣ не начинаются въ объявленное время, потому что губернаторъ прислалъ сказать, что онъ будетъ, и т. д. Изъ семи губернаторовъ, пережитыхъ мною въ Томскѣ съ 1884 по 1901

переднюю, съ телеграммой въ рукахъ и, не стѣснясь ни при-
слуги, ни дежурнаго полицейскаго чина, изволили прямо съ кри-
комъ обратиться ко мнѣ, даже не здороваясь:

— Какъ вы смѣете скупать хлѣбъ въ моей губерніи?

— Не понимаю замѣчанія вашего превосходительства, — уди-
вился я.

— Не понимаете... а это что?—и губернаторъ сунулъ мнѣ те-
леграмму, бывшую у него въ рукахъ.

Читаю: «Изъ Колывани. Томскъ—губернатору. Весь хлѣбъ, на-
мѣченный мною для поставки Томскому тюремному замку, скупленъ
Ауэрбахомъ для Богословскихъ заводовъ. Рубановичъ».

— Все-таки ничего не понимаю, ваше превосходительство, — воз-
вратилъ я телеграмму губернатору. — Почему это жидъ, Рубановичъ,
можетъ покупать хлѣбъ въ вашей губерніи, а мнѣ это какъ будто
бы возбраняется?

— Очень просто, — продолжалъ кричать губернаторъ. — Рубано-
вичу купить хлѣбъ для тюремнаго замка поручилъ я. Въ моей
губерніи голодъ; хлѣбъ и безъ того страшно поднялся въ цѣнѣ,
а вы вдругъ являетесь и начинаете со спекулятивными цѣлями
скупать хлѣбъ, чѣмъ искусственно подымаете цѣну на него еще
больше.

— Еще болѣе не понимаю васъ, ваше превосходительство, —
отвѣчалъ я. — Изъ телеграммы жидъ Рубановича даже вы могли
усмотрѣть, что я хлѣбъ купилъ для Богословскихъ заводовъ, а не
съ личными спекулятивными цѣлями.

— Все равно, — перебилъ меня губернаторъ, — этотъ хлѣбъ ну-
женъ для Томскаго тюремнаго комитета, а вы перехватили его
силой.

— Не силой, ваше превосходительство, — отвѣчалъ я увѣренно, —
а справедливостью по отношенію крестьянъ вашей губерніи, ко-
торые получили отъ меня по 10 коп. на пудъ дороже, чѣмъ пред-
лагалъ имъ за ихъ хлѣбъ подрядчикъ вашъ, Рубановичъ, торго-
вавшійся съ ними болѣе двухъ недѣль изъ-за этихъ важныхъ для
мужика 10 коп. въ пудъ, конечно, не съ цѣлью сѣкономить ихъ
для казны, а въ собственныхъ единоличныхъ, именно спекулятив-
ныхъ только интересахъ. Теперь же изъ партій, всего до четы-
рехъ сотъ тысячъ пудовъ, купленныхъ мною, эти 10 коп. съ
пуда, то-есть сорокъ тысячъ рублей, достались крестьянамъ Том-
ской губерніи, а не попали въ карманъ вашего подрядчика Руба-
новича.

годъ, только одинъ, Г. А. Тобизенъ (впослѣдствіи харьковскій губернаторъ), со-
ставлялъ счастливое исключеніе и никогда, ни при какихъ условіяхъ, нигдѣ
не заставлялъ себя ждать, чѣмъ справедливо доказывалъ, что онъ, — человекъ,
получившій превосходное воспитаніе—pour être grand, il faut être exacte.

— Помилуйте,—загорячился опять губернаторъ.—У меня голодъ въ губерніи, гдѣ скоро самимъ крестьянамъ ѣсть будетъ нечего, а вы скупили вдругъ такую массу хлѣба! Нѣтъ, я не могу допустить этого.

— Въ такомъ случаѣ вашему превосходительству слѣдовало бы заблаговременно сдѣлать распоряженіе о воспрещеніи крестьянамъ ввѣренной вамъ губерніи продавать хлѣбъ. Но могу васъ увѣрить,—продолжалъ я,—что вы освѣдомлены объ этомъ неправильно, потому что...

— О чемъ это я освѣдомленъ невѣрно?—перебилъ меня губернаторъ.

— О неурожаѣ въ Томской губерніи и о грозящемъ будто бы въ ней голодѣ. Я только что объѣхалъ Каинскій, Барнаульскій и Бійскій уѣзды, считающіеся самыми плодородными и о неурожаѣ въ которыхъ именно распространился слухъ, и лично, водочію убѣдился, что о голодѣ тамъ и рѣчи быть не можетъ. Тамъ въ нынѣшнемъ году былъ дѣйствительно довольно значительный недородъ противъ прежнихъ баснословно урожайныхъ лѣтъ, но запасы отъ этихъ прежнихъ лѣтъ у крестьянъ такъ велики, что они смѣло могутъ рассчитывать прожить ими не одинъ еще, даже совсѣмъ неурожайный годъ, и все-таки о голодѣ и помину еще не будетъ.

— Въ такомъ случаѣ уступите Рубановичу не сотни тысячъ пудовъ, которые вы покупаете, а только нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ, нужныхъ ему для поставки тюремному комитету,—сказалъ губернаторъ уже болѣе мягко.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, въ расчеты Богословскихъ заводовъ совсѣмъ не входитъ поощрять еврейскія спекуляціи, да и я лично не желаю играть роль комиссіонера г. Рубановича, который можетъ купить подальше отъ рѣки Оби сколько угодно хлѣба—ему придется только подороже платить за гужевую перевозку и поэтому поменьше нажить. А въ случаѣ, если бы онъ отказался, то извольте, я уступлю по своей покупной цѣнѣ, сколько нужно, ржаной муки самому тюремному комитету, но не г. Рубановичу,—предложилъ я губернатору.

Но видимо такое мое предложеніе совсѣмъ не входило въ расчеты губернатора, А. П. Булюбаша, потому что онъ, крайне недовольный, повернулся и, опять не поклонившись мнѣ, ушелъ изъ передней.

Для характеристики помпадурства этого губернатора (всегда со смѣхомъ вспоминаю объ этомъ) могу еще сказать, что даже его супруга по городу иначе не ѣздила, какъ—впереды, на парѣ съ пристяжкой, стоя въ пролеткѣ, толстякъ-полицеймейстеръ Некрасовъ, потомъ карета съ губернаторшей и позади кареты—два конныхъ полицейскихъ стражника, называемыхъ въ Томскѣ ка-заками.

Долженъ еще сказать, хоть нѣсколько словъ, о полицеймейстерѣ Л. Н. Некрасовѣ, потому что это былъ человѣкъ, въ своемъ родѣ, весьма интересный и напоминающій Гоголевскаго «Держиморду». Онъ былъ высокаго роста и необычайно толстъ; рожа невозможно нахальная; кулачище пудовый, ноги какъ у слона. Бралъ онъ со всего и со всѣхъ и всѣмъ, чѣмъ только возможно и угодно; изобрѣтателенъ былъ во взяткахъ до невѣроятности, прямо до гениальности.

Такъ извѣстна много надѣлавшая шума, даже и въ столичныхъ газетахъ, исторія о Томской винной стачкѣ, по которой были преданы суду и приговорены къ тюремному заключенію, между прочими, и богатые, вліятельные въ думѣ водочные заводчики: Евг. Ив. Королевъ, Анд. Ник. Пастуховъ и Вас. Никиф. Вытновъ. Когда рѣшеніе Томскаго губернскаго суда, пройдя всѣ инстанціи до кассационнаго департамента сената включительно, вступило наконецъ въ законную силу, и полицеймейстеру Некрасову было предписано привести его въ исполненіе, то онъ, конечно, не преминулъ широко воспользоваться этимъ счастливымъ для него случаемъ, чтобы содрать въ свою пользу порядочный кушъ. Получивъ это предписаніе изъ губернскаго правленія въ конвертѣ «секретно», онъ не отдалъ его въ регистратуру, а положилъ его въ свой карманъ тайкомъ даже отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

Дѣло въ томъ, что дня черезъ два долженъ былъ быть именинникомъ В. Н. Вытновъ, когда у него пировать собирался почти весь городъ. Вотъ, во второмъ часу дня, когда у Вытнова за пирогомъ домъ уже былъ полонъ гостей, пріѣзжаетъ къ нему въ парадной формѣ и полицеймейстеръ Некрасовъ. Какъ ни въ чемъ не бывало, поздравляетъ онъ хозяина дома съ ангеломъ, и подъ говоръ и шумъ гостей шепчетъ ему на ухо, чтобы онъ прошелъ съ нимъ въ кабинетъ на пару словъ, по нужному дѣлу. Старикъ Вытновъ, ничего не подозрѣвая, идетъ съ нимъ въ кабинетъ, гдѣ Некрасовъ, доставъ изъ кармана, предъявляетъ ему предписаніе о его арестѣ и говоритъ съ улыбкой:

— Такъ вотъ пожалуйста въ каменный мѣшочекъ, да соберитесь поскорѣе, пожалуйста.

— Да ты, Леонидъ Николаевичъ, съ ума сошелъ!—взмолился Вытновъ.—Полонъ домъ гостей, а онъ вдругъ въ тюрьму? Ну, завтра утромъ, что ли, только не теперь же?!

— Никакъ не могу,—издѣвался Некрасовъ.—Самъ читалъ строжайшее предписаніе: «исполнить въ 24 часа по полученіи».

Въ результатѣ—старикъ Вытновъ, поторговавшись, какъ подобаетъ хорошему купцу, при чемъ Некрасовъ все-таки одну тысячу уступилъ, открылъ денежный сундукъ, досталъ должную мзду, вручилъ ее Некрасову, и направились они подъ руку, какъ ни въ чемъ не бывало, въ залъ пировать. Нагрузившись, какъ

слѣдуетъ, Некрасовъ уѣхалъ, чтобы приводить предписаніе въ исполненіе надъ Пастуховымъ и Королевымъ въ тотъ же день, а Вытновъ поѣхалъ въ тюрьму уже на слѣдующій день.

XII.

Поѣздки въ Ирбитскую ярмарку. — Служба моя по пароходству Богословскаго горнаго округа. — Томскій губернаторъ Г. А. Тобняевъ. — Проѣздъ чрезъ Томскъ нынѣ благополучно царствующаго императора Николая II въ 1891 году, въ бытность его наслѣдникомъ цесаревичемъ. — Супруги К. И. и Г. С. Томашинскіе. — Поѣздка моя въ Петербургъ. —хлопоты о субсидіи отъ правительства Томскимъ музыкальнымъ классамъ. — Вице-президентъ Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества Н. И. Стояновскій. — А. Г. Рубинштейнъ. — Заключение.

Сибирь сама по себѣ, съ ея громадными пространствами самаго плодороднаго тучнаго чернозема, дѣвственныхъ лѣсовъ и никогда не оттаивающей почвы сѣверной тайги, съ ея безконечными тундрами, колоссальными горами на югѣ, съ ея гигантскими, вполне судоходными рѣками и огромнѣйшими озерами, съ ея золотомъ и неисчерпаемыми минеральными и металлическими богатствами — представляла и понынѣ представляетъ довольно странное явленіе. Не то — это одно цѣлое съ огромной тоже, но все-таки далеко меньшей, чѣмъ она, Европейской Россіей; не то — это какъ будто совершенно отдѣльное государство въ государствѣ, относящееся, какъ будто колонія къ метрополіи: такъ велика и существенна во всемъ разниа Сибири съ Европейской Россіей.

Сибирь никогда не имѣла дворянства, никогда не знала крѣпостного права, поэтому всегда служила приманкой для бѣглой изъ Европейской Россіи вольницы, которую манили и рѣки молочныя, и берега кисельные... Земли, воды — сколько хочешь; урожаи — баснословные; рыбы въ рѣкахъ, звѣря и дичи въ лѣсахъ — изобиліе, лѣсовъ, луговъ, пастбищъ — непочатый край, золота — дѣвать некуда!.. Все это заставляло вольницу стремиться въ Сибирь... Только народу все мало... И вотъ государство Россійское стало населять Сибирь — сначала преступниками, приговоренными въ каторжныя работы, руками коихъ устраивало и обстраивало огромныя поселенія, чуть не цѣлые города, гдѣ на пріискахъ добывалось много золота; потомъ — опять-таки преступниками, приговоренными на поселеніе, которымъ отпускалась казенная земля безъ мѣры... работай только, добывай свой хлѣбъ и живи съ Богомъ; и наконецъ повезли въ Сибирь декабристовъ, бунтующихъ поляковъ, политическихъ и интеллигентныхъ людей, приговариваемыхъ судами за менѣ тяжкіе проступки, просто къ ссылкѣ на житье, и уложеніе о наказаніяхъ свода законовъ пополнилось цѣлымъ рядомъ статей о ссылкѣ въ Сибирь по разнымъ категоріямъ и степенямъ.

Насколько этотъ преступный ссылный элементъ изъ простого темнаго люда тормозилъ культурное развитіе Сибири, на-

столько же, пожалуй, она ссыльному же элементу изъ декабристовъ, поляковъ, политическихъ и интеллигентныхъ людей объяснена и началомъ своего культурнаго и промышленнаго пробужденія. Иностранцы, какъ камчадалы, якуты, буряты, самоѣды, остяки, киргизы, калмыки, башкиры и татары, составлявшіе исконное, коренное населеніе, преимущественно кочующіе, по своей дикости, небогатымъ умственнымъ способностямъ и по своимъ ничтожнѣйшимъ житейскимъ потребностямъ—не только туго поддаются культурѣ, но, гдѣ только могутъ, всегда противодействуютъ ей, отстаивая свою свободу и полную независимость, прежде всего не желая признавать никакихъ властей.

Между простымъ людомъ, т.е. крестьянами, простыми ремесленниками и рабочими, ссылавшимися при старомъ крѣпостномъ правѣ помѣщиками иногда за ничтожныя провинности, и другими, бѣжавшими отъ произвола и деспотизма своихъ тирановъ-господъ, было много прекрасныхъ работниковъ, и изъ нихъ составлялся полезный элементъ въ заселеніи Сибири такъ же, какъ изъ бѣжавшихъ изъ Европейской Россіи отъ преслѣдованій всевозможныхъ старовѣровъ и сектантовъ. Первые селились на вольныхъ земляхъ, преимущественно на открытыхъ мѣстахъ, по большому Сибирскому тракту, запахивали вездѣ цѣлину, разводили массу скота и скоро богатѣли, образовывая громаднѣйшія села; послѣдніе забирались преимущественно въ глубь страны—въ дикую тайгу или въ горы, гдѣ устраивали сначала скиты и обители, потомъ отдѣльныя тоже поселенія, члены коихъ занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ тоже въ достаточной степени, разводили еще большія пастбища и занимались преимущественно торговлей.

Какъ по большому Сибирскому тракту на всемъ его пространствѣ встрѣчаются постоянно громаднѣйшія, прекрасно обстроенныя села, по нѣскольку верстъ въ длину, такъ и понынѣ есть еще масса никому невѣдомыхъ поселковъ, обителей и скитовъ разныхъ сектантовъ въ глубокой сѣверной тайгѣ и въ дикихъ южныхъ горахъ Алтая.

Я мало знакомъ съ народнымъ бытомъ Восточной Сибири, но, поступивъ на службу по пароходству Богословскаго горнаго округа и завѣдывая по покупкой хлѣба, мнѣ пришлось объѣзжать огромныя пространства Западной Сибири, какъ на пароходахъ по рѣкамъ Томи, Чулыму, Оби, Иртышу, Тоболу, Тавдѣ, Сосьвѣ и Турѣ, такъ и на лошадахъ по районамъ закупки хлѣба и по большому Московскому почтовому тракту, при ежегодныхъ въ февралѣ мѣсяцѣ поѣздкахъ въ Ирбитъ на ярмарку, и потому я хорошо ознакомился съ народонаселеніемъ и бытомъ его именно въ этихъ самыхъ бойкихъ мѣстахъ Западной Сибири. Не задаваясь специальными этнографическими, географическими и бытовыми изслѣдованіями края, мнѣ все-таки приходилось невольно наблю-

дать нѣкоторыя общепітересныя стороны жизни и быта мѣстныхъ жителей, которыя и постараюсь передать вкратцѣ.

До проведенія великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, подвигнувшаго, конечно, Сибирь и въ горно-промышленномъ отношеніи впередъ, она была исключительно страной золота — для промышленнаго сословія и страной хлѣба и скотоводства—для крестьянъ. Сибирь производила только сырье: съ одной стороны—шлиховое золото, все сдаваемое въ казну; съ другой — хлѣбъ, потребляемый на мѣстѣ очень дешево вслѣдствіе его обилія и шедшій изъ Томской губерніи, на примѣръ, благодаря дешевымъ водянымъ путямъ по р.р. Оби и Иртышу, все-таки не далѣе уральскихъ мельницъ и заводовъ, а продукты скотоводства, какъ кожи, волось, сало, масло коровье и проч., обмѣнивались на европейскіе фабричныя товары на Ирбитской ярмаркѣ, имѣвшей до Сибирской желѣзной дороги, по дѣлаемымъ на ней оборотамъ и сдѣлкамъ, не меньшее значеніе, чѣмъ Нижегородская ярмарка.

Семь лѣтъ кряду мнѣ приходилось по дѣламъ Богославскаго горнаго округа ѣздить ежегодно въ февралѣ мѣсяцѣ изъ Томска въ Ирбитъ; этотъ длинный, въ 1.707 верстъ, путь идетъ по самымъ населеннымъ мѣстностямъ Томскаго и Каинскаго уѣздовъ Томской губерніи, чрезъ Барабинскую степь, и Тюкалинскаго, Ишимскаго, Ялуторовскаго, Тюменскаго и Туринскаго уѣздовъ Тобольской губерніи и наконецъ Ирбитскаго уѣзда Пермской губерніи.

Движеніе проѣзжающаго въ это время торговаго люда изъ всей Западной и Восточной Сибири, включительно до якутовъ, жителей Пріамурскаго края и даже Камчатки, было такъ велико, что почтовые лошади никакъ не могли удовлетворить потребности; ими пользовались только почта и чиновники, ѣдущіе по казенной надобности, весь же торговый міръ, дорожа временемъ и не желая понапрасну тратить его на вѣчное ожиданіе лошадей на почтовыхъ станціяхъ, предпочиталъ ѣздить на вольныхъ, у которыхъ задержки въ лошадяхъ никогда не бывало, а возили они всегда за тѣ же казенныя прогоны, т.-е. по три копейки съ лошади въ Восточной Сибири и по полторы копейки въ Западной.

Всѣ села по этому большому тракту прекрасно обстроены, почти сплошь, двухъэтажными домами; въ нижнемъ этажѣ обыкновенно помѣщаются хозяева, работники и стряпухи, въ верхнемъ три-четыре чистыхъ комнаты, весьма прилично меблированныхъ, гдѣ пируютъ по большимъ праздникамъ и гдѣ принимаютъ знакомыхъ проѣзжающихъ; даже въ одноэтажныхъ, большихъ домахъ, не менѣе пяти оконъ на улицу, всегда есть одна-двѣ комнаты для проѣзжающихъ. Бросается также въ глаза, что всѣ окна, въ каждой избѣ положительно, всегда уставлены горшками съ цвѣтами, изъ коихъ преобладаютъ почти постоянно цвѣтушіе герань,

бальзамины и геліотропъ, и что всѣ полы въ чистомъ отдѣленіи избъ всегда застланы лазаами (мѣстное ручное крестьянское производство ковровъ изъ коровьей шерсти), обыкновенно затканными тоже цвѣточными узорами, иногда съ изображеніемъ собакъ, иногда турецкимъ рисункомъ.

Живутъ сибирскіе крестьяне, особенно поселившіеся по тракту (а это большинство), хорошо и сытно, благодаря обилію и дешевизнѣ хлѣба и мяса; всѣ безъ исключенія пьютъ чай, и въ каждомъ домѣ всегда есть нѣсколько самоваровъ. Благодаря обилію пастбищъ и дешевизнѣ кормовъ, крестьяне держатъ массу лошадей, овецъ, козъ и рогатаго скота, который въ изобиліи снабжаетъ ихъ дешевымъ мясомъ и даетъ доходъ шерстью и кожами; насколько много лошадей у сибирскаго крестьянина, можно судить по одному тому, что нерѣдко, во время большого разгона по случаю Ирбитской ярмарки, на одномъ дворѣ сразу запрягаютъ по двадцати троекъ одного хозяина, и тогда самъ хозяинъ, сыновья, работники и даже бабы садятся на козлы ямщиками.

Такая ѣзда на вольныхъ, когда ямщики передаютъ проѣзжающихъ на слѣдующей станціи своимъ родственникамъ, пріятелямъ и непремѣнно знакомымъ имъ другимъ ямщикамъ, называется—ѣхать по веревочкѣ, въ отличіе отъ ѣзды на почтовыхъ. Такихъ веревочекъ на этомъ бойкомъ трактѣ много, и ямщикъ одной веревочки никогда не привезетъ васъ къ слѣдующей перепряжкѣ на другую веревочку, а непремѣнно на свою. Это представляетъ своего рода удобство, потому что, если вы проѣдете раза два-три по одной и той же веревочкѣ, всѣ сейчасъ же запримѣтятъ васъ, особенно, если вы не скупитесь давать на водку, васъ везутъ отлично, да и вамъ пріятно заѣзжать чайничать при перепряжкахъ лошадей всегда къ однимъ и тѣмъ же уже знакомымъ вамъ домохозяевамъ-ямщикамъ. У меня, напримѣръ, была такая прекрасная пріятельская веревочка, что я выѣзжалъ эти 1.700 верстъ всегда въ пять сутокъ и два-три часа, а въ одну малоснѣжную зиму, когда было очень мало ухабовъ (по-сибирски—нырковъ), мнѣ довелось проѣхать изъ Ирбита въ Томскъ въ четверо сутокъ шестнадцать часовъ, при чемъ въ однѣ сутки въ Барабинской степи я пролетѣлъ четыреста двадцать верстъ, сдѣлавъ кругомъ, за вычетомъ 3-хъ часовъ, потраченныхъ на перепряжку лошадей на 18-ти станціяхъ, по 20-ти верстъ въ часъ. Поразительно хорошо и быстро!

Когда при Богословскихъ заводахъ былъ выстроенъ еще и рельсопрокатный заводъ, съ котораго рельсы доставлялись для средне-сибирской желѣзной дороги, управленіе коей было въ Томскѣ, и была уже организована постоянная закупка въ Томской губерніи хлѣба для заводовъ, Богословскому горному округу пришлось увеличить свое пароходство до шести пароходовъ, которые всю навигацію рейсировали безостановочно, доставляя съ

Оби хлѣбъ къ заводамъ, а оттуда рельсы, которые сдавались желѣзной дорогѣ у села Кривошекова, гдѣ строился и гигантскій мостъ, при пересѣченіи желѣзной дорогой р. Оби.

Тогда Богословскій горный округъ назначилъ меня управляющимъ Томской конторой его пароходства, въ которой были сосредоточены всѣ распоряженія по движенію пароходовъ, ремонту и зимовкамъ ихъ въ районѣ р. Оби, по сдачѣ рельсовъ на средне-сибирскую желѣзную дорогу и по закупкѣ хлѣба и другихъ продуктовъ первой необходимости. За шестилѣтнее управленіе мною Томскѣй конторой Богословскаго горнаго округа, мнѣ приходилось очень часто и очень много ѣздить на нашихъ пароходахъ по рѣкѣ Оби и ея притокамъ Томи и Чулыму, и вотъ тутъ-то мнѣ пришлось познакомиться съ ужаснымъ бытомъ племени остяковъ, проживающихъ въ тундрахъ береговъ р. Оби, преимущественно въ сѣверной части ея теченія.

Насколько русскіе, населяющіе преимущественно южныя, степныя и трактовыя части Томской губерніи, здоровый, рослый, красивый и зажиточный народъ, настолько, въ совершенную противоположность имъ, остяки болѣзненны (всѣ поголовно заражены самымъ злокачественнымъ сифилисомъ), малорослы, уродливы и бѣдны. Это племя сохранилось до сихъ поръ въ своей первобытной дикости, не поддающейся никакой культурѣ; занимая тундры, мѣстности, въ которыхъ хлѣбъ не родится, остяки ни хлѣбопашествомъ, ни скотоводствомъ не занимаются, а промышляютъ только рыбой, охотой на птицу и звѣря и пушниной, которые и составляютъ главные продукты ихъ продовольствія и даютъ имъ средства на пріобрѣтеніе необходимѣйшаго въ ихъ скудномъ домашнемъ обиходѣ. Въ р. Оби, не отравленной еще ни мазутомъ, котораго въ Сибири еще не знаютъ, ни отбросами разныхъ фабрикъ, которыхъ также еще нѣтъ, есть еще масса красной и бѣлой рыбы, служащей вмѣстѣ съ дикими уткой и гусемъ, въ огромныхъ массахъ гнѣздящихся въ этихъ дикихъ, не заселенныхъ мѣстахъ, — главнымъ продуктомъ продовольствія остяковъ. Рыбу они ловятъ различными способами круглый годъ и ѣдятъ ее: стерлядь, напимѣръ, охотнѣе всего живую, въ сыромъ видѣ; осетра — вяленаго, иногда слегка прокопченнаго; нельму, моксуна, тайменя и налима — свѣжими, солеными и вареными; сига, язя и другую мелкую рыбу сушатъ и вялятъ; лѣтомъ, во время навигаціи, они снабжаютъ проходящіе пароходы живыми осетрами, стерлядями и нельмой, которыхъ покупаютъ у нихъ, сравнительно, еще очень дешево. Весной, во время полета и прилета мѣстныхъ породъ, остяки ловятъ и бьютъ массу дикихъ утокъ и гусей, которыхъ солятъ и заготавливаютъ себѣ на зиму, какъ главную мясную пищу, такъ же, какъ и мясо лебедей, съ которыхъ сдираютъ шкурки и продаютъ ихъ всегда имѣющимся на каждомъ проходя-

щемъ пароходѣ скупщикамъ, забирающимъ отъ нихъ тоже пушнину (соболя, куницу, горностая, бѣлку, лисицу, выдру и колонка) и медвѣжьи, оленьи и волчьи шкуры. Эти же скупщики, въ свою очередь, продаютъ остякамъ: свинецъ, порохъ, винтовки, дешевую мануфактуру, соль, муку ржаную, кое-какія крупы и строжайше запрещенную водку, до которой остяки ужасно падки, и весьма часто остякъ, долго торгуясь и не уступая ни гроша деньгами, партію крупной живой стерляди, напримѣръ, въ нѣсколько десятковъ штукъ, за которую онъ просилъ съ пароходнаго буфетчика 5—6 рублей, или шкуру лисицы вдругъ отдаетъ за одну бутылку водки. Остяцкое нарѣчіе своеобразное, съ преобладаніемъ мычащихъ звуковъ, а въ общеніи съ русскими они говорятъ по-русски, но плохо.

Живутъ остяки небольшими поселками въ двѣ, три семьи по берегамъ р. Оби—зимой въ избушкахъ на курьихъ ножкахъ, въ виду весенняго половодья, а лѣтомъ непремѣнно переселяются въ шалаши изъ бересты. Какъ въ избушкахъ, такъ и въ шалахахъ грязь невообразимая, и кишатъ они всевозможными, самыми нечистоплотными насѣкомыми, какъ клопы, вши и блохи; всюду валяются рыбы внутренности, кости и чешуя, никогда не убираемая, издающія страшное зловоніе. Однимъ словомъ гигиеническія условія жизни этого племени ужасны, прямо таки невозможны, и ничего нѣтъ удивительнаго, что оно быстро вымираетъ и въ самомъ близкомъ будущемъ, конечно, совершенно исчезнетъ, о чемъ, впрочемъ, сожалѣть не приходится, потому что оно никакой пользы человѣчеству не приноситъ, и можно только приходить въ ужасъ, что въ самомъ концѣ девятнадцатаго вѣка есть еще на землѣ люди, все-таки люди, живущіе и существующіе при такихъ страшныхъ условіяхъ и обстановкѣ жизни...

Въ 1891 году, въ маѣ и іюнѣ, Сибирь была осчастливлена проѣздомъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая Александровича, возвращавшагося изъ своего кругосвѣтнаго путешествія чрезъ Сибирь, которую онъ проѣхалъ на лошадахъ всю, начиная отъ Владивостока.

Въ Томскѣ въ то время губернаторомъ былъ камергеръ Германъ Августовичъ Тобизенъ, нынѣ гофмейстеръ и харьковскій губернаторъ, которому Сибирь обязана тѣмъ, что она была спасена имъ отъ всемірнаго посрамленія. Дѣло въ томъ, что очень незадолго до проѣзда Наслѣдника-Цесаревича чрезъ Томскую губернію, Г. А. Тобизенъ узналъ, что сибирскій окружный жандармскій начальникъ, генералъ-майоръ Ник. Ів. Александровъ, проживавшій въ Томскѣ, но выѣхавшій встрѣчать высокаго путешественника въ Восточную Сибирь, настаиваетъ на томъ, чтобы Наслѣдникъ не заѣзжалъ въ Томскъ на сутки съ чѣмъ-то, какъ это предполагалось по маршруту, а миновалъ бы его, мотивируя это тѣмъ,

что студенты недавно открытаго Томскаго уневерситета очень не-благонадежны и, по имѣющимся будто бы у жандармовъ свѣдѣніямъ, затѣваютъ даже покушеніе на жизнь Цесаревича. Губернаторъ, возмущенный до глубины души такимъ неосновательнымъ образомъ дѣйствій жандармскаго генерала, убѣжденный и вполне увѣренный въ полной благонадежности своей губерніи, города и даже студенчества, не могъ примириться съ мыслью допустить Наслѣдника русскаго престола миновать единственный университетскій городъ въ Сибири и не посѣтить самаго университета, открытаго всего три года тому назадъ; поэтому губернаторъ выѣхалъ встрѣчать Наслѣдника-Цесаревича далеко за предѣлы своей губерніи и въ г. Ачинскѣ, Енисейской губерніи, убѣдилъ князя Барятинскаго, сопровождавшаго Наслѣдника, не срамить на весь образованный міръ Томскій университетъ, да и всю Сибирь, миновавъ г. Томскъ, единственный университетскій городъ въ этой громадной странѣ, завѣривъ князя Барятинскаго въ полной безопасности высокаго гостя и принявъ на себя лично всю отвѣтственность.

Князь Барятинскій внялъ основательнымъ доводамъ Г. А. Тобизена, и Наслѣдникъ Цесаревичъ останавливался въ Томскѣ болѣе сутокъ, ночевалъ тамъ, посѣтилъ университетъ и его замѣчательную библіотеку, принялъ обѣдъ отъ города и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ завтракъ у губернатора. Погода все время вполне благопріятствовала торжеству приѣма г. Томскомъ Наслѣдника престола, народъ собирался огромными массами и всюду привѣтствовалъ его самымъ восторженнымъ ура, а мѣстные татары даже составили изъ себя конный эскортъ, всюду сопровождавшій его.

На обѣдъ отъ города и на завтракъ у губернатора я имѣлъ счастье дирижировать оркестромъ, при чемъ исполненіе одной изъ пьесъ особенно понравилось Государю Наслѣднику, и я съ оркестромъ были осчастливлены просьбой повторить ее.

Нужно отдать полную справедливость губернатору Герману Августовичу Тобизену, что онъ не только сумѣлъ должнымъ образомъ принять Наслѣдника престола, но и вообще сдѣлалъ очень много для Томска, который обязанъ ему и телефономъ, и электрическимъ освѣщеніемъ, и новымъ мостомъ чрезъ р. Ушайку, и замощеніемъ базарной площади, и новыми на ней лавками, и прекрасной пожарной командой. А его доступность и для всѣхъ одинаково ласковый и любезный приемъ заставили всѣхъ искренно сожалѣть о его отъѣздѣ изъ Томска въ 1895 году, такъ какъ оставаясь онъ еще, хоть нѣсколько лѣтъ, и Томскъ навѣрное былъ бы весь замощенъ, да и водопроводъ былъ бы устроенъ, а и то и другое такъ необходимы городу. Съ отъѣздомъ же Г. А. Тобизена и назначеніемъ на его мѣсто генераль-майора А. А.

Ломачевскаго, эти двѣ насущныя потребности благоустроеннаго города канули въ вѣчность...

Въ предыдущей главѣ я уже упоминалъ, что губернаторъ И. И. Красовскій привлекъ меня къ дѣятельности при Томскомъ отдѣленіи Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, что я посвящалъ всѣ свои досуги служенію этому благороднѣйшему и столь любимому мною музыкальному искусству и теперь долженъ сказать, хоть вкратцѣ, къ чему была направлена и стремилась наша дѣятельность. Говорю—наша, потому что давно извѣстно, что «одинъ въ полѣ не воинъ», и потому, съ пріѣздомъ въ Томскъ, въ 1885 году, новыхъ музыкальныхъ силъ, въ лицѣ правителя канцеляріи попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа, молодого Григорія Севериновича Томашинскаго, и его юной супруги, Камиллы Ивановны, мы втроемъ, одинаково одушевленные любовью къ музыкѣ, дружно сплотились и принялись со всей энергіей и настойчивостью пропагандировать хорошую музыку и развивать вкусъ и любовь къ ней въ этой далекой окраинѣ, про которую не даромъ говорятъ: «куда Макаръ телятъ не загонялъ», и «куда воронъ костей не заносилъ».

Молодые супруги Томашинскіе были, конечно, выбраны въ дирекцію Томскаго отдѣленія, и вотъ, подъ предѣлательствомъ очаровательной Камиллы Ивановны, плѣнившей всѣхъ своимъ свѣжимъ, сильнымъ голосомъ, жизнерадостностью и привѣтливостью, при отдѣленіи сейчасъ же сформировался значительный хоръ любителей, который очень охотно и аккуратно собирался на спѣвки и, подъ руководствомъ нашимъ, довольно быстро подготовлялся къ публичному исполненію; я принялъ на себя устройство и руководство оркестромъ, съ которымъ дѣло шло гораздо упорнѣе, такъ какъ онъ собранъ былъ, что называется, «съ борку да сосенки» и состоявшій исключительно изъ евреевъ самоучекъ; добиться съ нимъ исполненія мало-мальски порядочнаго и сноснаго было очень трудно. Тѣмъ не менѣе мы не унывали, работали много, работали настойчиво и приступили къ правильнымъ симфоническимъ собраніямъ и даже устраивали оперные спектакли; но довольствоваться одной публичной, концертной дѣятельностью мы не могли, и всѣ наши заботы сводились главнымъ образомъ къ созданію средствъ, необходимыхъ для осуществленія нашей мечты и самой существенной задачи общества — открытія музыкальной школы, которая дала бы возможность желающимъ получить правильное и серьезное музыкальное образованіе.

И въ этомъ направленіи наша настойчивая дѣятельность увѣнчалась успѣхомъ; благодаря собраннымъ исключительно нами троими, особенно Григ. Сев. Томашинскимъ, частнымъ пожертвованіямъ, достигшимъ болѣе десятка тысячъ рублей, намъ удалось 7-го февраля 1893 года открыть Томскіе музыкальные классы,

сначала при одномъ классѣ игры на скрипкѣ, всего при 8-ми ученикахъ, а въ мартѣ еще и при классѣ игры на рояли при 11-ти ученикахъ и ученицахъ; я же былъ единогласно избранъ первымъ директоромъ классовъ. Насколько была велика потребность въ музыкальной школѣ въ Томскѣ, и насколько она сразу заслужила симпатіи и довѣріе къ себѣ не только мѣстнаго, но и иногородняго общества, ясно видно изъ того быстрого и постоянного роста и развитія ея, какъ въ количествѣ учениковъ, прибывавшихъ въ томскіе музыкальные классы даже изъ Тобольска, Омска, Красноярска и Иркутска, такъ и въ увеличеніи числа преподавателей. Открытые въ февралѣ 1893 года при 8-ми всего ученикахъ и одномъ преподавателѣ, Томскіе музыкальные классы къ 1-му января 1898 года насчитывали уже 120 учениковъ и ученицъ, при 6-ти преподавателяхъ, обладавшихъ музыкально-образовательными цензами.

Конечно, супругамъ Томашинымъ и мнѣ пришлось перенести и пережить много непріятностей, инсинуацій, клеветы и сплетенъ, столь присущихъ провинціальному обществу, но мы не унывали, твердо и увѣренно шли къ намѣченной цѣли, и если намъ, по незаписавшимъ отъ насъ причинамъ, и пришлось оставить Томскіе музыкальные классы, если они по уходѣ и отъѣздѣ нашемъ и пришли теперь въ упадокъ, то у насъ есть все-таки утѣшеніе въ томъ, что мы добросовѣстно исполнили свой долгъ по отношенію къ нимъ и настолько крѣпко привили ихъ въ Томскѣ, что развалить ихъ совѣмъ нѣтъ уже никакой возможности, и что явятся же опять достойные, любящіе это дѣло, энергичные дѣятели, которые опять поднимутъ ихъ на должную высоту, такъ что современнымъ изъ скромныхъ Томскихъ музыкальныхъ классовъ образуется все-таки Сибирская консерваторія...

Еще въ 1892 году дирекція Томскаго отдѣленія начала чрезъ главную дирекцію въ Петербургѣ хлопотать объ усиленіи средствъ для проектируемыхъ музыкальныхъ классовъ правительственной субсидіей, но до 1894 года ходатайство это успѣха не имѣло и удовлетворено не было. Только въ январѣ 1894 года мнѣ удалось въ бытность мою въ Петербургѣ по дѣламъ пароходства Богословскаго горнаго округа лично возобновить это ходатайство и добиться должнаго результата. Вице-президентомъ Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества былъ тогда членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Николай Ивановичъ Стояновскій, который принялъ меня очень любезно и общалъ на другой же день представить ходатайство дирекціи Томскаго отдѣленія на заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ и для дальнѣйшаго представленія его на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

Желая воспользоваться помощью и содѣйствіемъ для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ пребываніемъ въ Петербургѣ и томскаго

губернатора Г. А. Тобизена, я черезъ день отправился къ Н. И. Стояновскому за справкой, послано ли представленіе министру внутреннихъ дѣлъ. Оказалось, что добрыйшій Николай Ивановичъ забылъ о данномъ имъ обѣщаніи и подтвердилъ, что назавтра непременно это сдѣлаетъ; и я имѣлъ терпѣніе и нахальство десять дней къ ряду, аккуратно въ 11 часовъ утра являться къ его высокопревосходительству за справкой. Вѣроятно, ему страшно надоѣло принимать меня каждый день, но это имѣло все-таки должное дѣйствіе и, когда на одиннадцатый день утромъ Н. И. Стояновскому вновь доложили о моемъ приходѣ, онъ вошелъ ко мнѣ съ клочкомъ бумага въ рукахъ и, не приглашая меня больше къ себѣ въ кабинетъ, сказалъ:

— Вотъ вамъ справка, за какимъ номеромъ представленіе о ежегодной субсидіи Томскимъ музыкальнымъ классамъ послано вчера министру внутреннихъ дѣлъ.

— Очень благодаренъ вашему высокопревосходительству,—облагодолженъ я.—Осмѣливаюсь успокоить васъ, что больше вы не увидите моей столь докучившей вамъ персоны.

Съ полученной справкой въ карманѣ я полетѣлъ сейчасъ же къ нашему губернатору, любезно принявшему на себя дальнѣйшія хлопоты у министра внутреннихъ дѣлъ, который отнесся къ дѣлу очень сочувственно, не задержалъ его, и оно въ весеннюю еще сессію попало на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Въ результатѣ Томскіе музыкальные классы Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества получаютъ съ 1894 года ежегодную правительственную субсидію въ размѣрѣ двухъ тысячъ рублей; этимъ само правительство какъ бы признало ихъ заслуживающими такой поддержки и поощренія, и съ тѣхъ поръ они поставлены нами, т.-е. супругами Томашинскими и мною, на твердую и прочную почву.

Въ этотъ же мой приѣздъ въ Петербургъ я имѣлъ счастье 1-го января 1894 года посѣтить Антона Григорьевича Рубинштейна и на другой день (2-го января) присутствовать на его благотворительномъ концертѣ, бывшемъ, къ великому несчастью, и его послѣднимъ концертомъ въ Россіи, такъ какъ 3-го января онъ выѣхалъ за границу, а 8-го ноября того же 1894 г., вскорѣ по возвращеніи въ Петергофъ, этого гениальнаго піаниста не стало.

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я это послѣднее посѣщеніе мною Антона Григорьевича и то отрадное впечатлѣніе, которое я вынесъ отъ него. Когда я вошелъ въ занятый Рубинштейномъ довольно обширный номеръ Европейской гостиницы, я засталъ тамъ уже много лицъ изъ петербургскаго музыкальнаго міра, приѣхавшихъ тоже поздравить его съ новымъ годомъ. Антонъ Григорьевичъ, съ которымъ я лично былъ мало знакомъ, зная, что я пропагандирую хорошую музыку въ отдаленной Сибири,

гдѣ устроилъ и первую правильно организованную музыкальную школу, принялъ меня буквально съ распростертыми объятіями; усадилъ сейчасъ же рядомъ съ собой и, не обращая никакого вниманія на остальныхъ присутствовавшихъ (какъ будто это и ихъ всѣхъ должно было непременно интересовать), сталъ подробнѣйше разспрашивать меня о Сибири вообще и о Томскѣ въ частности.

Когда, между прочимъ, говоря о тамошнемъ очень маломъ музыкальнымъ развитіи, о трудности устройства тамъ симфоническихъ собраний, я сказалъ ему:

— А знаете, Антонъ Григорьевичъ, я, можетъ быть, профанирую искусство, можетъ быть, совершаю даже музыкальное преступленіе, но успѣхъ мое преступленіе имѣетъ безспорный.

— Что такое?—съ интересомъ перебилъ меня Рубинштейнъ.

— Для болѣе удобнаго и легкаго пониманія и ознакомленія публики съ гениемъ Бетховена, когда симфоніи его еще трудны для исполненія мѣстнымъ мизернымъ оркестромъ и для пониманія ихъ мѣстной мало образованной музыкально публикой, я оркеструю его фортепіанныя сонаты, изъ которыхъ многія, право же, такъ и просятся въ оркестръ, и исполняю ихъ въ симфоническихъ собраніяхъ, а публика ихъ слушаетъ охотно, потому что онѣ короче симфоній, болѣе знакомы и понятнѣе ей...

— А какія сонаты оркестровали вы и дерзали исполнять публично?—спросилъ меня Рубинштейнъ какъ будто строго, но улыбаясь при этомъ своей привѣтливой улыбкой.

— Въ первую голову исполнялась С—mol соната-патетикъ,—отвѣчалъ я воодушевляясь.—И представьте себѣ—начали биссировать съ перваго же Grave?!

Антонъ Григорьевичъ молчитъ и начинаетъ хмуриться.

Но я не унываю и продолжаю, воодушевляясь все больше.

— Въ слѣдующемъ симфоническомъ собраніи игралъ F—mol сонату № 1; финалъ *prestissimo*, съ его совершенно русской темой, напоминающей пѣсню: «ты ступай, коровушка, домой», вызвалъ просто громъ рукоплесканій!...

Антонъ Григорьевичъ бросился обнимать и цѣловать меня:

— Да вы просто гениальный человѣкъ!.. И какъ только мнѣ, старому дураку, никогда такая счастливая мысль въ голову не приходила?! Нѣтъ, вы—молодчина!.. Вотъ Сонечка,—обратился Рубинштейнъ къ С. А. Малоземовой,—ты все плачешь, что нѣтъ поля для полезной дѣятельности?!.. Ступай работать въ школу вотъ къ этому піонеру, который работаетъ, трудится у чорта на куличкахъ, да еще на невоздѣланной почвѣ, такъ туго поддающейся музыкальному плугу!.. Нѣтъ, вы—положительно настоящій піонеръ-молодчина!..—и Антонъ Григорьевичъ опять обнялъ и поцѣловалъ меня.

Упомянулъ я объ этомъ лестномъ для меня эпизодѣ, какъ весьма характерномъ для такой выдающейся, крупной личности,

какъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, такъ и потому еще, что указаніе на оркестровое исполненіе фортепіанныхъ сонатъ Бетховена можетъ вызвать подражателей и принести большую пользу тѣмъ музыкальнымъ дѣятелямъ, которымъ волею судебъ приходится работать и пропагандировать хорошую музыку въ отдаленныхъ отъ музыкальныхъ центровъ мѣстностяхъ, среди публики, еще не образованной и мало развитой музыкально и со слабыми оркестровыми силами. Весьма многія изъ фортепіанныхъ сонатъ и другихъ произведеній Гайдна, Моцарта и въ особенности Бетховена такъ и просятся въ оркестръ, въ исполненіи коего онѣ могутъ только выиграть и производить во всякомъ случаѣ болѣе сильное впечатлѣніе на слушателя, чѣмъ незавидное бряцаніе ихъ на рояли любителями-диллетантами.

Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ сонатъ Бетховена, могу еще указать на сонату-фантазію (C—mol, № 18) Моцарта, на Rondo-Capriccioso (E—mol)—Мендельсона-Бартольди, которыя при маломальски умѣлой оркестровкѣ звучатъ въ оркестрѣ превосходно, не трудны къ исполненію и производятъ очень сильное впечатлѣніе; а сонаты Бетховена—да онѣ почти всѣ легко поддаются оркестровкѣ и должны, конечно, поражать слушателя своей геніальностью...

Въ 1900 году осенью мнѣ пришлось совсѣмъ уѣхать изъ Томска и переселиться опять въ Европейскую Россію. Много горя и страданій, волненій и незаслуженной клеветы пришлось мнѣ пережить въ Сибири и ея Москвѣ—Томскѣ (сибиряки называютъ Иркутскъ—Сибирскимъ Петербургомъ, а Томскъ—Сибирской Москвой), за шестнадцатилѣтнее пребываніе мое тамъ; но тамъ же я пережилъ и перечувствовалъ такъ много пріятнаго и возвышающаго душу человѣческую и человѣческое достоинство, что сознаніе принесенной мною пользы музыкальному искусству и пароходству Богословскаго горнаго округа заставляеть меня забывать непріятности и невзгоды, а воспоминанія объ искренно бывшихъ расположенными ко мнѣ ученицахъ, ученикахъ и преподавателяхъ созданной мною музыкальной школы и о многочисленныхъ моихъ бывшихъ сослуживцахъ и подчиненныхъ по пароходству всегда будутъ для меня самыми отрадными и пріятными въ моей жизни.

На этомъ кончаю пока свои воспоминанія.

Андрей Ауэрбахъ.

